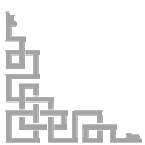

ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ...

БЕСЕДЫ О ДЕНЬГАХ, ПОЛИТИКЕ И ЖИЗНИ ВООБЩЕ

Автор: Его Святейшество Далай-Лама XIV
Перевод: Е. Стародуб

Об авторах	3
Вступление	3
Власть и система ценностей	7
Мировое сообщество	18
Экономика и альтруизм.....	29
Срединный путь	42
Жизнь и смерть	51
Разум и чудеса.....	68
Эпилог	85
Приложение.....	86
МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО	86
И НЕОБХОДИМОСТЬ ВСЕОБЩЕЙ.....	86
ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	86
Мировое сообщество	86
Человечество — одна семья.....	86
Альтруизм как лекарство	87
Всеобщая ответственность.....	89
Ненасилие и международный миропорядок	92
Реальность войны.....	93
Разоружение для мира во всем мире.....	95
Зоны мира	97
В заключение.....	98
Словарь	100

Об авторах

Его Святейшество Тензин Гьяцо, который называет себя «простым буддийским монахом». Общеизвестный духовный и светский лидер тибетского народа. На Западе более известен как Далай-Лама. Получил всемирное признание в 1989 году, когда за приверженность ненасильственным методам в борьбе за освобождение Тибета ему была вручена Нобелевская премия мира. Активно отстаивая тезисы о необходимости сострадания и чувстве всеобщей ответственности, Далай-Лама XIV много путешествует и часто посещает с визитами Европу и Северную Америку.

Фабьен Уаки — глава и председатель совета директоров компании «Гати», в которой по всему миру работает тысяча семьсот человек. Ему сорок семь лет, у него четверо детей. После встречи с Калу Ринпоче, состоявшейся двадцать один год назад, стал последователем тибетского буддизма. В 1994 году Фабьен организовал в Париже форум, посвященный бизнесу и этике. Участие в нем принимал Его Святейшество Далай-Лама.

Фабьен убежден, что в мире бизнеса и финансов есть место и для общечеловеческих ценностей, а взаимный интерес и всеобщая ответственность — важнейшие факторы развития экономики будущего. Его можно назвать прообразом бизнесмена третьего тысячелетия.

Анна Бенсон, мать двоих детей, родилась в Калифорнии в 1950 году. Когда ей было десять лет, переехала с родителями во Францию. В семнадцать лет побывала в Индии, где прошла обучение у одного из крупнейших тибетских мастеров XX века Кьябье Кангьюра Ринпоче. Помогала его сыну, Пема Вангьялу Ринпоче, создавать Учебный центр в Шантелубре, в Дордони. Несколько лет представляла интересы Его Святейшества Далай-Ламы и занималась тибетским вопросом. Сейчас Анна посвятила себя переводам с тибетского на

французский и английский

Вступление

Когда не веришь в совпадения, легче понять, почему некоторые люди играют в твоей жизни столь важную роль. Однажды вечером, а было это в 1980 году, я зашел в гости к другу, который работал на французской радиостанции «Европа 1». Он устроил у себя дома студию и готовил дикторов для радио. В тот вечер я познакомился с тремя людьми, которые открыли первую «пиратскую» радиостанцию во Франции. Называлась она «Радио здесь и сейчас». Эта радиостанция была форумом, где велись открытые обсуждения, здесь впервые применили новые принципы радиовещания, которые во Франции в то время были неизвестны. Я и представить себе не мог, что этот вечер так сильно повлияет на мою жизнь и что в конечном счете он приведет меня к написанию этой книги. Один из людей, с которыми я познакомился в тот вечер, был причастен к организации приезда нескольких буддистских учителей во Францию. Он случайно упомянул о том, что его учитель, Калу Ринпоче*¹, сейчас преподает свое учение в Париже. Я решил пойти на одну из лекций.

¹ Пояснение к именам и терминам, помеченным звездочкой (*), можно найти в словаре в конце книги. — Прим. перев.

Калу Ринпоче был стар, худощав и, по-видимому, очень слаб, но при этом от него исходили мощные потоки любви и сострадания. Он вел себя сердечно, но довольно отстраненно, как будто говорил: «Я люблю вас, но мне ничего от вас не нужно. Не привязывайтесь ко мне». Казалось, он не преследовал никаких личных целей, а свое учение преподавал лишь потому, что с просьбами об этом к нему обращалось все больше западных людей всех возрастов, которых привлекал тибетский буддизм. В тот вечер Ринпоче давал посвящение, связанное с Ченрезе*, бодхисаттвой* великого сострадания, и рассказывал слушателям о пути альтруизма. Тибетские Далай-Ламы считаются воплощениями Ченрезе, особо почитаемого в Тибете.

Калу Ринпоче спросил, желает ли кто-нибудь из аудитории «принять Прибежище». Принятие Прибежища происходит, когда вы соглашаетесь признать Три Драгоценности*: Будду*, дхарму* (учения Будды) и сангху* (сообщество приверженцев буддизма). Принятие Прибежища — глубоко личное решение. Главный обет, который при этом дает человек, — это не причинять зла другим и, насколько возможно, действовать на благо всех разумных существ согласно пути, открытому историческим Буддой Шакьямуни*. Большинство людей решение о принятии Прибежища принимают в результате глубоких и серьезных размышлений. А я сделал это через десять минут после того, как вошел в зал. Я был абсолютно убежден, что Калу Ринпоче является истинным воплощением сострадания. Его присутствие поразило меня, подобно удару молнии.

Хотя мне понадобилось некоторое время, чтобы понять смысл моего обета и развернуть свое сознание в сторону религии, которую я тогда едва знал, мне никогда не пришлось сожалеть о своем решении. Тем не менее я не хочу, чтобы меня называли буддистом. Никакие ярлыки и определения мне не подходят. В моей семье смешались религии и национальности: со стороны отца я наполовину еврей, по маме — атеист, благодаря теще — католик. От природы я духовно любознателен — все это позволяет мне быть абсолютно свободным. Я нигде не пустил глубоких корней и поэтому везде чувствую себя как дома. Однако я, безусловно, верю, что люди — это нечто большее, чем временный набор молекул. Вот это «большее» — то, что евреи называют Отцом вечным, христиане — Богом, мусульмане — Аллахом, а буддисты определяют как сущность разума — и есть основа моей веры, та ниточка, которую я распутываю уже много лет.

Моя первая встреча с четырнадцатым Далай-Ламой, Тензином Гьяцо, произошла благодаря моему тибетскому знакомому, одному из немногих тибетских беженцев, которых французское правительство приняло во Франции в 1960-х годах. Этот тибетец жил у моего друга детства, и я пригласил его на ужин. После десерта он сказал мне, вернее, прошептал по секрету, что завтра утром Далай-Лама целый час пробудет в VIP-зале в аэропорту Руасси.

— А вы хотели бы с ним познакомиться? — спросил меня мой тибетский друг.

Хотел ли я?

На следующее утро я входил в большой зал аэропорта. Далай-Лама, удобно устроившись в кресле, был поглощен разговором с кем-то, кого я видеть не мог. Я сел в нескольких метрах от них, закрыл глаза и погрузился в тишину. Призвав на помощь все свои способности к концентрации, я начал мысленно посылать Его Святейшеству мандалу*. Хоть я и не был слишком прилежен в исполнении практик и не очень хорошо разбирался в традиционной космогонии, все же кое-что об этом подношении мне было известно. Я

представил кристально чистое море и мир, залитый мягким, но очень ярким светом. Между небом и морем я разместил несколько гор. Это уже было похоже на какую-то открытку.

Внезапно в глубине картины я увидел Далай-Ламу, который приближался ко мне. Каждый его шаг был отмечен радостным смехом, и чем ближе он подходил, тем громче становился смех. Я открыл глаза — передо мной и вправду стоял Далай-Лама. Его смех, глубокий, радостный, заполнил все вокруг. Я воскликнул: «Фабьен, ты спишь!» Но я совершенно точно пробудился — если не стал пробужденным*.

С каждой новой встречей мы с Далай-Ламой общались все теснее. Долгое время политический и религиозный лидер Тибета считал, что для преодоления безразличия к страданиям его народа артисты и средства массовой информации — более полезные союзники, чем политики. И поскольку, помимо прочего, я был журналистом — человеком, связанным с радио, а также считал себя приверженцем тибетского буддизма, то чувствовал, что обязан поддерживать отношения с Его Святейшеством. Во время одного из редких визитов Далай-Ламы в Париж я организовал его встречу с некоторыми ведущими французскими артистами и писателями. Это событие совпало с выходом фильма «Лунгта», продюсером которого был я. Через год мы с Далай-Ламой снова встретились на премьере фильма «Маленький Будда». В 1993 году нам довелось вместе работать на форуме, где философы, бизнесмены, политики, экономисты и духовные искатели обменивались идеями по бизнесу и этике во Дворце конгрессов в Париже.

Потом были и другие встречи с Далай-Ламой, и мой интерес (как, впрочем, и разочарование) постоянно рос. У нас никогда не хватало времени, чтобы детально обсудить хоть какой-нибудь вопрос, пока не возникла идея написать эту книгу. Во время встречи, которая состоялась в Марселе в сентябре 1994 года, я сказал Далай-Ламе, что хотел бы более подробно расспросить его об этике, бизнесе, глобальных изменениях, экономике, личностных взаимоотношениях, о сострадании в повседневной жизни.

— А эта книга сможет помочь людям? — спросил он. — Если так, то давайте ее сделаем! Подготовьте вопросы, а я непременно постараюсь на них ответить.

Он был очень рад, что представилась еще одна возможность обратиться к миру. Я увидел его радостное воодушевление и задумался о том, что затеял. Мы устроили серию встреч, которые происходили в городке Дхарам-сала в Индии, где находится резиденция Далай-Ламы в изгнании.

Если в Дхарамсале вам нужно нанять джип, то самое лучшее место для этого — монастырь Нейчунг. Наш шофер, монах по имени Тензин, каждый день забирал нас от гостиницы и подвозил прямо к резиденции Его Святейшества, которая находилась выше в горах в двух километрах пути. Когда мы уже были готовы отправиться на нашу первую встречу, сезон дождей решил, с опозданием на несколько недель, что ему самое время наступить. Чтобы пробежать через сад, нам понадобилось двадцать секунд. За это время собрался густой туман и начался внезапный ливень, который промочил нас с ног до головы. Давясь от смеха, мы втиснули в джип себя, свои сумки и три открытых зонтика. Единственный дворник совершенно бесполезно метался по лобовому стеклу. Пока машина пробиралась через плотные завесы дождя, которые заливали ведущую к резиденции узкую и извилистую дорогу, Тензин, должно быть, доверил нашу судьбу своему божеству-заступнику. За окном смутно виднелись дорога и часть горы, иссушенные шестью месяцами засухи и умиротворенные этим проливным дождем, который вдруг решил обрушиться потоком по крутым склонам к подножию ближайшего холма. Моя радость при

мысли о встрече с Его Святейшеством сменилась паникой. К счастью, у меня было не так много времени на переживания, потому что джип уже остановился у ворот Текчен Чолинг — Дворца Махайяна Дхарма — дома Далай-Ламы. Последний неистовый порыв ветра и дождя загнал нас в зону безопасности, после чего буря стихла.

Охранники Далай-Ламы знали меня. Мы вместе работали в Париже в группе обеспечения безопасности Его Святейшества. Тем не менее перед тем, как позволить нам пройти через ворота, они осмотрели все наши вещи. Дворец — это на самом деле расположенное на склоне холма старинное поместье, построенное еще в английские колониальные времена. Это несколько низких строений, окруженных многочисленными садами и лестницами, которые образуют приятный, немного таинственный лабиринт. Тысячи великолепных цветов не обращали внимания на ливень, а птицы, которых тоже было великое множество, сладко пели. Стены приемных комнат и коридоров украшены изображениями будд и бодхисаттв, которые смотрят на вас добрыми глазами. Из задних комнат доносилось волнующее ритмичное песнопение.

В приемной я попытался разобраться со своими промокшими вещами и запутанными мыслями. К счастью, у меня был готов список вопросов, которые очерчивали основной план книги. Первая часть будет касаться общего положения дел в мире. Вторая будет посвящена проблемам отдельного человека и исследует его обыденную жизнь. Я считал, что такое сочетание чрезвычайно важно, поскольку мудрость нужна не только для разъяснения фундаментальных вопросов, но должна присутствовать и в повседневной жизни. В третьей части мы рассмотрели бы тайны природы и человека. Здесь я намерен задать Его Святейшеству вопросы о смерти, метафизике и творении Вселенной.

Вошел секретарь Его Святейшества, Тензин Гейше, и я вскочил. Время уже подошло? Так быстро? Нет, Тензин Гейше просто пришел, чтобы поприветствовать меня. Пока он обсуждал подробности нашего визита с моей коллегой Анной Бенсон, я вновь погрузился в свои заметки, тщательно анализируя план работы на день. Наконец Лакдор, переводчик Его Святейшества, пригласил нас следовать за ним. Мы вышли на веранду и увидели Его Святейшество — он стоял перед нами. Каждый раз, когда я его видел, мне казалось, что он стал выше. Он радостно пожал мне руку и повел за собой в свою личную гостиную.

Его Святейшество любит принимать гостей и проводит тихие послеобеденные часы, сидя в этой хорошо освещенной, просторной комнате и слушая старых тибетцев, которые рассказывают ему еще более старые истории. Одну стену покрывает огромная рельефная карта Тибета, на противоположной стене висит танка* (рисованный свиток) с изображением Ченрези, рядом стоит небольшой алтарь. Пока я раскладывал свои бумаги и расставлял микрофоны, Его Святейшество удобно устроился в своем кресле, развернутом в сторону внутреннего садика. Его Святейшество не слишком любит светские беседы. Поэтому мы сразу приступили к делу.

С 10 по 16 июля 1995 года Анна, Лакдор и я каждый день проводили с Далай-Ламой по два удивительных часа. По вечерам Анна расшифровывала сделанные днем записи, а на следующий день сравнивала их с записями Лакдора. Мой глубокий интерес к жизни, увлечение тибетским буддизмом и почтение, которое я испытывал к Далай-Ламе, вдохновляли меня во время бесед с Его Святейшеством. Я надеюсь, что настроение непосредственности, радости, раздумий и удивления, которое присутствовало во время наших бесед, проявилось и в книге «Представь себе...».

Власть и система ценностей

Фабьен: Ваше Святейшество, считаете ли вы, что можно создать такую законодательную систему, в основе которой лежал бы буддийский принцип взаимозависимости* и которая точнее соответствовала бы как человеческой природе, так и современному глобализированному обществу? Можно ли создать такие законы без вмешательства в конкретную религию или философию?

Далай-Лама: С точки зрения буддистов, законы — это творения человека. Но законы бывают разные. Некоторые сознательно охраняют однопартийную систему — я имею в виду те из них, которые приняты тоталитарными режимами, в частности коммунистическим. Такие законодательные системы противоречат природе человека, и лично я считаю, что они неверны. В демократических странах законы тоже придумывают люди, но там их пишут, чтобы защищать права и ценности человека. В целом я считаю, что законы должны определять основные принципы, по которым будут использоваться инициатива, творческие силы и способности человека.

Фабьен: Как вы думаете, демократия помогает законам эволюционировать в этом направлении?

Далай-Лама: Да. В демократических странах законодательные системы должны работать таким образом, и в целом так оно и происходит. Однако эти законы частично противоречат буддийскому принципу взаимозависимости, поскольку они не включают в себя «демократические права» для окружающей среды и мира животных. Большинство законодательных систем занимаются лишь правами человека и не рассматривают права животных или других живых существ, которые, как и мы, живут на этой планете. Законы, защищающие права и ценности человека и определяющие способы использования человеческих способностей, не вступают в противоречие с законом кармы* или причинности, — не в том смысле, что вкладывают в них на Западе, когда одни и те же причины имеют одинаковые последствия, но в буддийском смысле, когда каждое событие происходит по какой-то причине, которую также необходимо иметь в виду.

В реальной жизни проблема состоит в том, что для наиболее «могущественных» людей существует разница между записанными в законе принципами и их применением. Почти все законодательные системы осуждают убийство. Это признано в большинстве стран мира. Однако в жизни люди, обладающие властью, относятся к убийству так же, как и ко лжи. Маленькая ложь для политиков недопустима, но вот большая — сколько угодно. Для буддиста это совершенно очевидное противоречие. То же самое относится и к убийству. Когда человек в состоянии аффекта убивает другого человека, этот проступок называют убийством. Это дурной поступок. А человек, который убивает или отдает приказ убить тысячи людей, объявляется героем! Все это очень печально.

Большинство религиозных систем осуждают убийство, изнасилование и воровство. На мой взгляд, религиозные принципы основаны на естественных человеческих отношениях и чувствах. Они вдохновляют людей на развитие наилучших человеческих качеств, и в этом состоит их самое главное предназначение. Поэтому кажется логичным, что большинство законов совпадают с нашими принципами позитивной кармы. Но чтобы церковные и светские законы соответствовали принципам взаимозависимости, нам необходимо расширить их и включить туда защиту окружающей среды и животного мира. Так мы сможем включить буддийские представления о взаимозависимости в более широкое видение законодательства и порядка.

Фабьен: Что вы скажете о деньгах? Есть ли у них своя собственная внутренняя сила? Есть ли у нас способы их контролировать, подобно тому, как мы делаем это с законами? Могут ли деньги служить высшим устремлениям или они сами по себе стали божеством?

Далай-Лама: Я бы сказал так: деньги — это благо. Это важно. Без денег невозможно повседневное выживание, не говоря уж о дальнейшем развитии. Мы никоим образом не подвергаем сомнению их важность. В то же время было бы неверно считать деньги божеством или чем-то, наделенным некоей собственной силой. Серьезная ошибка думать, будто деньги — это все и, как только у нас будет много денег, это решит все наши проблемы.

С точки зрения буддиста, для земного счастья нужно то, что мы называем четырьмя добродетелями: Дхарма, изобилие, нирвана и удовлетворение. Конечная цель — это нирвана, или свобода от страданий. Удовлетворение, которое достигается, когда человек проживает удачную жизнь в миру, — лишь промежуточная цель. Учения — это средство достижения полной внутренней свободы, тогда как деньги и материальные ценности способствуют обретению мирского счастья, временному удовлетворению. Человек стремится достичь его, и это, несомненно, касается всех людей. Для его достижения человек должен видеть как конечные, так и промежуточные цели. Изобилие и деньги относятся к последней категории. По существу, в буддийских текстах упоминается осуществление восьми качеств, включая богатство, здоровье и славу, которые характеризуют «счастливое» человеческое существование.

Однако чтобы испытать хотя бы временное счастье, человек, прежде всего, должен обрести душевное спокойствие. Потом идет здоровье, хорошие друзья и лишь потом деньги; именно в таком порядке, хотя, безусловно, все эти четыре аспекта взаимосвязаны. К примеру, когда мы были вынуждены бежать из Тибета, самым главным для нас было спасти свои жизни. А то, что за душой у нас не было ни гроша, не имело никакого значения. Если человек жив, то он всегда может завести себе друзей и заработать деньги. Но на первом месте должно быть спокойное состояние духа. Обычно такое душевное спокойствие привлекает и благосостояние. Конечно же, человек, у которого спокойно на душе, благоразумно использует свои деньги.

Все дело в состоянии ума. Если что-то и считать так называемым «божеством», то это ум, а не деньги. Здоровый, позитивный ум — вот что самое главное. А что случится, если поменять приоритеты местами? не очень трудно представить, как человек, обладающий несметными богатствами, но при этом больной, одинокий и без мира в душе, может чувствовать себя хоть немного счастливым.

Фабьен: Но многие люди так и живут.

Далай-Лама: Да, особенно такие богатые люди, как вы! Их лучшим другом становится алкоголь, не так ли? В конце концов фортуна от них отворачивается, у них портится здоровье. Потому тот, кто обретает спокойствие духа, не обладая при этом остальными тремя качествами, все еще имеет шанс выжить и быть счастливым, даже со слабым здоровьем. Для того чтобы человек был счастлив, ему достаточно ощущать мир внутри себя. Следуя той же логике, если внутри вас мир и покой, если вы здоровы и окружены верными друзьями, то, конечно же, сможете прожить и без денег. Но давайте представим обратную ситуацию и посмотрим, что получится. Если у кого-то есть только деньги и ничего больше, то у такого человека нет ничего, кроме проблем. Вот так я это вижу.

Фабьен: Отлично, но тогда как вы объясните, что в современном мире считается настолько важным накапливать деньги? Мне кажется, что современная экономическая система не предназначена для того, чтобы делать людей счастливыми, ее единственная цель — сделать как можно больше денег, произвести как можно больше материальных ценностей.

Далай-Лама: Вы поднимаете очень важный вопрос. На Западе общепринятым является следующий принцип: чтобы экономика страны была здоровой, валовой национальный продукт каждый год должен увеличиваться. Если же он уменьшается, все в панике. Что-то идет не так.

Рано или поздно мы должны изменить это устаревшее представление.

Если говорить конкретно, я предлагаю решить эту проблему исходя из того, что существует огромная пропасть, разделяющая страны Запада и страны третьего мира. В Европе и в других странах налицо перепроизводство, тогда как люди в развивающихся странах погибают от голода. Вчера ВВС сообщило, что в Сомали голодает каждый четвертый ребенок. Это ужасно. В Индии тоже много бедняков.

Тем не менее я должен признать, что даже на Западе я видел нищих! Как-то я был в Австрии, в Граце. Перед входом в гостиницу, где мы остановились, я увидел бедняка, сидящего на лавочке. На следующее утро я выглянул из окна: он все еще сидел там. Он так и ночевал там, на лавочке. Мне стало не по себе. Мы очень хорошо позавтракали, а он ушел голодным. Со своим охранником я послал этому человеку немного молока и хлеба. Он знал, что у того несчастного не было ни работы, ни дома.

Один нищий на Западе. Это очень печально. Но здесь, в Индии, нищих сотни тысяч.

Фабьен: Но что вы думаете о деньгах как буддист? Я слышал, что вы к ним не прикасаетесь.

Далай-Лама: Почему же? Конечно, я прикасаюсь к деньгам!

Фабьен: Но я заметил, что вы не открываете конверты, где содержатся пожертвования.

Далай-Лама: Это потому, что я передаю их в свою канцелярию, чтобы ими занимались там. Я могу прикасаться к деньгам. Обеты буддийского монаха четко говорят, что нельзя прикасаться к золоту. Вот это запрещено. Но, согласно обычаям бодхисаттв, когда кто-то предлагает вам золото от чистого сердца, а вы отказываетесь к нему прикоснуться, тот человек может огорчиться. В таких случаях даже монаху разрешается прикоснуться к золоту. Значение этого обета в том, чтобы уменьшить привязанность.

То же самое касается и одежды. К примеру, монашеская мантия — это одна из тринадцати вещей, которые монах может считать своей собственностью. Туда еще входят чаша для подаяний, посох и подстилка. Если же у меня вдруг появится лишняя одежда, а у меня такая, конечно же, есть, я могу ее использовать, но мне не разрешается считать ее «своей». Я должен думать, что она принадлежит моему настоятелю или кому-то еще. Эти правила помогают уменьшить привязанность. Монаху не разрешается заявлять права собственности на что-либо кроме этих тринадцати вещей. Он должен всегда придерживаться принципа: «Это мне не принадлежит. Я только использую это, чтобы служить другим».

Подобные правила касаются только монахов и монахинь, а не всех буддистов. Обеты, которые мы принимаем в день посвящения в монахи, включают три преобразования: мы меняем социальные установки, имя и одежду. С этого дня нашей главной целью становится нирвана, мы должны изменить свои внутренние установки и направить всю нашу энергию на ее достижение. Вопрос выживания решается тем, что мы просим подаяние. Мы называем это «уравнивающей заслугой». Вы принимаете все, что вам дают. Монахи должны принимать пищу после восхода солнца и до того момента, когда оно войдет в зенит. После полудня твердую пищу не едят. Главная цель всех наших обетов заключается в том, чтобы уменьшить привязанность.

Фабьен: Но как насчет привязанности к деньгам в повседневных, мирских отношениях? Обычно люди считают свои деньги личной собственностью.

Далай-Лама: Давайте рассмотрим этот вопрос подробнее. Я думаю, что здесь работают два вида привязанностей или желаний. Если говорить в общем, в моем распоряжении есть несколько тысяч долларов. В некотором смысле я чувствую, что это «мои» деньги. Правда, это не значит, что я могу использовать их, чтобы покупать себе еду, одежду или что-то еще. Эти деньги расходуются на проекты, чтобы помогать другим людям. Когда, к примеру, я получаю пожертвование от одного тибетца на сумму сто тысяч рупий, я очень этому рад. Я думаю: «Теперь у меня есть какие-то деньги!» Во мне может возникнуть какое-то подобие желания, но здесь нет ничего личного. Правительство Индии выплачивает пособие на мое персональное содержание, кроме того, я получаю проценты от моих личных вложенных сбережений. Их я использую, когда мне хочется купить часы или еще что-то для себя, но я очень осторожно расходую пожертвования, особенно те, которые сделаны людьми больными или умирающими: они идут исключительно на духовные или образовательные цели. В этом случае может появиться какое-то желание, но оно не связано с личной привязанностью.

А теперь давайте рассмотрим случай с компанией, которая имеет большие прибыли. Если эта прибыль была использована для проектов общественного развития или чтобы помочь нуждающимся людям, а не бессмысленно потрачена на роскошную жизнь, то это можно было бы назвать примером «правильного желания».

Фабьен: По моему мнению, деньги становятся чем-то наподобие «Золотого тельца», о котором говорилось в Библии. Может, деньги — это просто образ, который создается нашими растущими желаниями и потребностями?

Далай-Лама: Конечно же нет! Для меня история с Золотым тельцом скорее символизирует возможные опасности, порожденные нашей привязанностью к деньгам и постоянно растущим желаниям, когда Бога мы заменяем конкретным объектом. Как я уже говорил, деньги, несомненно, важны. Честно говоря, я даже думаю, что если рассматривать ситуацию глобально, то количество производимых в мире денег недостаточно.

Позвольте мне завершить предыдущую мысль: та пропасть между богатым и бедным миром не только несправедлива с моральной точки зрения, но и недопустима. Это источник глобальных проблем. Посмотрите на европейские страны — Францию, Англию и Германию, — куда в поисках работы приезжает множество эмигрантов из развивающихся стран. Многие из них мусульмане, которые в большинстве своем получают неквалифицированную работу. По мере увеличения количества эмигрантов местное население начинает чувствовать себя весьма неудобно. И причина этой проблемы не в мусульманах, а в разном уровне экономического развития. Если бы Турция и

многочисленные страны Африки, откуда эмигрируют эти люди, развивались должным образом, их граждане не захотели бы уезжать. Эта ситуация не только морально несправедлива. Допуская сохранение или увеличение подобного экономического разрыва, мы тем самым создаем огромные проблемы для самих себя.

Фабьен : Частично проблема заключается в том, что с точки зрения общемировых экономических стандартов деньги беднейших стран третьего мира практически не имеют ценности. Страны Запада используют развивающиеся страны как часть своего производственного цикла.

Далай-Лама: Я думаю, что развивающиеся страны также должны сыграть важную роль в поиске путей ликвидации разрыва и выравнивания ситуации. Главная ответственность лежит на их плечах. Они должны более интенсивно работать над этой задачей. Недавно я побывал в Габоне, в Центральной Африке. Мне сказали, что земля там хорошая, но местные жители ко всему совершенно безразличны и страну контролирует немногочисленная элита, получившая западное образование. Так что этот разрыв существует не только между западными и развивающимися странами, он есть и внутри беднейших стран: небольшой круг людей живет как на Западе, а большинство населения по-прежнему бедно одевается и плохо питается. Я думаю, все это очень печально.

При таких обстоятельствах деньги, которые Запад дает развивающимся странам, пропадают впустую. Элита бедных стран тратит все средства на строительство небоскребов с огромными холлами и кондиционерами. Все это замечательно, но на окраинах городов и в деревнях ничего не происходит, там нет никакого прогресса, нет развития. Конечно же, было бы лучше, если бы у этой элиты с западным образованием появилась правильная мотивация, чтобы она заботилась о своем народе и вкладывала средства в создание действительно полезной инфраструктуры. Кроме того, развивающиеся страны должны вкладывать деньги в образование. Я думаю, что первостепенное значение имеет именно образование.

Во всяком случае, все специалисты по природным ресурсам, с которыми я разговаривал, утверждали, что нужно сокращать разрыв между теми, кто «имеет», и теми, кто «не имеет». Сейчас на Земле живет пять с половиной миллиардов людей. Что случилось бы с природными ресурсами Земли, если бы уровень жизни в развивающихся странах поднялся до уровня, который сейчас есть на Западе? С экологической точки зрения это было бы невыносимо. В Китае, к примеру, население составляет миллиард двести миллионов человек. Если бы в каждой семье было по две машины, то экологический ущерб от этого даже трудно себе представить. Девятьсот миллионов человек живет в Индии.

Западная концепция ежегодного увеличения валового национального продукта должна измениться — и как можно быстрее. Сам этот принцип противоречит всем законам природы и логики.

Фабьен: Вы считаете, что у западных людей тоже должно быть меньше машин?

Далай-Лама: Конечно. Им нужно развивать в себе чувство удовлетворения и больше думать о других. Материальные блага должны распределяться более справедливо и равномерно. Между тем необходимо обратить внимание и на проблему контроля над рождаемостью. Развивающиеся страны должны сдерживать рост своего населения.

Фабьен: Эффективность контроля над рождаемостью зависит главным образом от уровня жизни. С точки зрения статистики, чем более женщинам доступно образование, тем меньше детей они рожают. Поэтому мне кажется, что образование — это лучший способ обуздать резкое увеличение численности населения.

Далай-Лама: Это очень хорошо. Но каким должно быть образование? Честно говоря, я считаю, что первым делом людям в развивающихся странах следует признать негативные последствия современных западных представлений о жизни и экономике. Мы должны исправить ошибочную убежденность в том, что валовой национальный продукт должен постоянно увеличиваться.

Более того, хоть сейчас некоторые заводы и отрасли промышленности применяют новые технологии для защиты окружающей среды, западные страны наносят ей огромный ущерб по всему миру. Поэтому я утверждаю, что с глобальной точки зрения денег, которые создает западный мир, все еще недостаточно.

Фабьен: Верите ли вы, что деньги обладают магической силой?

Далай-Лама: Нет! Совершенно не верю! Тем не менее в развитых странах люди больше не могут жить без денег. Это объясняет ту важнейшую роль, которую деньги играют в нашей жизни, и то, почему со временем отношение людей к деньгам изменилось. Если бы вы оказались среди кочевников Тибета, то заметили бы, что деньги для них почти ничего не значат. По существу, стада их животных удовлетворяют практически все их ежедневные потребности. Но такое положение дел сейчас меняется. К примеру, у этих кочевников появились термосы. Теперь они хотят покупать такие термосы, и тут им становится ясно, что деньги необходимы, чтобы приобретать вещи. Для большинства из нас процесс товарообмена вышел на тот уровень, когда он не может функционировать без денег. Поэтому было бы логично деньги уважать. В этом нет ничего плохого.

Есть еще один фактор, который мы должны учитывать, рассматривая наше отношение к деньгам. Это недостаток духовного опыта, которым пропитана вся современная жизнь в индустриальном обществе. К примеру, тибетцы — не обязательно все, но по крайней мере те из них, кто обладает более глубоким духовным опытом, — ценят деньги за то, что они дают, но при этом признают, что есть и другие, более важные ценности. Большинству же людей недостает развитого духовного опыта, и общество в целом придерживается правил, диктуемых деньгами и властью.

Фабьен: Я также хотел обсудить с вами вопрос власти. Кажется, по-тибетски вы говорите «vangtang».

Далай-Лама: Но прежде давайте закончим вопрос о деньгах. Я достаточно разъяснил свою позицию?

Фабьен: Да, вполне, но я немного разочарован. Вы сказали, что деньги важны и полезны, что они обладают своей собственной ценностью и что хорошо ими делиться.

Далай-Лама: Я также сказал, что деньги — это не все. Есть и другие ценности.

Фабьен: Да, но те, кому до этих ценностей нет никакого дела, думают, что деньги — это самое главное. Я думаю, что деньги вышли за рамки своего основного полезного предназначения.

Далай-Лама: Конечно, некоторые люди очень привязаны к деньгам. Они могут двадцать четыре часа в сутки думать о деньгах. Но то же самое можно сказать и о музыканте или певце. Они думают лишь о музыке, на нее направлена вся их энергия. Они даже забывают поесть, отчего иногда у них портится здоровье. Я думаю, это в природе человека.

Фабьен: Похоже, вся структура нашего общества основана прежде всего на том, чтобы делать деньги?

Далай-Лама: Это характерно для промышленно развитых стран. Вы не сможете носить или есть ваших роботов или ваши механизмы, поэтому деньги и стали главным приоритетом. Благодаря тому, что фермер выращивает, он всегда сможет себя прокормить и обеспечить одеждой. Он может выжить и без денег. А в промышленно развитых странах так уже не бывает. Все нужно покупать в магазинах. А как можно без денег добыть себе еду в супермаркете? Если бы я отправился туда с буханкой домашнего хлеба и попытался обменять его на овощи, то у меня ничего бы не получилось!

Фабьен: Пока что — да.

Далай-Лама: Вся эта система появилась не за один день. На это ушло много времени.

Фабьен: Я согласен. Давайте вернемся к вопросу о власти. Откуда приходит власть?

Далай-Лама: Власть? Она приходит от оружия!

Фабьен: Прошу прощения?!

Далай-Лама: Я думаю, что это на самом деле так.

Фабьен: Ладно, тогда мы можем перейти прямо к следующему вопросу!

Далай-Лама: Есть много разных видов власти. Настоящая власть берет свое начало в служении и помощи другим. Когда вы так поступаете, люди уважают вас. Им хочется узнать вашу точку зрения, спросить у вас совета, и они поддерживают вас. Таким образом, энергия многих людей проходит через одного человека. Это позитивная, настоящая власть. В демократических странах политики дают много обещаний, чтобы люди их поддерживали и уважали. К сожалению, как только они приходят к власти, все эти обещания отходят на второй план.

Существует настоящая власть, но сложно сказать, что отдельный человек ею обладает. Власть, основанная на грубой физической силе, — это явление примитивное. О такой власти можно говорить в отношении большинства животных, но между людьми она больше не существует. Наше представление о власти изменилось, когда на первое место для нас вышел ум. В наши дни власть исходит не от отдельного человека, а от человеческих сообществ. Они и наделяют властью человека, который, по их мнению, обладает правильными устремлениями. В отрицательном же смысле, отдельный человек может получить власть, угрожая массам насилием. Но такая власть агрессивна и жестока.

Фабьен: Но существует также и власть опосредованная. Возьмите пример Мао Цзэдуна или Сталина. Первоначально они не захватывали власть путем насилия, они получили ее через идеи. Такие люди рождаются с предрасположенностью к власти или так случается благодаря их карме?

Далай-Лама: Это связано с кармическими факторами; а также с причинами и обстоятельствами, существующими в настоящем.

Фабьен: Означает ли это, что такие люди несут большую или меньшую ответственность, чем если бы никаких кармических факторов не существовало?

Далай-Лама: Возможна разница в уровне их ответственности, но, когда мы говорим о карме, в настоящий момент это просто означает, что человек, совершающий действие, получит и результат. В этом смысле власть — это не благословение, дарованное Господом. Возможно также, что, когда человек рождается, у него может и не быть кармы власти, но он накапливает или создает подобную карму, таким образом изменяя течение событий в своей жизни.

Анна: Если сейчас основа власти — уже не физическая сила, а скорее разум, не означает ли это, что власть — это способность манипулировать другими людьми, используя агрессию и хитрость?

Далай-Лама: Обман...

Анна: Или обещания...

Далай-Лама: Да.

Анна: Но ведь источник такого разума может находиться и в бодхичитте* (альтруизме)?

Далай-Лама: Да. Тем не менее есть существенная разница между властью, которая получена несправедливыми средствами и от них зависит — речь идет об оружии и обмане, — и властью, источник которой — бодхичит-та. Власть первого вида живет недолго. Никто больше не уважает Мао, Ленина или Сталина, тогда как Махатму Ганди почитают миллионы людей.

Фабьен: Когда человек получает власть — не важно, какими способами, — и использует ее не во благо, отягощается ли его карма по сравнению с тем, как если бы власти у него было меньше?

Далай-Лама: Конечно, если вы говорите о кармическом результате для этого человека.

Фабьен: Итак, ответственности у такого человека больше.

Далай-Лама: Да. Как я уже говорил ранее, когда один человек убивает другого от отчаяния, он берет на себя грех убийства одного человека. Но, в общем, тот, кого обычно люди считают героем, обладает властью приказывать своим солдатам убивать на поле битвы тысячи людей. На нем скажутся отрицательные последствия всех смертей и страданий, к которым привел его приказ. Отдельные солдаты несут только ту кармическую ношу, которая соответствует количеству убитых ими людей. Степень ответственности больше зависит от намерения и отношения, чем от самого физического действия. Физически генерал не убивает сто тысяч людей, но он принимает решение, позволяющее произойти этому убийству. Следовательно, ответственность лежит на нем.

Фабьен: К сожалению, когда люди получают власть, они пытаются использовать ее в личных целях. Как вы полагаете, политики тоже борются за власть и забывают о своей ответственности, когда достигают ее?

Далай-Лама: Это всецело зависит от мотивов и целей данного человека. Некоторые люди приходят к власти потому, что были по-настоящему полезны другим и продолжают использовать свою власть с чувством ответственности, с искренними побуждениями. Вот вам пример правильного поведения по отношению к власти.

В мире бизнеса, напряженно работая, вы можете стать миллиардером. Люди уважают вас, потому что вы богаты. Этот статус вы потом можете использовать для того, чтобы заработать еще больше денег, и пока вы их зарабатываете честным путем, все прекрасно. Возможно, ваши мотивы и не возвышенны, но по крайней мере в них нет ничего плохого. Если же вы прибегнете к сомнительным способам увеличения своего богатства вроде продажи оружия или строительства птицеводческих ферм, то ваши заработки становятся источником отрицательной энергии и плохой кармы. К примеру, инвестируя свои капиталы в птицеводство, вы можете разбогатеть, но за счет жизней других существ. Существует много моральных и нейтральных сфер, куда можно вкладывать средства, например выращивание новых растений, развитие технологий, используемых в быту, переработка отходов и так далее. Даже если у вас нет положительной мотивации, вы по крайней мере не причините вреда, поддерживая или получая прибыль от подобной деятельности. Люди, обладающие властью, должны осознать ту ответственность, которая лежит на них, и быть более осторожными в своих побуждениях и действиях.

Фабьен: Считаете ли вы приемлемым, что кто-то может стать главой государства, несущим огромную ответственность за жизни многих людей, не обладая при этом «лицензией на власть»?

Далай-Лама: В демократических государствах эта «лицензия» выдается при голосовании. Если политик окажется некомпетентным, он не пройдет на следующих выборах. Еще одна положительная сторона демократии заключается в том, что законодательная, исполнительная и судебная системы разделены.

Фабьен: А этого достаточно?

Далай-Лама: Я не знаю, но по крайней мере это создает какую-то защиту от политиков, жадных до власти.

Я также считаю, что в наши дни важную роль в проблеме власти играют средства массовой информации. Даже если политик пытается совершить что-то тайно, журналисты зорко за всем следят и всюду суют свой длинный, как у слона, нос. Мне нравится дразнить моих друзей-журналистов во время пресс-конференций. Важно, чтобы журналисты также тщательно следили за мотивами своих собственных действий — они должны оставаться правильными.

Фабьен: Когда вы встречаетесь с главами других государств, например с Бушем, Миттераном и так далее, пытаетесь ли вы исподволь влиять на них, дабы помочь им сделать их поступки более гармоничными?

Далай-Лама: В целом, я не провожу различия между теми, кого встречаю, будь то нищие, Папа Римский или президент Буш. Я встречаюсь с ними как с людьми. Попытаюсь ли я

вести серьезный разговор — зависит от степени восприимчивости и отношения данного человека. Один президент действительно хотел обменяться со мной идеями на более глубоком духовном уровне. Конечно же, мне хотелось помочь ему в его духовном развитии любым доступным мне способом. Когда я впервые встретился с Жаком Шираком — а тогда он был мэром Парижа, — мы подробно обсудили вопросы сострадания и терпимости.

Фабьен: Если учитывать ту огромную ответственность, которая лежит на этих лидерах, не пытались ли вы заронить в них маленькое зернышко осознанности, чтобы они как руководители больших человеческих сообществ стали более пробужденными?

Далай-Лама: Не важно, руководитель это или нет, но, если человек не восприимчив, я никогда не пытаюсь донести до него свои идеи. Если он склонен вести себя несколько высокомерно, я тоже пытаюсь быть таким. Я вынужден. Если же мой собеседник чувствует во время нашей встречи что-то настоящее, то и я это тоже чувствую. У меня нет причин без необходимости склонять голову. Обычно, если во время встречи человек настроен негативно, мои высказывания становятся короче и я больше полагаюсь на своего переводчика. Если же собеседник искренен, я пытаюсь изъясняться на моем ломаном английском.

Я вам приведу еще один пример. Лет тридцать назад я познакомился с англичанином Феликсом Грином, который был довольно близким другом покойного китайского лидера Чжоу Эньлая. Многие годы мистер Грин регулярно посещал Китай и был большим почитателем как страны в целом, так и коммунизма. Он приехал в Дхарамсалу и привез несколько фильмов, надеясь показать мне, как счастливы теперь жители Тибета, и объяснить, что все не настолько плохо, как думали мы, тибетцы, живущие в изгнании. Он пытался убедить меня, что в моей стране все порядке. Три или четыре дня мы говорили и спорили. После многочасового разговора он наконец изменил свое отношение ко многим вещам. В таких случаях хороший довод, основанный на искренних побуждениях, может привести к положительному результату — при условии, что обе стороны стараются быть объективными. Это очень полезно — говорить, говорить, говорить, пока не найдется решение.

Фабьен: Но когда у вас появляется возможность обменяться мнениями с главами других государств, вы пользуетесь ею?

Далай-Лама: Это очень сложно. На мои беседы с главами государств редко отводится больше получаса.

Фабьен: Я надеялся, что вы, возможно, используете какую-то магическую силу.

Далай-Лама: Если бы я обладал магической силой, я бы уже давно применил ее к Дэн Сяопину. Совершенно ничего не получается! У меня нет никакой магической силы.

Фабьен: Как вы думаете, если бы мировые лидеры каждый день медитировали по пятьдесят минут, это принесло бы пользу?

Далай-Лама: Несомненно. Больше тридцати лет назад в Дарджелинге я принимал участие в духовной церемонии с Кармапой* (глава школы тибетского буддизма кагью*). Бывший главный министр Западной Бенгалии выступил с речью, в которой, чтобы подчеркнуть свою скромность, сказал: «Я не духовный человек, я политик». Когда подошла моя очередь говорить, я полушутя, но на самом деле совершенно серьезно ответил ему, что духовность

гораздо более важна для политика, чем для того, кто уединенно живет в горах в поисках духовного пробуждения. Отшельник, даже если он и не занят духовными поисками, не сможет нанести вред другим, а вот о политике этого не скажешь. Политик — важная в обществе фигура, и ему крайне необходима духовность. Если сознание такого человека искажается, то он может нанести огромный вред многим людям. Следовательно, очень важно, чтобы лидеры наций воспитывали в себе спокойное состояние духа, альтруистическое отношение и настоящее чувство всеобщей ответственности.

Фабьен: Знаете ли вы других лидеров, кроме вас, кто регулярно медитирует?

Далай-Лама: Сложно сказать. На самом деле один или двое из них просили у меня духовного совета.

Фабьен: Вы чувствуете себя ближе к Джону Лен-нону, мечтателю, или к Ганди, политику?

Далай-Лама:?!

Фабьен: Позвольте объяснить. Леннон был не Главой государства, а известным певцом. Его песня «Imagine All the People» («Представь себе») имела огромный успех во всем мире. Вот, я принес вам ее текст.

Далай-Лама:

Представь, что рая нет,

Попробуй, это будет просто.

Под нами нет ада, над нами — лишь небо.

Представь, что все люди живут днем сегодняшним.

Представь, что нет стран, сделать это несложно;

Незачем убивать или умирать,

и нет никаких религий.

Представь, что все люди живут в мире.

Ты можешь сказать, что я мечтатель,

но в этом я не один.

Я надеюсь, что однажды ты придешь к нам,

и мир станет единым.

Нет причин для жадности и голода

в братстве людей.

Представь, что люди делят между собой весь мир.

Ты можешь сказать, что я мечтатель,

но в этом я не один.

Фабьен: Леннон был пламенным борцом за мир. Это послужило одной из причин его убийства. Его убили, как Махатму Ганди, Мартина Лютера Кинга и Анвара Садата. У него были замечательные идеи, но его не назовешь типичным мировым лидером.

Ваше Святейшество, вы духовный и светский лидер тибетского народа, но сегодня живете в изгнании. У вас та же харизма, что была у Ганди, но нет такого влияния, как у Буша или других мировых лидеров. Кем вы себя чувствуете: символом надежды или просто общественным деятелем? Какова роль четырнадцатого Далай-Ламы в мировом мирном процессе?

Далай-Лама: Я не знаю.

Фабьен: Вы мечтатель, артист или, может, и то, и другое?

Далай-Лама: Я очень тесно связан с Тибетом и тибетцами, и в этом смысле я обычно считаю себя борцом за мир ненасильственными методами. Как видите, я не совсем такой, как Леннон. Но в то же время... я не знаю. Это очень огорчает меня. Тибетцам трудно это принять, ведь обе мои роли взаимосвязаны. Для других народов Далай-Лама — это просто еще один человек, который мечтает о мире без оружия и войн. Простой буддийский монах, у которого нет ни власти, ни страны. И я ничего не могу с этим поделать — я чувствую свою ответственность за всех этих беженцев из Тибета, которые так тесно связаны со своей страной.

Я не думаю, что мир во всем мире — это просто мечта. Мне кажется, мы можем сделать так, чтобы такой мир наступил. Мы должны стараться. Мир во всем мире возможен!

Мировое сообщество

Фабьен: Ваше Святейшество, некоторые люди, в том числе и вы, говорят, что необходимо создать неполитическую, экономически нейтральную всемирную организацию, которая занималась бы вопросами экологии, разоружения и здравоохранения. Какие критерии вы бы предложили для создания и организации работы подобной организации?

Далай-Лама: На самом деле, я уже размышлял на эту тему. Мои идеи изложены в очерке, который называется «Мировое сообщество и необходимость всеобщей ответственности»². Я действительно считаю, что было бы полезно создать некую новую организацию — совет.

² См. Приложение, ст 107

Организация Объединенных Наций — по крайней мере в ее теперешнем состоянии — это собрание политиков, представителей различных правительств. Самое главное для каждого такого представителя — это, естественно, защита интересов своего правительства. Возникает вопрос, в какой мере они действительно представляют народы. Нам нужна всемирная организация, где задачей каждого участника была бы защита человечества в целом, где никто не рассуждал бы в терминах «моя страна», «мой континент», «моя религия» или «моя культура». Главной заботой такой организации стало бы благополучие человечества в целом, вне любых представлений об искусственных границах.

На днях мне пришла идея создать международный совет мудрецов. Его формирование проходило бы по следующим принципам: каждая страна выбирает своих представителей, которые не являются ни правительственными чиновниками, ни политиками. Это просто мужчины и женщины, показавшие себя как непредвзятые гуманисты и проявляющие искреннюю заинтересованность в региональных, национальных и международных делах. Выборы проводятся на всех уровнях: местном, региональном, государственном — и в масштабах континента. Когда я говорю о мудрецах, то не имею в виду религиозных деятелей, нам нужны люди, которых по-настоящему волновали бы проблемы экологии, прав человека, ядерного оружия, разоружения и так далее.

Фабьен: В ООН уже рассматривается вопрос разоружения.

Далай-Лама: Ну... Сейчас там заняты в основном сокращением количества вооружений, причем лишь ядерных. В ООН только начинают задумываться о возможности уничтожения ядерного оружия, и никто не говорит о всеобщем разоружении. Я мечтаю о мире без оружия. Но пока это лишь мечта.

Фабьен: А как это может получиться? В городах всегда будет нужна полиция.

Далай-Лама: Где бы ни жили люди, там обязательно найдется несколько злонамеренных личностей. Поэтому в случае необходимости может быть использована сила. Полиция будет нужна. Кроме того, нам понадобятся какие-то отряды специального назначения. Но все это должно строиться на совместных международных усилиях. Если такая концепция слишком громоздка или преждевременна, то можно начать на региональном уровне и создать эффективные международные вооруженные силы, которые будут нести ответственность за определенный регион. В их состав могут входить несколько тысяч человек из каждой страны. Впоследствии эти региональные военные образования присоединятся к международной организации. Но вооруженных сил, принадлежащих отдельным государствам, больше быть не должно.

Фабьен: Похоже, вы мечтаете о том, чтобы в мире больше не было государств.

Далай-Лама: Это верно. Уже сейчас стало реальностью сотрудничество между французскими и немецкими войсками, которые выполняют совместные задания. Благодаря чему война между Францией и Германией уже невозможна. Это правильное направление движения, и мы должны продолжать в том же духе.

Фабьен: Шестьдесят лет назад никто и никогда бы не поверил, что это возможно. Это казалось более несбыточным, чем любая мечта.

Далай-Лама: С этого можно начать. Не нужно одновременно разоружать все государства. Их вооруженные силы могли бы объединиться в единые войска специального назначения.

Фабьен: Для борьбы с кем?

Далай-Лама: С чужими, конечно! (Смеется.) Учтите, что если Китай станет супердержавой и останется при этом тоталитарным государством, то Европа и другие страны Запада должны быть полностью готовы к этому.

А если говорить серьезно, арабские страны, Ближний Восток и Северная Африка могли бы сотрудничать. Чуть позже к ним может присоединиться Центральная и Южная Африка. Даже если отдельные государства полностью разоружить невозможно, по крайней мере каждая страна может сократить свои вооруженные силы и сотрудничать со своими соседями. Это значительно уменьшит опасность конфликта.

Фабьен: Да, уменьшит возможность конфликта между странами, но при этом может возрасти опасность конфликта между более крупными сообществами, к примеру между арабскими и европейскими странами. Региональные вооруженные силы — это лишь один шаг, но не конечная цель.

Далай-Лама: Да, но каждое государство может хотя бы начать процесс сокращения вооружений. На мой взгляд, международные силы можно сформировать, набирая одинаковое количество представителей от каждой страны, независимо от ее размера и состояния экономики. К примеру, Люксембург — это крохотное государство, и тем не менее оно может выставить две тысячи человек, так же как и Германия. Главнокомандующий избирался бы демократическим путем, и эта должность через определенное время переходила бы к другому человеку. В одной из моих работ, посвященных всеобщей ответственности, я уже все это описывал. Я не думаю, что уже высказывал мысль об объединении вооруженных сил под единым командованием, но я четко изложил концепцию разоружения.

Фабьен: Если говорить в общем, вы оптимист или пессимист?

Далай-Лама: Оптимист.

Фабьен: Почему?

Далай-Лама: По двум причинам. Во-первых, я думаю, что человек по своей природе изначально добр и сострадателен. Во-вторых, я уверен, что человеческий разум, если его верно сориентировать, обладает замечательной способностью находить правильные решения. По моему мнению, XX столетие со всеми его экспериментами и открытиями — это самый важный период в человеческой истории. В первой половине века некоторые марксисты и приверженцы ленинизма полагали, что тоталитарная система сможет улучшить человеческую природу. Теперь мы знаем, что в реальной жизни такие теории не работают. Другие думали, что лучшим выходом будет социализм, но, похоже, эта теория тоже провалилась.

Лично я все еще считаю, идея социализма имеет право на существование. Даже марксизм не был абсолютно неправ. Недавний распад бывшего Советского Союза был крушением не марксизма, а тоталитарной марксистской системы. Основной недостаток тоталитарной системы заключается в том, что в качестве движущей силы она использует гнев и ненависть. И, опять-таки, еще в 1970-х и 1980-х годах люди думали, что лишь война может принести окончательное решение проблемы. Эти представления ушли в прошлое.

Помимо прочего, возникла проблема экологии. В начале XX века все наивно полагали, что природные ресурсы неисчерпаемы и находятся в полном распоряжении человека. Сегодня экологическая идеология влияет даже на политические партии. Все эти изменения берут свое начало в том опыте, который приобрел человек. Подобным же образом возникла концепция прав человека — как индивидуальных, так и общих, например право на самоопределение. Сейчас это общепринятые идеи. Такой прогресс дает мне надежду на будущее.

И, конечно же, уже сокращаются ядерные вооружения. На днях я смотрел документальный фильм производства BBC о бывшей Восточной Германии. Группа людей основала небольшой специализированный заводик, где из старых пуль и снарядов вырабатывается электроэнергия! Кажется, что разобрать или уничтожить это оружие невозможно. Его накопились целые горы, но оказывается, его можно взрывать в специальной печи и преобразовывать эту энергию в электрическую.

Фабьен: Приятно осознавать, что человеческий разум способен превращать опасные устройства в нечто полезное и хорошее.

Далай-Лама: Это и вправду была хорошая новость и замечательное начинание. И ведь уже пошел процесс сокращения ядерных вооружений. Все эти события вселяют в меня надежду. Однако это слишком сложные вопросы. Меня беспокоит, что наиболее могущественные страны, уже обладающие ядерным оружием (а они не собираются от него отказываться), очень настойчиво убеждают другие государства, что им не следует обзаводиться своими собственными ядерными арсеналами. Это несправедливо. Почему другие, не такие мощные державы, должны мириться с этим? Я думаю, что пять постоянных членов Совета безопасности ООН должны, прежде всего в одностороннем порядке, начать разоружаться сами. Для начала им следует избавиться от всех своих ядерных арсеналов, а уж потом они могут указывать другим странам, что тем не следует покупать или производить такое оружие.

Фабьен: Когда я вижу хрупкий баланс сил, сохраняющийся в мире, это мне напоминает детей, играющих в свои игры. Эгоизм и жажда соперничества создают столько конфликтных ситуаций между странами и народами. Куда приведет нас все это соперничество?

Далай-Лама: Я бы выделил два вида соперничества. К примеру, наша тибетская традиция учит, что после того, как мы произносим обет «Я принимаю Прибежище в сангхе, сообществе добродетели», образец для подражания нам следует искать в общине монахов с заведенными в ней порядками. Соперничество как таковое там существует, но в очень хорошем смысле. Идея состоит не в том, чтобы одержать над кем-то верх: нужно сделать так же хорошо или лучше, чем они, и не отставать. У сангхи есть много разных уровней — начиная от соблюдения основных этических правил на протяжении всех десяти бхуми*, или этапов, и заканчивая полным просветлением. Пример таких стойких и положительно настроенных людей стимулирует нас. Мы можем подумать: «Я хочу достичь этого, шаг за шагом. Если другие это сделали, я тоже смогу. Во всяком случае, я попробую».

Фабьен: В этом случае человек соревнуется с самим собой, и борьба ведется с невежеством.

Далай-Лама: Да. Здесь есть соперничество, но оно правильно используется. Хорошо, когда кто-то хочет идти первым, если при этом человек собирается проложить путь для

других, сделать этот путь легче, помочь им или указать дорогу. Соперничество — это плохо, когда мы хотим одержать победу над другим, свалить его, чтобы возвыситься самому.

Фабьен: Не кажется ли вам, что иногда мировые лидеры ведут себя очень по-детски?

Далай-Лама: Да, конечно. Многие люди ведут себя так. Это случается сплошь и рядом. В 1979 году я побывал в Советском Союзе. В те времена там велась мощная пропаганда: народу рассказывали, как опасны иностранцы. И вот люди так пристально меня разглядывали, что мне было не по себе. Годы спустя я снова побывал там, промывание мозгов к этому времени прекратилось, и я был приятно удивлен, обнаружив, что русские, которых я встречал на улицах, — это совершенно обыкновенные люди. Многие годы вся государственная машина, построенная на идеях одного или двух человек, намеренно насаждала ошибочные представления о Западе.

Почему нельзя просто позволить людям быть людьми? Тогда не существовало бы проблемы Востока и Запада. Все мы принадлежим к одному человеческому роду. Я часто ощущаю, что многие проблемы можно было бы решить гораздо проще, если бы ими занимались сами люди, на простом человеческом уровне. Лидеры часто делают много шума из ничего. Они настолько умны, что в их головах рождаются всяческие совершенно ненужные сомнения или подозрения. Они могут и не создавать их преднамеренно, но часто вместо того, чтобы упростить проблему, они ее усложняют.

Недавно я обсуждал одну идею, над которой уже некоторое время работаю. Я вижу, что люди своими действиями приносят в мир много страдания — не только для других людей, но и для животных тоже. Но ведь люди — это лишь один из видов живых существ, живущих на этой планете, к тому же возник этот вид совсем недавно. Многие другие живые существа появились миллионы лет назад. Как и мы, все они, даже самая маленькая букашка, стремятся достичь счастья и преодолеть страдания. Конечно же, некоторые животные, к примеру тигры, своей силой и хитростью приносят страдания другим живым существам. Но их действия ограничены, и жизнь другого животного они забирают лишь тогда, когда чувствуют голод: им нужно выживать. Животные способны испытывать положительные эмоции: сострадание, чувство ответственности и даже терпимость. Плохие качества проявляются у них так же, как и у нас: они гневаются, испытывают ненависть и ревность.

С точки зрения чувств, между людьми и другими млекопитающими нет никакой разницы. Легко понаблюдать за эмоциями, которые переживают наши домашние любимцы. У собак и кошек бывает страсть, привязанность и даже некое подобие альтруизма. Собака-мать чувствует ответственность по отношению к своему щенку и, чтобы защитить его и позаботиться о нем, жертвует своими интересами. Собаки тоже могут испытывать ненависть, гнев и ревность. Но те разрушительные последствия, к которым могут привести негативные эмоции животного, ограничены. Да и его добрые чувства отразятся лишь в его крохотном мирке.

Но совершенно невыносимо наблюдать за разрушениями такого масштаба, которые люди могут совершить, когда их сознание становится на службу негативным эмоциям вроде ненависти. Мы должны крайне осторожно относиться к сознанию, которое стало причиной стольких бед. Хотя с духовной точки зрения мы и можем сказать, что человек — это самое ценное создание из всех живых существ, но, если посмотреть с другой точки зрения, это и самое разрушительное существо, которое когда-либо знала наша планета. Мы не только

причиняем боль другим животным — миллионам рыб, кур, коров, которых по праву считаем своей пищей, — при этом мы используем свой разум даже для составления планов полного уничтожения планеты, на которой живем!

Это может показаться слишком сложным, но, я полагаю, крайне важно было бы связать экономику и сострадание. В прошлом году мы из сострадания разобрали несколько крупных птицеводческих ферм в поселениях тибетцев на юге Индии. Вот как это было. Однажды я отправился на берег небольшого озера, чтобы покормить рыбу, которую мы перед этим туда выпустили. На обратном пути кто-то спросил меня: «Кстати, а вы видели птицеводческую ферму?»

Вдруг у меня перед глазами появилась картина: стадо кур марширует с плакатами, на которых написано: «Далай-Лама не только выпускает рыбу, но даже кормит ее. А что он сделал для нас, бедных курочек?». Я почувствовал глубокую печаль и жалость к курам. На следующий день мы обсудили эту проблему с несколькими чиновниками. «Если по экономическим причинам не существует никакой альтернативы, то здесь мне нечего сказать. Но если другая возможность все же есть, пожалуйста, серьезно обдумайте вопрос о закрытии этих птицеводческих ферм», — сказал я. Похоже, они согласились, и через несколько недель около восьми тысяч кур были освобождены в нашем поселении Билакуппе, еще тысяча или две — в Ориссе, то же самое произошло и в Тёнзинкане. Мы больше не выращиваем домашнюю птицу в наших поселках. Я был глубоко тронут тем откликом, который увидел у своего народа, и пообещал прожить еще по крайней мере двадцать лет. Я произнес это под влиянием нахлынувших на меня эмоций, это не было предсказанием.

Фабьен: Создается впечатление, что наш разум — это место, где живут все наши неправильные представления, но можете ли вы сказать, что там же покоится и наш потенциал?

Далай-Лама: Человеческий разум — источник наших проблем. Но было бы глупо считать, что решение состоит в том, чтобы его стало меньше. Есть единственный выход: мы не должны допускать, чтобы нашим умом управляли негативные или вредные эмоции. Если мы хотим, чтобы он стал на путь созидания, то управлять им должны лишь правильные, позитивные побуждения. Самые глубинные положительные эмоции — любовь и сострадание — составляют основу человеческой природы. Вот почему каждый человек может растить их в себе.

Фабьен: Скажите, в чем разница между христианским и буддийским пониманием сострадания?

Далай-Лама: Что касается любви и сострадания, а эти два слова в тибетском языке часто связаны, то можно различить разные уровни. Один из них — это отношения мужчины и женщины, которые часто предполагают сексуальное влечение и чувство близости. Из-за чувства привязанности или зависимости, которые часто сопровождают это чувство, мы склонны относить эту разновидность любви к негативным или конфликтным эмоциям. Другая разновидность любви — это любовь материнская, ее чувство близости к своему младенцу. Мать не чувствует страстной привязанности к своему ребенку и ничего от него не ожидает. Однако благополучие ее ребенка становится для нее самым главным, и она полностью посвящает себя созданию для младенца самых лучших условий. Вот это, по моему мнению, и есть настоящее сострадание.

Идеальное сострадание — это любовь, которую мы испытываем к своему врагу. В нем нет никакой привязанности. Мы понимаем, что этот человек — враг, он хочет причинить нам зло, поэтому мы принимаем все меры предосторожности и при этом продолжаем испытывать к этому человеку участие и сострадание. Это и есть настоящее сострадание.

Фабьен: Означает ли сострадание, кроме прочего, и восприятие страданий другого человека как своих собственных?

Далай-Лама: Да, означает, но давайте еще немного поговорим о сострадании в самом общем понимании. Я хотел бы объяснить, почему я верю, что в основе человеческой природы лежит сострадание. Когда заключается брак по любви и в самый первый момент возникновения нового живого существа присутствуют любовь и сострадание, происходит правильное зачатие. А иначе на свет появляется нежеланный ребенок. Сейчас так много нежеланных детей и аборт, и все потому, что люди вступают в сексуальные отношения без всякого чувства ответственности. Настоящий брак — это не только любовь или сексуальное желание, здесь должны быть чувство ответственности, взаимное уважение и преданность. Когда соблюдены все эти условия, есть шанс, что родители будут хорошо воспитывать своего ребенка. По-моему, это близко к подлинному состраданию. Человек смотрит на своего партнера не с жалостью, а с уважением, ощущением родства и чувством ответственности.

С момента зачатия и все время беременности мать должна быть спокойной и счастливой. Когда у матери спокойное состояние духа, у ребенка есть возможность развиваться правильно. Для плода очень вредно, когда мать беспокоится, испытывает страх или гнев. В первые несколько недель после рождения главное занятие матери и ребенка — это кормление. Ребенок совсем не понимает, кто есть кто, но, когда его кормят, он доверяет матери и полностью на нее полагается. В свою очередь, мать переполняет неподдельные чувства ответственности и нежности, которые помогают молоку течь без помех. Если в это время у матери возникает чувство гнева или ненависти по отношению к ребенку, молоко у нее будет вырабатываться неправильно. Без молока ребенок не выживет. Это доказывает, что наше выживание в первые дни и недели жизни полностью зависит от любви и сострадания.

Мне нравится считать молоко символом человеческой привязанности. Благодаря ей мы смогли выжить и вырасти. Однако ребенку, чтобы выжить, нужна не только еда. Ученые сейчас признают, насколько важен для новорожденного ребенка физический контакт. Не важно, прикасается к ребенку родитель или кто-то еще, но это прикосновение совершенно необходимо для развития детского мозга. Даже когда ребенок растет в комфортных условиях, его развитие не будет гармоничным, если он будет лишен прямого человеческого контакта. Для него очень важно нежное прикосновение. Наше тело нуждается в любви других людей и живо откликается на нее.

Сейчас признают, что дети, живущие в семьях, где царит любовь, более здоровы и лучше учатся, чем дети, которые этого лишены. И самое печальное то, что людям, обделенным любовью в раннем детстве, крайне сложно испытывать любовь и привязанность к другим в их взрослой жизни. Часто они бывают холодны и бесчувственны. Понаблюдав за собой, можно легко заметить, что, когда у нас на душе спокойно, наш организм работает слаженно, но если мы все время злимся или боимся чего-то, все идет не так.

Сейчас наука подтверждает то, во что я верил всегда: истинная основа природы человека — это доброта и сострадание. Нашим первым настоящим учителем сострадания становится

наша мать или человек, который ее нам заменяет, она для нас больше чем лама, духовный учитель. Лама приходит позже.

Фабьен: Бывает, он не приходит никогда.

Далай-Лама: А иногда лама создает проблемы! А мать никогда таких проблем не создает. Мамы такие хорошие, такие добрые. Конечно, бывают исключительные случаи, когда мать не заботится о своем ребенке или умирает, когда ребенок еще не вырос. В этих случаях роль матери может выполнить другой человек. Дело в том, что если бы о нас в раннем детстве никто не заботился, мы не смогли бы выжить.

Фабьен: Вы на самом деле считаете, что одно только сострадание может сделать мир лучше?

Далай-Лама: Несомненно. Давайте я вам скажу, что не так с миром. Посмотрите на детей. Конечно же, они могут ссориться, но, в общем-то, в них нет такого количества недобрых чувств, которое носят в себе взрослые. У большинства взрослых людей есть преимущество перед детьми — это образование, но что толку от этого образования, если такой взрослый широко вам улыбается, а глубоко внутри затаил какие-то недобрые чувства? Дети обычно себя так не ведут. Если они на кого-то злятся, они покажут это, и на этом все закончится. На следующий день они уже будут играть с этим человеком. По-моему, это самый честный и естественный путь поведения в таких ситуациях, соответствующий основной человеческой природе.

Фабьен: Вы на самом деле считаете, что одно только сострадание может сделать мир лучше?

Далай-Лама: Несомненно. Давайте я вам скажу, что не так с миром. Посмотрите на детей. Конечно же, они могут ссориться, но, в общем-то, в них нет такого количества недобрых чувств, которое носят в себе взрослые. У большинства взрослых людей есть преимущество перед детьми — это образование, но что толку от этого образования, если такой взрослый широко вам улыбается, а глубоко внутри затаил какие-то недобрые чувства? Дети обычно себя так не ведут. Если они на кого-то злятся, они покажут это, и на этом все закончится. На следующий день они уже будут играть с этим человеком. По-моему, это самый честный и естественный путь поведения в таких ситуациях, соответствующий основной человеческой природе.

Кажется, что образование... пожалуй, мы не можем винить современное западное образование, ведь изменения начались несколько веков назад. Когда светские школы и академические институты впервые получили широкое распространение, христианская церковь была все еще очень могущественна и почиталась в обществе. Она учила людей милосердию и морали, тогда как интеллектом занимались светские учреждения. С течением времени эти общественные институты все больше отдалялись друг от друга. Влияние церкви на общество постепенно снижалось. В результате больше никто не заботился о том, чтобы учить людей доброте. Семейная жизнь стала менее гармоничной, все больше пар разводится. Доброте никто не учит. Тем временем для образовательной системы, которая продолжала развиваться и процветать, главными стали определенные виды интеллектуальной деятельности. Духовное или моральное обучение перестало сопровождать развитие интеллекта, при этом влияние ненависти и негативных эмоций оставалось таким же сильным, как и прежде.

Фабьен: Многие люди ощущают дисбаланс между своим интеллектуальным развитием и своими чувствами. Они растеряны, им хочется вспомнить, что такое простота в жизни. Это замечательно, но похоже, что такое глубинное беспокойство происходит оттого, что люди не научились обретать спокойствие и счастье. Мы не имеем ни малейшего представления о том, как замедлить или прервать поток наших мыслей. Мы даже не умеем правильно дышать. В системе нашего образования всего этого просто нет.

Далай-Лама: Нам не хватает морали, свободной от какого-либо религиозного подтекста. Я думаю, что при помощи науки, в особенности медицины, мы можем разработать кодекс простой морали, основанной на важнейших добродетелях, которые необходимы человеку в обычной повседневной жизни.

Фабьен: Моральный кодекс без каких-либо религиозных концепций?

Далай-Лама: Да. Религия полезна для тех, кто признает ее ценность и желает следовать по духовному пути. Но люди могут выжить и как-то обойтись и без религии.

Анна: Какие принципы могут лечь в основу научных этических теорий?

Далай-Лама: Любовь, непричинение зла другим, уважение всех живых существ. Даже в поведенческих моделях животных проявляются эти качества. Для начала нам нужно понаблюдать за их поведением. Они искренни и ценят, когда и мы бываем такими же с ними. Если одной рукой вы протягиваете животному какое-то лакомство, а в другой прячете веревку, то животное почувствует, что вы задумали. Притом что у животных нет ни религии, ни конституций. Они от природы наделены способностью к распознаванию. Так же и с людьми.

Анна: Ваше Святейшество, вы хотите, чтобы мы доверяли ученым? К примеру, после Второй мировой войны многие врачи на Западе говорили матерям, что грудное вскармливание вредно для их детей. Даже сейчас многие женщины не хотят кормить грудью. Более того, в некоторых роддомах на Западе женщин до сих пор отговаривают от грудного вскармливания.

Далай-Лама: Да, но я думаю, что уже появляются новые научные теории. Сейчас врачи говорят, что грудное вскармливание уменьшает риск заболевания раком груди.

Анна: Эта идея приживается. Я только боюсь, что много времени пройдет, пока что-то изменится. А между тем два поколения детей в западных странах были лишены этого близкого общения, и мир сейчас в полном беспорядке.

Далай-Лама: Чтобы создать лучший, более счастливый мир, мы должны придерживаться стратегии, состоящей из двух частей. Во-первых, следует забыть о поколении, живущем сейчас. Оно уже заражено. Вместо этого мы должны обратить свою энергию на молодежь.

Во-вторых, чтобы резко сократить уровень загрязнения, нам нужно начать действовать немедленно. В разных частях света над улучшением положения дел с правами человека, правами детей, над совершенствованием систем переработки отходов работают группы людей. Все это происходит прямо сейчас. Некоторые сомнительные люди, на деле обладающие скромным духовным образованием, называют себя учителями, но в действительности используют других в своих интересах, прикрываясь тем, что заботятся о

здоровье духа. Это печально. Это происходит оттого, что, когда речь заходит о духовности, люди все еще очень доверчивы.

В 1973 году, когда я впервые приехал в Европу, в Женеве меня пригласили на ужин в дом бывшего комиссара по делам беженцев ООН. Там было несколько важных гостей, но разговор мы вели о совершенно обычных вещах. Я высказал мысль о том, что современное поколение практически безнадежно. Хозяин дома был слегка обескуражен. И тем не менее я искренне полагаю, что нашей первоочередной задачей должна стать подготовка долговременной стратегии по улучшению состояния дел в мире. Главное внимание в этой стратегии следует уделить грядущим поколениям.

Фабьен: Как вы думаете, один человек может изменить мир?

Далай-Лама: Да.

Фабьен: В таком случае лучшее, что мы можем сделать, — это приступить к собственному совершенствованию.

Далай-Лама: Это кажется таким простым. Во-первых, необходимо понять, что мы — часть природы. В конечном счете природа всегда будет сильнее человека, даже со всем его ядерным оружием, научным оборудованием и знанием. Если исчезнет Солнце или температура Земли изменится на несколько градусов, тогда мы на самом деле окажемся в беде.

На глубинном уровне мы должны признать, что, хотя мы и часть природы, в наших силах контролировать и изменять ход вещей — до некоторой степени благодаря нашему разуму. Среди тысяч видов млекопитающих на Земле мы, Люди, обладаем наибольшей способностью воздействовать на природу. По существу, на нас лежит двойная ответственность. С моральной точки зрения, как живые существа, обладающие высокоразвитым интеллектом, мы должны заботиться об этой планете. У других ее обитателей, насекомых и так далее, нет возможности сохранить или защитить Землю. На нас лежит еще одна ответственность: мы должны исправить последствия того значительного ущерба окружающей среде, который был нанесен в результате разрушительных действий человека. Мы опрометчиво загрязнили планету химическими и ядерными отходами и при этом эгоистично потребляем ее ресурсы. Человечество должно взять на себя инициативу по восстановлению и защите нашей планеты.

Конечно, когда мы говорим «человечество» или «общество», понятно, что инициатива должна исходить от отдельных людей. Общество — это просто собрание отдельных личностей. Ожидать от правительств или даже от Господа Бога каких-то указаний по этому вопросу было бы неверно.

Фабьен: Еврейская традиция гласит: что наверху, то и внизу. Возможно, так выражается мысль о том, что микрокосм и макрокосм взаимозависимы, и если изменится один человек...

Далай-Лама: Да, они связаны. Это означает, что каждый человек обязан изменяться. Изменения в мире зависят от поведения отдельных людей.

Фабьен: Но можно ли искренне сказать людям, что если на работе и дома они будут проявлять больше сострадания, если будут более внимательны к проблеме загрязнения

окружающей среды и более открыты тому, что происходит вокруг них, то тогда они могут изменить мир? Большинству людей эта задача кажется слишком огромной.

Далай-Лама: Это верно. Наши проблемы действительно велики, и усилия отдельных людей и вправду кажутся бессмысленными. Тем не менее так происходило и в прошлом. Для буддистов появление в Индии Будды Шакьямуни и его учений о Четырех благородных истинах и альтруизме имели огромное значение, но за пределами Индии о них никто не знал. Весь мир не изменился. Иисус Христос начал проповедовать свое учение на Ближнем Востоке, но в Восточной Индии до недавних пор никто о нем не имел ни малейшего представления. Когда время от времени на планете появляется один Великий Мастер — что само по себе редкость, — вот тогда происходят какие-то изменения. Эти изменения не абсолютны, но это сдвиг в правильном направлении.

Таким положение дел было в прошлом. Теперь же многое изменилось. Люди больше знают о том, что происходит вокруг них и во всем мире, лучше осознают последствия происходящего. Если хорошо подумать, то существует реальная надежда на улучшение теперешней ситуации. Если благодаря средствам массовой информации и образованию уровень нашей осознанности вырастет и мы приложим совместные усилия, то наши шансы изменить человеческий способ мышления как никогда велики.

Вы здесь отметьте, что я говорю обо всем человечестве. Я не имею в виду какую-либо конкретную идеологию. Если мы начнем рассуждать как буддисты или христиане или вспомним любую другую идеологическую систему, мы сузим наши рамки. Давайте говорить о человечестве в целом, даже когда мы объясняем важность сострадания. Давайте обратимся к повседневной жизни, а не к священным текстам. Я уверен, что такая точка зрения поможет повысить общий уровень осознанности.

Фабьен: Во что вы верите, в эволюцию или революцию?

Далай-Лама: В эволюцию.

Фабьен: Эволюция всегда долговременна или она может произойти внезапно, если ее подталкивает какое-нибудь невероятное событие, скажем, космического происхождения?

Далай-Лама: По сравнению со всей историей человечества, прошедшее столетие принесло много очень неожиданных изменений. Век — это короткий срок, всего три поколения. Теперь люди во всем мире лучше осознают, что с нашим современным образом жизни что-то определенно не так. Они понимают, что система работает некорректно. Все больше людей — японцы, индийцы, американцы, русские или люди других национальностей — приходят к выводу, что чего-то им недостает. Это осознание явилось не в результате Божеского благословения. Его источник находится непосредственно в том опыте, который мы получили в этом столетии.

Если говорить в общем, это осознание более распространено в индустриальных и экономически развитых странах, поскольку, несмотря на «прогресс», живущие там люди чувствуют внутри себя безудержно нарастающее разочарование. В странах, подобных Индии, большинство людей еще живут в ужасной бедности. Что для них значит экология? Как можно просить людей в сельских районах не рубить деревья в лесах, когда их выживание зависит от хвороста, который они соберут? Как можно призывать нищего, ночующего на улице в городских трущобах, не мочиться где попало? Как можно обсуждать вопрос гигиены с бездомным и бедняком?

Сначала эти люди должны пройти какие-то этапы эволюции своего сознания. Как только будут удовлетворены их первичные потребности, они смогут благодаря своему собственному опыту понять, что материального благополучия для счастья недостаточно. Люди должны понять, что все эти блага, все деньги и ежегодно растущий ВВП не дают им счастья. Им нужно понять, что настоящий виновник бед — наши безграничные желания. Нашим потребностям нет конца.

Экономика и альтруизм

Фабьен: Ваше Святейшество, меня заинтересовало то, что вы сказали в 1994 году о марксизме на Парижском конгрессе, посвященном бизнесу и этике. Вы не могли бы еще раз объяснить то различие, которое, по-вашему, существует между марксизмом в его изначальном виде и тем, что о нем думают?

Далай-Лама: Основной вопрос марксизма заключается в следующем: каким образом в обществе должны распределяться деньги? В основе марксизма лежат этические принципы, но этого не скажешь об экономических теориях, их главная цель — прибыль. Однако на деле марксизм сделал слишком большой упор на ненависти к богатым. Идея Маркса помочь рабочему классу была хороша, но его системе рассуждений не хватало сострадания, что ее и подорвало. Это показывает, что материальные и духовные принципы должны сочетаться.

Фабьен: Таким образом, вы предлагаете, чтобы альтруизм, в противовес обычной конкуренции и жажде денег, стал одной из движущих сил в деловом мире? Это представляется весьма утопичным и далеким от бизнеса, как его понимает большинство людей.

Далай-Лама: Наибольшая трудность в том, чтобы найти способ соединить экономику и альтруизм. Однако эти два явления могут и должны соединиться на глобальном и личностном уровнях.

На глобальном уровне мы должны предпринять незамедлительные меры для создания этического кодекса для мира бизнеса и финансов. Иначе эти два клуба будут и дальше защищать свои интересы, создавая при этом крайне серьезные экологические проблемы для остального мира. Мы должны также помнить, что экономика несет ответственность за создание неприемлемого разрыва, существующего между странами — и даже между людьми внутри одной страны. Если мы будем продолжать в том же духе, ситуация может стать непоправимой. Зияющая пропасть между «богатыми» и «бедными» принесет многочисленные беды всем, включая и сам мир финансов. Следовательно, давайте расширим рамки наших представлений, и пусть наше видение экономического развития будет дополнено идеей о благосостоянии всего мира и будущих поколений.

Очевидно, что экономика должна стать более человеческой. Все ведущие финансисты и бизнесмены должны развивать в себе основанное на альтруизме чувство ответственности, им следует задуматься о том, что есть благо для всего мира. В противном случае рано или поздно мировая экономика окажется в чрезвычайно сложном положении.

В начале XX века в экологическом смысле все было благополучно, но теперь мы должны хорошо подумать о будущем, поскольку население Земли сильно выросло. Сейчас весь мир связан гораздо теснее, мы называем это «глобализацией». Как мы говорили ранее, благодаря торговому обмену деньги приобрели огромную значимость, а ведь это всего лишь маленькие кусочки бумаги. Почему? В своей повседневной жизни мы не можем без них обойтись. Мы стали такими слабыми и зависимыми. Когда экономика США чихает, весь мир заражается насморком, и для меня это показатель, что с современным миром и вправду что-то не так.

Мы не должны забывать о наших истинных целях. Я хотел бы привести пример с моим домом здесь, в Дха-рамсале. Если бы я думал, что для счастья самое главное — деньги, я бы срубил все деревья в моем саду и смог бы заработать несколько тысяч рупий. Но сделав это, я бы в конечном счете причинил страдания самому себе. После того как здесь вырубил бы все деревья, я должен был бы продать за деньги все мои столы. В итоге, для меня это стало бы полной катастрофой. На самом деле получение прибыли от этих материальных ценностей совершенно заслонило бы мою главную цель: стремление к счастью. Точно так же экономика с односторонним развитием, основанная на ограниченном мышлении, вскоре истощит все наши природные ресурсы. Наши земли загрязнены, наша вода отравлена.

Но кому в мире экономики есть дело до Земли? Что такое вода для эгоцентричных экономистов и бизнесменов? Их жадность и недалекость приводят к изменениям в атмосфере нашей планеты и причиняют страдания всем нам. Таковы негативные последствия слепой погони за наживой.

Та же проблема и с наукой. Посмотрите на работу генетиков. Она кажется волшебством, но они видят, изучают и преобразовывают один конкретный ген и часто не задумываются над более широкими последствиями своих действий. Многие физики, открывшие различные формы ядерной энергии, возможно, и не собирались делать атомные бомбы и уничтожать столько невинных жизней, и тем не менее таковы были последствия их изобретений. Ограниченное экономическое мышление приводит к катастрофам, подобным сбросу атомной бомбы. Мы повторяем те же ошибки. Теперь я все разъяснил?

Фабьен: Да, и это звучит пугающе. Это глобальный уровень.

Далай-Лама: Да. А теперь вернемся на уровень отдельного человека. Основная цель зарабатывания денег состоит в том, чтобы удовлетворить его потребности. Иногда это нужно для того, чтобы с облегчением сказать: «У меня много денег». Это верно, бедных людей всегда переполняет беспокойство. Можно прийти к выводу, что, когда у людей появляется много денег, благодаря богатству они обретают покой и довольство жизнью. Однако миллионеры часто хотят все больше и больше денег. Они никогда не достигают настоящего удовлетворения. У меня есть друзья в деловом мире. Некоторые из них богаты, и я часто подтруниваю над ними, говорю полушутя: «Ну вот, теперь ты свободен от бедности, но стал рабом денег. На самом деле ты никогда не чувствуешь удовлетворения».

Фабьен: Калу Ринпоче как-то сказал: «Человек, у которого нет денег, всегда о них думает. Человек, у которого денег слишком много, тоже всегда думает о них. Ни у одного из них не спокойно на душе». Богатые люди работают не только для того, чтобы заработать деньги, они к тому же стараются удержать то, что у них уже есть. Они всегда живут в страхе потерять свое богатство.

Далай-Лама: Следовательно, результат противоположен первоначальному устремлению. Они потеряли из виду свою цель. Они хотели заработать денег, чтобы стать свободными и довольными жизнью, но когда деньги у них появляются, они не чувствуют никакого морального удовлетворения, не говоря уж о душевном умиротворении. Нет ни счастья, ни удовлетворения. Так зачем тогда все это?

Фабьен: Давайте рассмотрим деньги с другой точки зрения. Похоже, что они, как и власть, на большинство людей действуют разлагающе. Кроме случаев, когда нужно представить экономическую теорию или организовать семинар, кто в мире бизнеса и финансов осмелится вспомнить об этике? Мир бизнеса стоит в стороне от гуманитарных проблем, как будто это отдельное государство со своей собственной законодательной системой. Насколько это в принципе возможно: внедрить в такую среду понятия о доброте и альтруизме?

Далай-Лама: У альтруизма есть две стороны. Любить других — это не значит забывать о себе. Когда я говорю, что мы должны проявлять сострадание, это не означает помогать другим за счет самих себя. Совсем нет. Иногда я говорю, что будды и бодхисаттвы — самые эгоистичные существа из всех. Почему? Потому, что через альтруизм они достигают наивысшего счастья. Мы же глупы и ограничены в своем себялюбии. Что мы делаем? Создаем для самих себя все больше страдания. Любовь к себе будд и бодхисаттв приносит пользу и дает эффект. Благодаря ей они не только достигают состояния пробуждения, но и приобретают способность помогать другим. Вот на что стоит тратить силы. По моему мнению, это доказывает, что для достижения наивысшего счастья человек должен развивать в себе чувство сострадания. Это буддийская логика. Если же сострадание влечет за собой страдание, то тогда оно весьма сомнительно. Зачем испытывать то, что приносит еще большие беды? Но сострадание совершенно не таково. Лишь представьте, что было бы, если бы мы жили без него и думали только о себе. Страдания наши были бы неисчислимы. Чем больше вы думаете о других, тем счастливее становитесь сами.

Фабьен: Я был потрясен, когда в Берлине вы сказали что-то вроде «Будьте эгоистами. Думайте о других». То есть альтруизм — это разумный эгоизм?

Далай-Лама: Именно так. Но давайте вернемся к экономике. Когда мы говорим, что деловому миру необходимо сострадание и альтруизм, это означает, что люди, работающие в сфере торговли и финансов, должны лучше осознавать более отдаленные негативные и позитивные последствия своих решений и действий. Когда произойдет большая беда, в конечном счете пострадаем мы все.

Я забочусь о себе и не хочу страдать. Проблема в том, что, если я все свои силы потрачу на достижение личного счастья, в итоге моим уделом станут боль и страдания, ведь я забыл о других. А вот если я выберу сострадание, то естественным образом во мне родится не только большее чувство любви и ответственности, но расширится и мое видение. Вот в чем состоит главная идея.

Фабьен: Давайте представим, что вы управляете компанией и стараетесь быть отзывчивым — во всяком случае до тех пор, пока не научитесь настоящему состраданию. Вы отдаете часть своей прибыли нуждающимся людям. Но ведь кроме этого вы должны принимать во внимание и то, что правительство забирает у вас часть денег и расходует их, скажем, на оборону.

Далай-Лама: Оружие?

Фабьен: Да. Вы четко понимаете, что какие-то действия правительства альтруистичны, но многие направлены исключительно на получение прибыли или производство оружия — иногда массового поражения. Огромные суммы денег, которые мы заработали, поглощаются совершенно бездумно, и мы ничего не можем сказать по этому поводу. Это так печально. Я не вижу, как можно изменить ход движения этих правительственных машин, которые приближаются к катастрофе, сминая на своем пути людей.

Далай-Лама: Вот видите, я говорил вам, что это поколение потеряно, испорчено. Вся созданная вами система породила эту ситуацию. Я думаю, для того, чтобы рассуждать об этом, нам следует глубже рассмотреть природу человека. Вот один пример. Я полагаю, мы можем с уверенностью сказать, что люди — и образованные, и не очень — плохо относятся к идее нейтронной бомбы. Почему? Мне кажется, нейтронные бомбы — это замечательно. Несомненно, это одно из величайших изобретений человечества, ведь они устроены так, что безошибочно поражают свою цель. Их цель — это люди, не дома и не сооружения. Все неживое остается в неприкосновенности. Гибнут лишь живые существа, и растения тоже. Но хорошо то, что наверняка уничтожается враг, до которого мы и хотели добраться.

А кто наш враг? Человек. Вот в ком причина всех бед. В обычной войне страдает не только армия противника, но уничтожаются целые города, страдают многие ни в чем не повинные люди нынешнего и будущих поколений. А нейтронная бомба — это оружие искусное и честное. Уничтожается лишь причина бед, а дома остаются невредимы. Поэтому, когда война заканчивается, новые люди с комфортом могут в них вселиться.

Как бы то ни было, суть в том, что против этой бомбы выступают не только власти предрешающие, — политики, инженеры и военные — все против нее. Эта бомба наводит на людей ужас. Самое страшное заключается в том, что здесь совершенно неприкрыто проявляет себя холодный бездушный интеллект. Мы создали невероятно мощное оружие, серийного убийцу во всем его технологическом великолепии. Вот к чему я веду. Природное чутье людей подсказывает, что в этом изобретении есть что-то ужасающее. Это чувство не имеет никакого отношения к религии. Это глубинное человеческое осознание.

Все это напоминает мне одно сделанное мною наблюдение. Я собираюсь испытать его на вас, Фабьен. Если я поставлю на этот стол стакан с кровью и стакан с молоком, какой вы выберете?

Фабьен: Я предпочитаю молоко. Не люблю вида крови.

Далай-Лама: Почему?

Фабьен: Потому что кровь означает страдание. Когда вы ранены или порезались, у вас идет кровь.

Далай-Лама: Да. Но мы не можем жить без крови. Мозгу особенно нужна кровь, а никак не молоко. На самом деле кровь более важна для нас. Иногда мы нуждаемся в молоке, но кровь нам нужна всегда. Когда человек серьезно ранен, то говорят, что необходимо переливание крови, а не молока. Кровь поддерживает жизнь. В действительности мы должны чувствовать себя ближе к крови, чем к молоку. Но, кроме того, как вы правильно заметили, мы ощущаем, что кровь — это боль. Когда у нас идет кровь, это значит, что мы ранены. Обычно кровотечение случается после драки, когда мы испытываем гнев или ненависть, поэтому вид крови нас пугает. Молоко — это продукт любви и сострадания. Вот почему когда мы видим молоко, то чувствуем умиротворение.

И хотя в некотором смысле кровь для нас более важна, чем молоко, то, что мы воспринимаем ее как результат страдания, а молоко — как продукт мира, доказывает, что от природы нам свойственно влечение к миру, любви и состраданию, тогда как к насилию и крови мы испытываем отвращение.

Человеческая природа весьма благоразумна. Я предлагаю, чтобы во всем, что мы делаем, особенно если речь идет об экономике или войнах, было больше естественности и человечности. В наше время мы почти не осознаем нашей истинной человеческой природы — наш разум так могуществен, что заслоняет ее исконную, естественную, сострадательную сущность.

Фабьен: То есть вы считаете, что мы отделились от своей истинной природы?

Далай-Лама: Да, именно так. Когда мы думаем о нейтронных бомбах и других подобных изобретениях, наше подсознание реагирует. Что же касается экономики, то здесь существует дилемма: понимание того, чем чревато существование лишенной сострадания экономики, не происходит мгновенно, и недальновидные желания преобладают над импульсами, исходящими из глубин нашего человеческого естества. Но, слава богу, против самых чудовищных явлений наша человеческая природа все еще восстает.

Фабьен: Все, что вы сказали, логично и разумно. Не могли бы вы дать нам совет, как простыми способами вновь раскрыть свою истинную человеческую природу?

Далай-Лама: Совет? Если бы я был диктатором, то я бы... (Смеется.) Если бы я обладал всей земной властью, то разработал бы долгосрочный план. Главным там стало бы образование, соответствующее человеческой природе, такая система, которая позволяла бы наилучшим образом развить основные человеческие качества. Затем, ха-ха, учитывая современную ситуацию, всех людей, которые не желают развивать свои человеческие качества, я бы заключил в концентрационный лагерь.

И первым я бы туда посадил вас, Фабьен! Это принесло бы двойную пользу: во-первых, в мире стало бы спокойнее, а во-вторых, вы бы сбросили вес!

Хорошо, давайте будем серьезными. Мне очень сложно давать советы. Это дело средств массовой информации и писателей — предупреждать людей о надвигающихся бедах, если современные социальная, экономическая и духовная ситуации будут развиваться в том же направлении.

На самом деле я полон оптимизма. Возьмем, к примеру, экологические проблемы. Ученые и различные экологические организации неоднократно предупреждали нас о проблемах окружающей среды вроде глобального потепления и широкомасштабного загрязнения воды и воздуха. Теперь люди во всем мире все больше понимают, что происходит. Появляются новые технологии, и благодаря этому есть возможность избежать загрязнения, не останавливая при этом процесс производства и развития экономики.

Во время недавнего визита в Стокгольм мои друзья рассказали мне, что десять лет назад в местной реке почти не было рыбы. Теперь ее там все больше, и все потому, что руководство заводов, расположенных вдоль реки, предпринимает шаги по защите окружающей среды. Иными словами, им удалось улучшить ситуацию и при этом не разрушить промышленное производство. Недавно я побывал в Руре, этот регион Германии — центр промышленного производства. Одна крупная компания показала мне фильм,

рассказывающий о мерах, которые они предпринимают для сокращения загрязнений и для переработки отходов. Не меняя общую структуру производства, они наносят окружающей среде гораздо меньший ущерб. Вот где выход.

Озабоченность проблемами экологии растет, поскольку информации на эту тему все больше и она все более доступна. Постепенно люди пришли к убеждению, что ситуация действительно серьезная и мы должны позаботиться о своей планете. Я заметил, что сейчас в некоторых гостиницах постояльцев просят не расходовать понапрасну электроэнергию и воду. Это хорошее начало. Точно так же средства массовой информации должны рассказывать о важности альтруизма в любой сфере человеческой деятельности. Об этом нужно говорить снова и снова — в газетах, в кино, на радио, по телевидению. Я думаю, что поводов для разговора на эту тему предостаточно. Медицина и наука должны поддержать теорию альтруизма. Экологи поддержат ее, движение за мир — также. По логике, каждая семья будет способствовать распространению этого движения, если улучшится система образования и среди детей станет меньше жестокости. Потом изменится даже полиция, и постепенно в поступках и мыслях каждого человека станет больше добра, альтруизма и сострадания.

Некоторое время назад я говорил со своим швейцарским другом, который работает на неправительственную организацию, преподающую этику и мир. Поначалу местные органы образования относились к этой организации подозрительно и не хотели с ней сотрудничать. В конце концов швейцарское правительство обратилось к моему другу со словами: «Мы заметили, что ваши методы эффективны и предотвращают насилие в школах. Мы хотели бы, чтобы вы больше работали в школах». Это всего лишь один пример. Я считаю, что со временем правительства разных стран смогут проводить такую политику, которая поддерживала бы идею основных человеческих ценностей и альтруистической деятельности. ООН могла бы присоединиться к такой работе.

Фабьен: Ваше Святейшество, как частные лица, мы можем инвестировать свои сбережения в правильные секторы экономики и не поддерживать заводы по производству оружия или химическую промышленность. Ускорит ли это продвижение к более совершенному миру? Является ли это эффективным способом давления на деструктивные стороны нашего общества?

Далай-Лама: Если говорить в общем, я считаю, что в химических продуктах нет ничего плохого.

Фабьен: Это зависит от того, что производят такие компании и является ли их главной мотивацией прибыль или благополучие человечества.

Далай-Лама: У нас в Тибете есть правило: перед принятием нового изобретения человек, предлагающий его, должен гарантировать, что оно будет полезно или хотя бы безвредно — для семи поколений людей.

Фабьен: Это очень разумное правило. В странах, где не уважаются основные права человека, к примеру в ЮАР во времена апартеида или в наши дни в Китае, очень просто вложить деньги и получить высокую прибыль. А какой кармический груз мы берем на себя, когда поддерживаем эти режимы даже косвенно?

Далай-Лама: Давайте будем говорить не о карме, а просто о нашей ответственности по отношению к миру. Не следует вкладывать деньги в производство оружия — особенно

потому, что наша цель — всеобщее разоружение и сокращение объемов торговли оружием. Этот вид пассивного сопротивления — небольшой, но значимый вклад в дело мира. Однако такое изменение требует соответствующего планирования и координации. Недавно я видел вдохновляющий пример в бывших Советском Союзе и Восточной Германии. Завод по производству оружия был переоборудован, и теперь там реконструируют тяжелые виды вооружений, превращая их в бульдозеры для сельского хозяйства. Завод остался прежним, и продукция его фактически не изменилась, другим стало отношение и сфера применения.

Фабьен: Как вы думаете, потребность в труде — это тоже часть человеческой природы? Что, если бы труд не был важной составляющей для определения успешности человека?

Далай-Лама: Я думаю, это ваш западный образ жизни и мышления создал такое современное общество, где люди, не имеющие работы, считаются никчемными. У меня такое впечатление, что безработный тибетец не стал бы так сильно переживать, как безработный на Западе. Если у него достаточно еды и есть где переночевать, в его жизни все прекрасно. Такой человек может проваляться целый день, может поболтать с друзьями — и будет счастлив!

Это вопрос ментальности. В начале пятидесятых годов мои друзья, китайские коммунисты, преподали мне на эту тему несколько неплохих уроков. Когда в 1954 году я встречался с Мао Цзэдуном, он сказал мне, что цель коммунизма — всеобщая свобода. Конечно же, для начала нам нужно всю неделю работать. Так мы сможем получить удовольствие от выходных. Но по мере развития и продвижения вперед положение дел изменится. Работы будет меньше, а свободного времени и развлечений — больше. По существу, у всех будет так мало работы, что этот небольшой промежуток времени, когда человек будет трудиться, станет для него праздником! Никакого деления на классы. Работа для всех. Берите то, что вам нужно. Не будет ничего «моего» или «твоего».

И хотя современная ситуация с безработицей в индустриальных странах кажется весьма неприятной, я думаю, что виной тому — представления, которые порождает ваше общество. Главный виновник — эта пагубная идея о том, что доходы должны с каждым годом увеличиваться. Ваши экономисты пугают вас, что, если валовой национальный продукт не будет расти каждый год, страну ожидает катастрофа. С этой точки зрения безработных воспринимают как непродуктивную силу, они бесполезны — это зловещий признак движения вспять.

Фабьен: Это проблема вечной неудовлетворенности.

Далай-Лама: Верно. Общество стало бы совершенно другим, если бы в нем широко распространилась такая идея: мы получаем то, в чем действительно нуждаемся, этим и довольствуемся. Нас бы не терзали все эти страхи и тревоги. Мы бы просто расслабились и были счастливы. Испытывать чувство удовлетворенности — это драгоценный дар. Безработица не казалась бы такой ужасной. Тогда мы могли бы с пользой проводить свободное время.

Фабьен: Очень часто безработные испытывают чувство вины.

Далай-Лама: Человек всегда чувствует себя виноватым, когда живет за счет труда кого-то другого. Мне кажется неплохой идея распределения трудовой нагрузки. К примеру, на фабрику, где работает сто сотрудников, на половину ставки можно было бы нанять еще сто человек. Первая группа могла бы одну неделю работать, а следующую — отдыхать, когда

работала бы вторая группа. Тогда у всех была бы работа, и все чувствовали бы себя полезными.

Фабьен: Так мы возвращаемся к вопросу об альтруизме. Большинство людей готовы поделиться работой, но не заработком.

Далай-Лама: Пожалуй, это не будет стоить дороже, чем безработица.

Анна: Мой отец в зрелом возрасте считал, что человек от природы не создан для того, чтобы трудиться. Он предлагал следующее: от рождения до смерти каждый человек имеет право на удовлетворение основных потребностей в еде, жилье, одежде и образовании. Те же, кто хочет заработать больше и стать богатым, может это сделать. Но для этого должны существовать две монетарные системы: виртуальные деньги, позволяющие всем жить достойно, и реальные деньги для тех, кто хочет быть богатым.

Далай-Лама: Это верно — двойная система могла бы сработать. Одно время людей очень привлекала идея социализма. Хороший пример тому — кибуцы в Израиле. Сейчас движение кибуцев приходит в упадок, но первоначальная идея была и вправду замечательной. В пределах одной страны люди могли решить, какой образ жизни избрать, следуя своим убеждениям. Не все израильтяне жили в кибуцах, но те, кто поверил в эту идею, были вольны жить в этих общинах с независимой экономической системой.

Если пойти по этому пути, то возможно создание социалистических, коммунистических или капиталистических автономий, которые мирно бы уживались в пределах одной страны и не вмешивались бы в дела друг друга. Позже, когда исчезнут государственные границы, уже не будет причин привязываться к понятиям моя культура или моя система. Каждая страна станет поликультурной, в ней будут сосуществовать все духовные традиции. Экономическая система такой страны также будет многоплановой. Существование государственных границ потеряет смысл.

Безработные тоже смогут создать общину, где каждый будет спать допоздна, потом часами беседовать с приятелями, развлекаться и заниматься разными физическими упражнениями. У других членов общества не будет причин им завидовать. Незачем соперничать. Все, кто пожелает вести подобный образ жизни, смогут это сделать.

Анна: Я не уверена, что люди будут часто «выбирать» безработицу. Обычно они вынужденно попадают в такое положение.

Далай-Лама: Хмм... У меня сейчас нет ответа на этот вопрос. Границы между государствами и вправду создают много таких проблем. В целом, у индустриальных стран много денег, и там развиты технологии. Вместо того чтобы посылать свои вооруженные силы для «помощи» развивающимся странам, например в Африку, почему бы им не оказать реальную помощь в борьбе с пустынями и в улучшении условий жизни? Сколько квадратных километров пустынь израильтяне превратили в зеленые долины? Если у нас есть желание, мы способны изменять мир.

Я вношу это предложение в качестве долгосрочного плана действий для всемирного правительства. Как мы же говорили на днях, когда мы создадим Совет мудрецов, можно будет вести речь о всеобщем разоружении.

Как только исчезнут основные источники страха, мы сможем начать работу над вопросом об экономическом развитии. Главное, что все решения должны приниматься с точки зрения всеобщей ответственности.

Фабьен: Ваше Святейшество, я хотел бы поговорить с вами о религии. Нуждается ли общество в религии? Это индивидуальная потребность или необходимая основа политики и фундамент существования крупных человеческих сообществ? Мы можем прожить без религии?

Далай-Лама: Религия — это вопрос личной свободы. По существу, я не могу сказать, что человечеству нужна религия, ведь наблюдения показывают, что мы можем прекрасно обходиться и без нее. На самом деле подавляющее большинство из пяти с лишним миллиардов людей, живущих на нашей планете, неверующие. Тем не менее я действительно считаю, что религия играет важную роль в человеческом обществе. Но обычно я провожу различие между религией и духовностью. У духовности есть два уровня: внутренний и внешний. Внешний уровень — это когда вы остаетесь добрым, участливым человеком, когда не приносите вреда другим, соблюдаете законы, не лжете и не убиваете. Об этом мы уже говорили. Мы можем вести себя подобным образом и не придерживаясь никакой религии. Внутренняя духовность помогает развить и укрепить присущие нам качества, и в этом смысле я полагаю, что религия играет важную роль, поскольку дает некоторым людям надежду. С этой точки зрения у крупных религий есть большой потенциал. Было бы неверно считать, что все потребности человека могут быть удовлетворены внешними средствами, без использования наших внутренних качеств. Для нашего выживания как людей крайне важна позитивная внутренняя сущность. И в этом нам может помочь религия.

Однако я не согласен с теми религиями, которые утверждают, что развить наши глубинные человеческие качества без Божественной благодати невозможно. В этом проблема. Если бы я сказал, что такие человеческие качества проистекают или увеличиваются благодаря милости или благословению, дарованному Буддой, мои слова предполагали бы, что не-буддисты лишены такой возможности. Было бы неверно говорить, что человек, не верующий в Бога, не может стать лучше.

Фабьен: В этом опасность «организованной» религии. Религиозные лидеры часто пытаются удержать «своих» последователей под контролем, насаждая им чувство страха или вины.

Далай-Лама: Да, я слышал выражение «богобоязненные люди». Это лишь укрепляет меня в том пути, которому я стараюсь следовать. Безусловно, опираясь на мою религию и личный опыт, я сделаю для человечества все, что от меня зависит, но меня совершенно не заботит «распространение Дхармы».

Фабьен: Вас когда-нибудь обвиняли в том, что вы пытаетесь обратить в свою веру? Вы все-таки религиозный учитель.

Далай-Лама: Нет, это не проблема. На самом деле я признаю, что у людей могут быть самые разные характеры и нравы. Я это полностью принимаю. Сам Будда признавал, что некоторые из его последователей верят в путь бодхисаттвы, а некоторые нет. Он знал, что путь бодхисаттвы, Махаяна*, — глубже и лучше, хотя тем, кто не мог по нему следовать, он говорил: «Высшая цель — это ваша собственная нирвана». Это для тех буддистов, которые не были готовы к полному пути будды. Для этого пути в сутрах* указывается три

конечные цели: два низших состояния архатов* и состояние будды. Будда говорил так, признавая, что бывают разные люди, разные обстоятельства и разные способности. Вот почему существует четыре школы буддийской мысли, между которыми есть много противоречий. Будда создал все эти школы, чтобы охватить различную природу и характеры своих последователей. Если в одном лишь буддизме существует так много направлений, то в целом у человечества их должно быть гораздо больше. Один буддизм не может удовлетворить все эти разные потребности.

У меня есть ощущение, что людям было бы лучше следовать своей собственной религиозной традиции. С этим я обращаюсь к христианским странам. Буддисты, подобные вам, должны очень хорошо подумать. Может быть, вы осознаете, что буддийский путь на самом деле более эффективный, но вы должны быть абсолютно уверены, что это вам подходит. Если это так, то у вас есть личное право принять эту религию. Но если вы потом от нее откажетесь, то лучше придерживаться своей веры.

Фабьен: Сейчас можно услышать довольно странные истории. Например, про то, как американские протестанты нанялись на работу в университете Лхасы, чтобы иметь возможность жить в Тибете и обращать тибетцев в свою веру. Или история про ретивых миссионеров в Монголии. Я слышал, что один сообразительный монгол умудрился заработать тридцать долларов тем, что три раза принял крещение. Вчера я прочитал про группу людей индуистского происхождения, которые хотели отказаться от своего обращения в христианство, заявив, что стали христианами в обмен на материальную помощь, оказанную им, когда они были в очень стесненных обстоятельствах. Что, вы думаете о миссионерах?

Далай-Лама: Рвение миссионеров является результатом определенной политики или деятельности религиозных лидеров, но помимо того, оно часто вызвано искренней верой. В начале шестидесятых годов многие тибетские беженцы работали в трудовых лагерях в Кулу, в Индии. Они строили дороги в горах. Однажды я познакомился с американкой. Она сказала мне: «Эти тибетцы такие милые. Даже в самых трудных условиях они не унывают и улыбаются. Они весь день поют, но мне их так жалко». Она принялась плакать. «Такие милые люди, а религии у них нет». Она не только не поняла, что их песни были молитвами, но и не была способна видеть дальше изречения «Один бог, одна истина». Она была очень искренней, но не имела никакого представления о других религиях.

Фабьен: У меня нет такой проблемы, ведь я родился среди «избранного народа»!

Далай-Лама: То есть вы - либеральный еврей. У меня было несколько бесед с некоторыми выдающимися еврейскими учеными и мистиками. Они высоко оценили наши дискуссии. Во время одного такого разговора еврейский ученый выразил обеспокоенность тем, что некоторые наиболее выдающиеся евреи приняли буддизм. Я сказал ему, что никогда и никого не пытался обратить в свою веру. Согласно буддийской традиции, никогда не следует призывать другого человека сменить веру. Это было бы расценено как недостаток уважения к другим. С другой стороны, если люди обращаются к нам в поисках учения, мы обязаны откликнуться на их просьбы.

Как я уже говорил, я полагаю, что людям было бы лучше придерживаться своего собственного вероисповедания. Мне понятна обеспокоенность этого человека. Иудейское сообщество невелико, и если лучшие ученые переходят в буддизм, это может вызвать реальные проблемы. Раньше сообщества приверженцев различных религий были более изолированы. Когда буддисты жили в своих странах, мусульмане в своих, а христиане у

себя, не имело значения, придерживаются ли они своей религии или у них существуют какие-то особенные представления о Боге. Сегодня ситуация совершенно иная. Теперь если я пытаюсь проповедовать буддизм, а другие религиозные лидеры распространяют католицизм или ислам, то рано или поздно произойдет столкновение. Вот в чем опасность.

Религия важна для человечества, но она должна развиваться вместе с ним. Самая главная задача состоит в том, чтобы во всех религиях установить и разработать принципы плюрализма. Если мы, религиозные лидеры, будем развивать искренние плюралистические отношения, то все будет гораздо проще. Хорошо, что большинство религиозных лидеров начинают, по крайней мере, признавать существование других конфессий, даже если они их и не одобряют. Дальше нам следует признать, что идея распространения религии устарела. Она больше не соответствует времени.

Фабьен: Поскольку мы говорим о религии, я хотел бы задать несколько вопросов, касающихся морали внутри буддистского сообщества. Что произойдет, если монах или лама совершит серьезное преступление, к примеру возьмет у ученика деньги или кого-то изнасилует? Буддизм — миролюбивая религия. Означает ли это, что здесь дисциплина строже или, может, слабее, чем в других религиях?

Далай-Лама: Чтобы ответить на этот вопрос, я должен провести четкое различие между понятиями лама* или гуру, что означает духовный учитель, и понятием тулку*, это перерождающиеся личности, каковыми их признают тибетская буддийская школа или конкретный род потомственных учителей. Это две разные вещи. Признание человека тулку постепенно превратилось в наделение определенным социальным статусом. В результате человек может носить громкое имя, не обладая при этом соответствующими духовными качествами. Иногда они ведут себя совершенно неподобающе и манипулируют людьми, прикрываясь названием гуруйоги* или других духовных практик. Слепая преданность опасна. Согласно учению буддизма, вы приходите лишь для того, что принять все, что лама совершает на высоком реализованном уровне практики, когда и учитель, и ученик хорошо осознают, что они делают. Примером таких отношений между учителем и учеником в их наилучшем проявлении могут служить Тилопа* и Наропа*, два самых известных тибетских Мастера.

Правда, в наши дни появилось слишком много буддийских «учителей». Некоторых из них, когда они жили среди тибетцев, никто не признавал мастерами, но, прожив несколько лет за границей, они вернулись, окруженные многочисленными учениками. Я думаю, что некоторые люди из моего правительства немного завидуют их успеху! К сожалению, те ситуации, о которых вы упомянули, случаются. Сейчас у нас нет системы, которая позволила бы отличать «признанных» тулку от квалифицированных духовных учителей.

Фабьен: А вы собираетесь ее ввести?

Далай-Лама: Этот вопрос поднимался во время встречи с западными учителями Дхармы. Там было много очень резких выступлений, в которых ставился вопрос о способах создания такой системы. В результате возникло много разногласий и даже появились какие-то группы. Это была обыкновенная встреча учителей, и при этом некоторые даже обвинили меня в манипуляциях и отступничестве.

Анна: Простите, если я задаю слишком откровенный вопрос, но, если в тибетском монастыре молодой монах подвергается манипулированию или сексуальным

домогательствам со стороны старшего монаха, осмелится ли новичок сказать об этом? Будет ли его кто-то слушать? Если так, то какое будет наказание?

Далай-Лама: Наказание будет определять духовная власть данного монастыря. В прошлом году у нас был один такой случай, старшего монаха изгнали из монастыря. Согласно нашей традиции, монахи-новички, так же как и полностью посвященные монахи, принимают обет целомудрия. Им не разрешается расходовать свое семя, в том числе и при помощи своей собственной руки. Полностью посвященные монахи должны придерживаться около двухсот пятидесяти трех обетов. Целомудрие — это тринадцатый обет, но он входит в число четырех самых главных, а именно: не убивать людей, уже рожденных или еще находящихся в утробе матери, не красть, соблюдать целомудрие, не заявлять, что имеешь духовную реализацию или способности, которых у тебя на самом деле нет. Если обет нарушается, то снова принять его уже нельзя. Если вы нарушаете обет целомудрия, не важно как, вы больше не монах.

Согласно правилам поведения, если кто-то услышит, увидит или заподозрит монаха в нарушении главных обетов, виновный монах изгоняется. Интересно отметить, что с самого начала и даже для мирян буддизм считал сексуальный акт греховным, если он причиняет зло, в особенности когда он совершается с ребенком или с больным. Кажется, большинство сексуальных скандалов на Западе, в которых замешаны тибетские учителя, связаны с йогами. Этим светским духовным учителям рекомендуют жениться. Конечно же, некая система сертификации была бы полезной, но ее очень трудно внедрить.

Я советую людям, интересующимся буддизмом, больше узнавать о буддийском подходе к духовности и вере. В исключительных случаях сгодится и слепая вера, но сам Будда говорил: «Не нужно принимать мое учение через слепую веру или из уважения ко мне, его следует принять через исследование». В Махаанутгара-йога-тантре* говорится, что перед тем, как принять кого-то в качестве своего духовного учителя, вы должны проверить, испытать и тщательно изучить его — если нужно, делайте это двенадцать лет! Будда определил качества, необходимые для передачи принципов винайи*, сутраяны*, низшей, средней и высшей тантры*. Если бы было достаточно одной веры, зачем тогда Будде было объяснять все эти качества?

Духовный учитель должен также помнить, что быть учителем — это значит служить другим людям. Те, кто принял обет бодхисаттвы по освобождению всех живых существ, должны считать себя низшим из них. Все бесчисленные живые существа считаются нашими учителями. Мы должны служить им, а не использовать или запугивать их.

Некоторых моих друзей, которые считали себя последователями тибетских учителей, замешанных в недавних скандалах, очень беспокоит, что такие события нанесут вред буддизму в целом. Я сказал им, что все это в конечном счете не важно. Буддадхарма* успешно просуществовала последние две с половиной тысячи лет. Она основательна и очень логична. В прошлом случались скандалы, вызванные отдельными людьми, могут они произойти и в будущем. Никаких проблем. Это не отразится на настоящей буддадхарме.

Фабьен: Я никоим образом не критикую буддизм как религию. Я его знаю и глубоко почитаю, но мне несколько не по себе, когда, скажем, в Непале я вижу многочисленные великолепные тибетские монастыри. На каждом углу монастырь. В этом мне видится какой-то парадокс. У каждого ламы есть свой собственный большой, красивый монастырь. А прямо за его воротами живет столько бедных людей. Они обитают на улице, и им нечего есть. Нет приличных дорог, нет канализации, вода грязная. Я знаю, что ламы не могут

решить те огромные проблемы, от которых задыхается Непал, но, по-моему, более важно накормить голодных, чем строить все новые монастыри.

Далай-Лама: Я хорошо знаю об этой ситуации. В наших поселениях все еще не хватает жилья. У многих студентов, в том числе монахинь и монахов, нет постоянных жилищ. Но даже при этом я часто говорю, что главным для нас должно быть обеспечение едой и образование, а не жилье. Ведь это лишь защита от жары и дождя. «Рано или поздно нам нужно будет оставить эти дома», — говорю я. Но, несмотря на мои советы, некоторые тибетцы и тибетские буддисты все еще строят более роскошные дома, чем нужно.

Анна: В некотором смысле, для тибетской общины в изгнании было важным строить монастыри, ведь Дхарма — это сердце тибетцев. Монастыри быстро становятся центром общественной жизни общины эмигрантов. Кроме того, там возникают детские приюты, бесплатные больницы, школы и дома престарелых. Это некоторым образом оправдывает их существование.

Далай-Лама: Некоторые считают, что великолепный храм — это

Дхарма. Это неверно. Дхарма здесь, в сознании. (Он показывает на сердце.) В случае с Непалом, самое ужасное, что некоторые из этих храмов пустуют. Там почти нет монахов, а те немногие, которые все же в них живут, носят одежду с рукавами и длинные волосы. Секретарь последнего Кармапы однажды совершенно серьезно сказал мне: «Это нелегко — стать монахом. Нужно обрить голову и контролировать свою сексуальность».

К сожалению, многие просто бреют наголо голову, но не контролируют другие части своего тела!

Фабьен: Вот почему вы попросили буддийское духовенство уделять больше внимания социальной работе и образованию?

Далай-Лама: Да. Я часто повторяю, что в этих сферах мы, тибетцы, должны брать пример с христианских монахов и монахинь. Это очень важно. Кроме того, я говорю им — даже публично, — что численность нашего духовенства должна уменьшиться. Я бы предпочел, чтобы у нас было меньше монахов и монахинь, а мотивация и дисциплина у них были выше.

Срединный путь

Далай-Лама: Я хотел бы вернуться к тому, что вы сказали. Если я правильно понял, хоть по происхождению вы и еврей, но после встречи с Калу Ринпоче у вас возник интерес к буддизму. Мне показалось, что суть вашего вопроса в следующем: может ли человек одновременно быть последователем двух религий? Позвольте мне изложить свои мысли по этому поводу. Как вы, возможно, знаете, я считаю, что существование разных религий полезно для человечества. На начальных этапах своего духовного поиска человек может быть и христианином, и последователем буддадхармы. Можно, к примеру, уважать буддийские учения о ненасилии, сострадании, терпимости, верить в них и при этом относиться с недоверием к учению о карме и реинкарнации, веруя в Создателя и ощущая свою близость к Богу. На этом уровне, я думаю, можно придерживаться двух или даже нескольких религий. Это как в школе: пока вы осваиваете основы, можно изучать целый ряд предметов. Но когда переходите к более серьезным занятиям, вам нужно выбрать одну специализацию.

Для того, кто более глубоко погружается в буддийскую практику, в основе которой лежат понятия пустоты, взаимозависимости и отсутствия абсолюта, уже нет места вере в Творца. Верно и обратное. Для христианина ключевыми являются представления о Создателе, любовь к Господу, любовь к ближнему. Я спросил одного моего друга, христианского священника, почему для глубоко верующих христиан теория реинкарнации оказалась неприемлемой. Он ответил: «Мы веруем в то, что наша жизнь дарована нам Господом, никакие другие ей не предшествовали, и такая вера порождает в нас чувство близости к Создателю».

Я подумал, что в этом есть позитивный смысл. Для истинного христианина невозможно принять идею о перерождении и еще более важный для нас, буддистов, постулат о взаимозависимости. Когда вы достигаете в практике определенного уровня, вам нужно сделать выбор. Каков ваш следующий вопрос?

Фабьен: Он будет о Тибете. О трагедии Тибета написано уже много книг. Как бы вы определили нынешнее положение дел? Существует ли хоть какой-то шанс для вас и вашего народа вернуться в Тибет?

Далай-Лама: Сейчас образовался некий застой. Что касается меня, я придерживаюсь неизменной позиции. Я по-прежнему являюсь приверженцем срединного подхода, который кратко наметил в Мирном плане из пяти пунктов, представленном в Страсбурге в 1989 году. Этот подход основывается исключительно на ненасильственных методах, которые я неизменно буду поддерживать. Эта ответственность лежит на мне. Если же ситуация изменится в сторону неконтролируемого насилия, я считаю, что мне нужно будет уходить в отставку, что при нынешних обстоятельствах практически невероятно.

Фабьен: Вы говорите о насилии в Тибете или за его пределами?

Далай-Лама: И там, и там. В настоящее время надежды на конструктивные переговоры нет. Китайское правительство сейчас проводит чрезвычайно жесткую политику по отношению к тибетцам как внутри Тибета, так и за его пределами. Такая же политика проводится и по отношению ко мне.

С 1994 года они говорят о борьбе с Далай-Ламой как о войне против злейшего врага. Коммунистическое правительство заявило: чтобы убить змею, нужно отрубить ей голову. Но это не имеет значения — я все еще жив и довольно активен. Надеюсь прожить еще тридцать-сорок лет, правда, не знаю, получится ли. Я лишь надеюсь на это.

Все мы знаем, особенно после резни на площади Тяньаньмэнь, что дух свободы в Китае жив. В этом году, четвертого июня, в годовщину тех событий, китайское правительство вело себя очень нервно. Это показывает, насколько сильно в народе стремление к демократии. Это лишь вопрос времени. Я думаю, что в ближайшие несколько лет ситуация наверняка изменится. Китайские эксперты видят три варианта развития событий после смерти Дена³. Одна группа говорит, что, поскольку у нынешнего руководства достаточно прочные позиции, больших изменений не произойдет и та политика, которая сейчас проводится по отношению к Тибету, сохранится еще по меньшей мере пять или шесть лет. Второе мнение состоит в том, что произойдут некоторые внутренние изменения. Третьи же предсказывают Китаю полное крушение, даже гражданскую войну. Я предпочитаю второй вариант.

Полный распад Китая, подобный тому, который произошел в 1991 году в Советском Союзе, может легко вызвать хаос и кровопролитие. Учитывая численность китайского населения, любое кровопролитие быстро обернется чудовищной катастрофой. Так что в настоящее время и в ближайшем будущем надежды на изменение китайской политики по отношению к Тибету призрачны. Но это не означает, что надежды нет совсем. Я верю, что через несколько лет ситуация в Тибете сможет измениться к лучшему.

Те предположения, о которых я только что рассказал, основаны на мнениях экспертов, но, как вы знаете, у нас, тибетцев, есть и другие источники информации: это предсказания, пророчества и астрологические прогнозы. Падмасамбхава* и некоторые из его истинных последователей сделали поистине удивительные предсказания. У меня была возможность встретиться с некоторыми из этих людей, они передали мне учения. Их появление было почти незаметным, они пришли как обыкновенные странники. Выглядят они обыкновенно, но у них исключительный духовный опыт. Поэтому я по-особому принимаю их учения. Вы знаете, ко мне приходит много учителей, они дают понять, что я должен получить от них различные передачи. Это ставит меня в затруднительное положение. Ведь по-настоящему пробужденные учителя никогда так не поступают. Благодаря моему внутреннему ощущению и через другие источники мы оба знаем, что учения истинны. В любом случае, я полностью доверяю их ясновидению и предсказаниям. Если им верить, надежда на лучшее будущее Тибета и тибетцев есть.

Однако если ничего не изменится в ближайшие десять лет, существует реальная опасность того, что тибетский дух исчезнет в самом Тибете — во всяком случае, в больших городах вроде Лхасы. С точки зрения численности, большинство населения Тибета составляют кочевники, но жители Лхасы и больших городов более образованны и обладают более широкими взглядами. Если тибетский дух исчезнет в этой более образованной среде, это будет ужасно досадно.

Фабьен: Как вы считаете: может ли тибетский буддизм сохраниться и распространиться на Западе, иными словами, существуют ли еще в Тибете тексты, учителя и священные предметы, необходимые для правильной передачи?

³Дэн Сяопин (1904—1997) — лидер Китая с конца 70-х до 1997 го-¹да.— Прим. гiйрец.

Далай-Лама: На Западе и за пределами тибетских общин существует несколько тибетских буддийских центров. Там работают замечательные люди, которые искренне заботятся об истинности учений. Эти ребята очень светлые, но они — молодые студенты. Им понадобится еще несколько десятков лет, чтобы вырасти и достичь зрелости, и лишь потом они смогут взять на себя ответственность за передачу буддадхармы следующим поколениям. Сейчас тибетский буддизм в мире слишком молод.

Если говорить о тибетцах, то они с рождения живут в атмосфере буддадхармы — не важно, «знают» они ее на уровне ума или нет. При жизни следующих двух поколений тибетский буддизм, а это самая полная форма буддадхармы, будет в очень непростой ситуации. В этом смысле здесь существует прямая связь со свободой Тибета.

. На уровне отдельных людей сто тысяч тибетцев, которые живут в изгнании, конечно же, могут практиковать и распространять буддадхарму. Для этого есть все. Если у человека есть необходимые качества и он прилагает достаточные усилия, то он может достичь состояния будды. Но дхарма нуждается в поддержке общины. Вот в чем реальная проблема. Если Тибета больше не будет, я сомневаюсь, что сто тысяч беженцев смогут сохранить буддадхарму во всей ее целостности.

Фабьен: Не кажется ли вам, что происшедшее с Тибетом — это часть некоего исторического цикла — рождения и упадка цивилизаций? Или вы считаете, что это была катастрофа, несчастный случай?

Далай-Лама: То, что случилось с Тибетом? Да, это была катастрофа. **Фабьен:** Нужно быть реалистом. Даже когда Тибет станет свободным, он никогда уже не будет таким, как прежде.

Далай-Лама: Это верно, но я всегда разделял две стороны нашей тибетской культуры: наш образ жизни и дух тибетского народа. Социальная система и образ жизни полностью изменились, и я не вижу необходимости в их сохранении или восстановлении. Традиционная тибетская одежда или прически, какие люди носили до того, как пришли китайцы, не имеют никакого значения. Есть еще одна тибетская привычка — когда в знак уважения человек показывает вам язык и чешет голову. Сохранять ее тоже совершенно ни к чему. Такие формальности излишни, и эти составляющие тибетской культуры станут другими. Это замечательно. Однако другие аспекты нашей культуры, основные, глубинные, важные вещи — тибетский дух терпимости, смирение и бесстрашие, — они не изменятся. Сострадательное отношение к животным — не важно, знакомы те с тибетским буддизмом или нет, — это качество, издавна присущее моему народу. Я высоко ценю эти стороны нашей культуры, их и стоит сохранить. Я мечтаю, чтобы Тибет будущего был высокоразвитой промышленной страной, где будут жестко соблюдаться правила, позволяющие наносить минимальный ущерб природе. Уважение к миру, в котором мы живем, — это неотъемлемая часть нашей буддийской культуры.

Обратите внимание, что я провожу различие между буддийской культурой и буддизмом. Я часто замечал, что даже те тибетцы, которые придерживаются религии бон* или ислама, уважают основные буддийские ценности. Некоторые исламские семьи, переселившиеся в Тибет из индийского Ладаха, а не из Китая, живут здесь на протяжении последних четырех веков. Их сердца полны сострадания.

Другие тибетцы могут выбрать для себя радикальный атеизм. Буддизм уже стали считать разновидностью атеизма. Даже если такие люди ни во что не верят, они все же могут испытывать на себе влияние буддийской культуры.

Фабьен: Кажется, что молодые тибетцы более агрессивны в борьбе за свободу Тибета, чем представители старших поколений.

Далай-Лама: Это касается не только молодежи. Я вам расскажу одну историю. Однажды я познакомился со стариком из Амдо, это в Восточном Тибете. Когда-то он сражался в партизанских отрядах. Я как-то спросил его, чувствует ли он гнев по отношению к китайцам. Еще до того, как он открыл рот, чтобы ответить, его щеки задрожали от ярости. Наконец он очень злобно выпалил: «Да!»

Я вам расскажу еще одну историю. В начале восьмидесятых я познакомился с другим стариком из Амдо, он был добрым человеком и настоящим монахом. На вид ему было лет шестьдесят, и от него веяло спокойствием. Мы долго беседовали о его жизни в шестидесятых годах, и он рассказал мне, как пришли китайские коммунисты и разрушили монастырь, в котором он жил, еще они арестовали всех монахов. Я сказал: «Да, все это понятно. Китайцев много и они сильные, вас победили числом».

А потом я спросил, что бы случилось, если бы китайцев и тибетцев было поровну. Он ответил мне жестом — круговыми движениями он потер одну ладонь о другую. Этот жест в Тибете означает, что враги, в данном случае китайцы, были бы сметены. Тибетцы очень добры и сострадательны, но, кроме того, они чрезвычайно уверены в себе, что тоже очень важно. Даже после сорока лет, прожитых тибетцами под дулом китайских ружей, тибетский дух не умер. Их спокойствие и стремление к ненасилию происходят не от страха или слабости, а от силы и уверенности в себе.

Фабьен: Вы когда-нибудь думали о том, чтобы объявить голодовку из-за тибетского вопроса? Так делал Ганди.

Далай-Лама: Да, я несколько раз обсуждал это, но не голодовку со смертельным исходом. Это было бы слишком рискованно. Это имело бы смысл, если бы существовала конкретная цель и была хотя бы половина шансов на успех.

А тибетская проблема очень деликатна. Я просто буддийский монах, у которого нет никаких особых способностей, разве что искренние альтруистические побуждения. Я не обладаю никакой волшебной или магической силой. Китайцы никогда не вызывали во мне негативных эмоций. Если появится такая возможность, я намерен им помогать и быть всячески полезным, я буду с ними таким же, как и с тибетцами. Это моя единственная отличительная особенность. Но, к сожалению, сейчас положение дел в Тибете очень сильно зависит от меня. Через некоторое время тибетцы будут в состоянии нести эту ношу сами, но сейчас у нас очень неустойчивая ситуация, и эта ноша — на моих плечах.

Фабьен: В Тибете много разных районов, и я думаю, что вам необходимо пока оставаться у власти, чтобы удержать тибетский народ в единстве. Люди не понимают, насколько велик Тибет. Здесь легко может вспыхнуть региональный конфликт. Как вы думаете, вы и дальше будете играть ключевую роль, даже в свободном Тибете?

Далай-Лама: Да. Это одна из причин, по которой я сделал заявление о том, что как только мы вернемся в Тибет, то учредим некое переходное правительство, которое будет

избираться не на всеобщих выборах, а при помощи коллегии выборщиков. Это правительство будет работать два года и подготовит демократические выборы генеральной ассамблеи, где будет использован принцип «один человек — один голос». Как только будет создано переходное правительство, я передам всю свою политическую власть. Я официально и по всей форме объявил об этом решении.

Может случиться так, что в момент обретения свободы у нас начнутся разногласия. Когда Запад соперничал с Восточным блоком, он забывал о своих собственных проблемах. Точно так же, когда маршал Тито управлял Югославией, все народное недовольство подавлялось; но как только появилась какая-то свобода, возникло много проблем. Уже сейчас в районах Кхам и Амдо из-за мелких проблем возникают крупные столкновения. Тибетцы даже убивают друг друга за крохотный клочок земли, а китайцы стоят рядом и наблюдают. Когда у нас будет подлинное самоуправление, всех этих распрей обязательно станет больше.

Я думаю, что моя популярность сохранится даже без всякой официальной должности, пока я остаюсь простым буддийским монахом. Но если я опорочу себя, тогда, конечно, моя популярность может упасть! Я мог бы выполнять роль посредника в конфликтах между правительством и местным населением. Судебная система будет заниматься вопросами, связанными с сектантством и сепаратизмом. У меня не будет права говорить, кто прав, а кто виноват. Тем не менее я думаю, что по-человечески я смогу обратиться к моему народу со словами: «Пожалуйста, не делайте этого. Пожалуйста, подумайте о Тибете и нашем будущем».

Фабьен: С 1950-х годов, но в особенности в последние годы, многие китайцы из разных этнических групп переехали жить в Тибет. Даже если Тибету удастся получить автономию от Китая, китайские поселенцы могут пожелать остаться в Тибете.

Далай-Лама: Если следовать моим принципам срединного пути, они могут там оставаться.

Фабьен: Но их присутствие станет еще одним источником конфликтов.

Далай-Лама: Нужно рассмотреть несколько аспектов этой проблемы. Количество не-тибетцев должно подлежать контролю, и те, кто желают остаться, должны уважать тибетскую культуру.

Фабьен: Иногда мне кажется, что материальный мир пожирает пространство духовности. Вы не думаете, что существует некое подобие манихейской борьбы между материальным и духовным мирами? Я имею в виду бедственное положение вашего народа, а также коренных американцев.

Далай-Лама: Между тибетцами и коренными американцами есть сходство, но все не так просто; У американских индейцев практически не было ни алфавита, ни письменности, тогда как тибетские мудрецы написали целые библиотеки метафизических трудов.

У нашей цивилизации есть еще одно уникальное свойство. Как-то во время семинара, который проводился по поводу моего шестидесятилетия в Нью-Дели, один известный и уважаемый ученый из Индии читал доклад. Он сказал, что, в отличие от других религий, буддадхар-ма основывается на исследовании, она уважает реальность и доказательства. Это очень близко к научному способу мышления. Затем он процитировал некоторые выдержки из теории Нагарджуны*, чтобы показать, насколько они близки современной субатомной

физике и квантовой теории. Он извинился за свое недостаточное знание буддизма, но отметил, что когда бегло ознакомился с учениями Нагарджуны, то был поражен, насколько близки они были к большинству современных научных открытий. Я почувствовал, что если бы этот выдающийся ученый был лучше знаком с буддизмом, то его точка зрения была бы предвзятой. Но у него не было ни малейшего представления о буддизме, и он моментально ухватил суть его теорий.

В 1994 году я побывал на семинаре в Колумбийском университете, где присутствовали несколько ученых. Известный еврейский ученый рассказывал нам, как трудно определить, что такое реальность с точки зрения квантовой теории. Как он пояснял, если не существует независимой реальности и все появляется благодаря множеству факторов, тогда точка зрения ученых оказывается чрезвычайно сходной с теорией Нагарджуны о пустоте. Для буддистов слово «пустота» на определенном уровне означает отсутствие изначального существования.

Возвращаясь к нашему вопросу, хочу повторить: я уважаю другие религии. Как я уже говорил, они приносят пользу миллионам людей. Все истинные духовные учения обладают огромным потенциалом служения человечеству. Все они несут в себе послание любви и терпимости. Поэтому я на самом деле уважаю их. В то же время я глубоко убежден, что не все люди могут быть религиозными. Следовательно, невозможно думать, что все человечество примет буддизм. Но это не мешает мне думать, что буддадхарма — это единственная религия, которая может работать рука об руку с наукой.

Что же касается тибетской ситуации, я полностью убежден в том, что если мы дадим тибетцам правильное образование, то сможем продвинуться и в материальной сфере, сохраняя при этом нашу духовность. Таким образом можно отыскать гармоничное сочетание этих двух сфер.

Фабьен: Вы лишь частично ответили на мой вопрос. Что происходит с теми людьми, которые обладают гораздо более высоким уровнем духовности и для кого материальный мир имеет меньшее значение? История показывает, что их всегда поглощают материалисты. Вспомним инков и североамериканских индейцев.

Далай-Лама: Это было давно. Времена изменились. Это верно, что материализм опирается на науку, но сейчас наука определила, что существуют и другие энергии, кроме материальных. Поскольку наука вышла на этот уровень, я думаю, что обязательно возникнут новые возможности отношений между духовностью и материализмом.

Фабьен: Вы имеете в виду, что материализм меняется и становится более духовным?

Далай-Лама: Да, именно так. Если духовность слишком ограничена или связана путями слепой веры, то, безусловно, трудно говорить о подобном союзе. Но если мы станем более духовно открытыми, то же будет и с материализмом. Это будет совершенно иной мир. Новое столетие может сильно отличаться от прежнего.

Фабьен: Ваше Святейшество, мы обсуждали некоторые возможности изменений на глобальном уровне, а сейчас я хотел бы поговорить о более личном — к примеру, о повседневной жизни, браке, сексе, образовании, о том, что нас окружает.

Кажется, что мы, люди, живущие на Западе, пытаемся спрятать все то плохое, что происходит в нашей обычной жизни. Это немного похоже на пример со стаканом крови,

который вы приводили. Мы боимся смерти, избегаем людей психически нездоровых и инвалидов, людей, которые вызывают у нас страх и чувство дискомфорта.

Далай-Лама: И в то же время по телевизору на Западе не увидишь ничего, кроме смерти, насилия, крови, увечий и убийств.

Фабьен: Это телевидение, а не настоящая жизнь.

Далай-Лама: Но это образ человечества.

Фабьен: Это не настоящая жизнь, а скорее окно. Когда вы идете на похороны, то тела не видите. Оно в гробу. Это очень похоже на то, как отец Сиддхарты изо всех сил старался скрыть от своего сына реальность, полную страданий.

В наши дни люди полагаются на транквилизаторы и антидепрессанты — вместо того чтобы попытаться справиться с волнующими их проблемами иными способами. Можно, скажем, прогуляться, поговорить со специалистом или друзьями, можно заняться физическими упражнениями или духовными практиками.

Сейчас люди просто принимают прозак⁴ или другие лекарства.

Далай-Лама: А что, эти лекарства понижают вашу чувствительность? Это транквилизаторы?

Фабьен: По-моему, когда человек принимает прозак, его уже не преследуют мысли о том, что в повседневной жизни у него все плохо. Таблетка притупляет его страдания. Что вы думаете о таких способах преодоления страха и страданий?

Далай-Лама: Постойте. То есть люди принимают эти таблетки, чтобы уменьшить свое чувство душевного дискомфорта, но в результате просто становятся менее чувствительными и менее тревожными? Это показывает, что большинство наших проблем — и внутри, и снаружи — возникает от нашего разума. Вот где источник нашего страха и душевных страданий.

Довольно глупо пробовать уменьшить страх путем притупления ума. Это на самом деле глупость! Разум — это уникальное явление, он есть только у человека. В самом разуме нет ничего плохого. Проблемы появляются, когда он направлен не в ту сторону. Страх, сомнение, ненависть и другие разрушительные эмоции — все это признаки ума, сбившегося с пути. Но зачем вредить самому уму? Есть и другие способы, чтобы уменьшить беспокойство и страх. Я думаю, что, чем больше внимания мы будем уделять настоящему состраданию, тем меньше пространства будет оставаться для страха. Давайте развивать в себе любовь и доброту. Возрастет наша уверенность в себе, внутри у нас будет больше душевного спокойствия.

Фабьен: Можете ли вы предложить какие-то простые техники для повседневной жизни?

Далай-Лама: Техники, которые подошли бы всем? Я не знаю. Спокойствие духа можно развить посредством практики и постоянного осознания происходящего. Здесь проблема

⁴ Прозак — самый популярный в США и других западных странах антидепрессант. — Прим.перев.

в том, чтобы приучить себя к постоянным тренировкам ума. На это нужно время. Как я уже говорил, современное поколение уже больно, ведь большую часть времени оно тратит на отрицательные эмоции. Вернуться назад во времени трудно. Умом люди, может, и понимают, что сострадание — это очень хорошо, но что они могут сделать, чтобы оно стало неотъемлемой частью их существа? Сколько времени на это понадобится? Уже много лет сидит в нас страх, сомнение и тревога. Общество, в котором мы живем, поддерживает то негативное, что есть в нашем разуме.

В детстве у людей есть больше возможностей для развития своих положительных качеств. Мы должны дать молодежи больше шансов для реализации тех неопределимых достоинств, что дает позитивный ум. Нужно поощрять ее в этом. Наряду с развитием интеллектуальной составляющей их личности, в них следует воспитывать и доброе сердце. Если ум и доброе сердце сочетаются — никаких проблем не существует.

Фабьен: Но как те люди, которые принимают прозак, могут помочь своим детям развивать ум и сострадание, когда они даже со своими проблемами справиться не могут?

Далай-Лама: Если без этого лекарства таких людей переполняет ненависть и насилие, то, может, им лучше быть слегка заторможенными, но безобидными. Все это можно поправить. Надежда есть.

Фабьен: Люди стремятся уйти от ответственности за свои действия. Такое отношение порождает чувство неудовлетворенности. Если мы хотя бы частично можем признать свою ответственность, это значит, что у нас есть право и средства для решения проблемы. Можно пробовать читать ваши книги, работы других духовных наставников и философов — но не могли бы вы рассказать, как нам научиться обретению мира внутри себя?

Далай-Лама: Для современного поколения решение находится в руках средств массовой информации. Если повысится уровень осознания и правдивая информация станет более доступной, мы сможем постичь свой собственный внутренний потенциал, не полагаясь на лекарства.

Человек — такое удивительное создание. И наш ум — это изумительное явление, если им верно управлять. Мой собственный опыт наводит меня на мысль, что все начинает меняться к лучшему. Сейчас я встречаю все больше бизнесменов, которые проявляют интерес к духовности. Ученые тоже сейчас более открыты к духовным вопросам, чем это было в прошедшем веке. Чем выше темпы развития науки и цивилизации, тем больше ученые видят предел своих возможностей. Следовательно, наука будет вынуждена обернуть свой взор на другие варианты развития.

Фабьен: На Западе люди стремятся найти «простые», внешние решения своих проблем. Мы думаем, что проще изменить внешний мир, чем что-то у себя внутри.

Далай-Лама: Именно так. Так устроено ваше общество. Посмотрите, как вы лечите болезни. У вас всегда виноваты эти маленькие микробы, ведь верно? Никто и никогда не думает о том, что это элементы нашего собственного тела создают условия, когда на нас воздействуют микробы извне. Если эти элементы — земля, воздух, вода, огонь и пространство — находятся в согласии и гармонии, то ни один незванный гость внутри нас не поселится. Вы на Западе слишком полагаетесь на внешние средства и совершенно забываете о своем собственном духовном потенциале.

Анна: Я думаю, что некоторые люди принимают лекарства и алкоголь оттого, что боятся своей внутренней силы и предпочитают заглушить ее в себе. Для них это лучше, чем столкнуться с бесконечным творческим потенциалом своего сознания, который они никогда не умели использовать.

Какова глубинная причина этого страха и беспокойства, от которого страдает так много людей?

Далай-Лама: Возможно, это проблема культуры.

Фабьен: Дело в том, что страдание существует и все хотят избежать его. Это не проблема культуры. Да, для многих западных людей истинно то, что все создано Богом и мы тоже Его творения. Но это не только способствует стремлению быть психологически зависимым от другого, но страдание становится труднообъяснимым, и еще труднее его принять. Вера в первородный грех и навязываемое культурой чувство вины еще более ухудшают положение дел.

Далай-Лама: С буддийской точки зрения у каждого существа есть татхагата-гарбха*, или природа будды. Все мы можем стать буддами. В нашей глубинной природе мы равны Будде. Наше добро и зло не зависят от внешних сущностей.

Однако в сфере материального развития люди дошли до того уровня, когда мы очень многим можем управлять простым нажатием кнопки. И при этом мы всецело зависим от материальных вещей, науки и технологий. Вдобавок к этому, ученые, уверяя, что все можно разрешить при помощи науки и технологий, породили какие-то ложные надежды. В основе этого нынешнего страха лежат многие факторы: религиозные представления, развитие науки, семейная жизнь, образование...

Далай-Лама: Будем надеяться, что наши последующие встречи дадут нам возможность обсудить эти вопросы более подробно.

Жизнь и смерть

Фабьен: Ваше Святейшество, я хотел бы вернуться к тем вопросам, которые мы подняли. Я размышлял о том, что сострадание — это часть нашей истинной природы. Для меня сострадание — это пустое пространство, которое дает возможность послать сообщение другому существу. Для меня сострадание всегда рядом, внутри нас...

Далай-Лама: А что вы имеете в виду, когда говорите: «Сострадание всегда рядом»?

Фабьен: Я хочу сказать, что сострадание — это часть человеческой природы. Его не нужно создавать.

Далай-Лама: Я не знаю. (Смеется.) Эта философия слишком для меня сложна. Сострадание — это часть нашего ума.

Фабьен: Да, оно здесь, внутри нас. Поэтому работа, которую нам нужно выполнить...

Далай-Лама: Нет, нет! Я не согласен! Природа будды — мы осторожно говорим «природа будды», а не «будда» — присуща нашей природе. Пробуждение — не присуще, но зерно, возможность просветления в нас есть. Мы можем сказать, что сострадание — это часть ума, имея в виду, что внутри нашего ума может родиться сострадание. Это не означает, что, поскольку мы наделены умом — в любом его состоянии, — у нас также есть и сострадание. Это неверно.

Зерно сострадания всегда присутствует внутри человека, но если в душе у вас клокочет ненависть, то сострадания там точно нет. В это время оно спит. Две противоположные мысли или эмоции не могут одновременно возникнуть в нашем мозгу. Когда работает одна мысль, другая бездействует. С точки зрения буддистов, спящая мысль не считается реально существующей.

Фабьен: Но если внутри себя мы создаем пустое пространство, то пробуждается все в нас спящее. Видимо, разгадка в том, чтобы расширить свой внутренний космос. Когда мы оставляем какую-то часть себя открытой, не родится ли тогда естественным образом сострадание?

Далай-Лама: Это возможно. Я полагаю, какое-то сострадание способны испытывать даже такие люди, как Гитлер, а он, казалось, был абсолютно бесчувственным. Судя по тому, что я читал, можно предположить, что, когда он проводил время со своей подружкой Евой или со своей немецкой овчаркой, он чувствовал себя хорошо, то есть был менее подозрителен, чем обычно, и позволял появиться внутри себя некоему подобию доверия. Это говорит о том, что Гитлер тоже обладал какими-то зачатками сострадания. Когда другой человек проявлял искреннюю заинтересованность в нем или восхищение, он чувствовал себя счастливым.

Фабьен: Следовательно, если нам удастся избавиться от негативных эмоций, которые не дают расцвести чувству сострадания, оно начнет расцветать само по себе, поскольку у него будет для этого какое-то пространство? Даже для нас, «потерянного поколения»?

Далай-Лама: Конечно. Между прочим, я тоже принадлежу к этому «потерянному поколению»!

Если мы попытаемся осознать свой собственный потенциал и ценность сострадания, тогда у нас как отдельных личностей, безусловно, будет возможность измениться. Что же касается мира в целом, я не уверен. На сегодня это представляется несколько сложным. Можно сказать, что в конце XX века, по сравнению с последними пятью десятилетиями, общая концепция человечества и его места в мире меняется очень быстро.

Фабьен: Известная мудрость гласит: для того чтобы стать лучше, человек должен испытать страдания. Вы согласны с этим?

Далай-Лама: Это совершенно не обязательно. Тем не менее верно, что люди, перенесшие страдания, становятся более зрелыми и терпимыми. Я думаю, что поколения, пережившие Вторую мировую войну и послевоенные годы, лучше приспособлены к тяготам жизни, чем люди более младшего возраста. Те лишь слышали о войне. Им не довелось испытать ее тяготы. Их жизнь была более ровной. Когда возникают даже малейшие трудности, они тотчас теряют самообладание и выходят из себя. В целом, они менее устойчивы, чем люди старшего поколения. Но это не значит, что вы должны страдать, чтобы стать хорошим человеком. С буддийской точки зрения — признает это человек или нет — страдание есть всегда. Об этом говорят Четыре благородные истины: все есть страдание; страдание порождается желанием; пресечение страдания есть нирвана*; к нирване ведет восьмеричный путь*.

Фабьен: Вы несколько раз упоминали о важности образования. В чем состоит ответственность родителей, когда речь идет об образовании их детей? Не является ли то время, которое родители проводят со своими детьми, более важным для их этического воспитания, чем время, которое дети проводят в школе? Что важнее, количество времени, которое мы проводим с детьми, или качество отношений?

Далай-Лама: Важны и время, и качество отношений. Всем на свете детям лучше всего было бы с удовольствием ходить в такие школы, программы которых строились бы на принципах любви и сострадания. К тому же дети имеют право на то, чтобы любовь окружала их и дома. Мы должны создать мир, в котором дети могли бы весь день находиться в благоприятной атмосфере. Этого нельзя достичь мгновенно, но мы должны работать в этом направлении. Если вы не можете найти школу, где были бы хорошие учителя и правильная атмосфера, то можно хотя бы попытаться создать теплую обстановку дома.

Фабьен: Что такое хорошее образование с тибетской точки зрения? Как вы организовываете светское образование в эмиграции? Я знаю, что раньше детей беженцев отправляли на обучение в разные страны, но потом вы приняли решение не посылать их за границу, а оставлять в своей тибетской общине.

Далай-Лама: Это не совсем верно. В начале шестидесятых мы давали разрешение на усыновление тибетских сирот семьями иностранцев, и несколько сотен детей усыновили швейцарцы. Мы прекратили эту практику и выдаем разрешения лишь в исключительных случаях. Но мы никогда не запрещали тибетским детям учиться за границей.

Фабьен: В каком возрасте тибетский ребенок может стать монахиней или монахом? Кто принимает решение — ребенок или родители?

Далай-Лама: В основном, родители, которые желают, чтобы их ребенок попал в монастырь. Обет послушника можно принимать в семилетнем возрасте, но полное посвящение в монахи бхикшу* принимают только после двадцати лет. Я думаю, нам следует заимствовать принципы, используемые в христианском монашестве, где перед тем, как принять монашеский постриг, кандидату разрешается созреть для этого решения. Мы должны увеличить «испытательный срок». Таким образом, наши молодые люди могли бы становиться монахами сознательно и по своему собственному выбору.

Что же касается наших задач в сфере образования, то у меня есть мечта. Последние тридцать лет в Индии мы старались давать тибетским детям и современное образование, и тибетское, с преподаванием буддийской философии и этики. Вначале мы думали, что будет правильно, если учить детей станут исключительно монахи и монахини. В первую группу учителей, которую мы подготовили в Кангре (Индия), входило тридцать монахов и две монахини. Впоследствии они разъехались в разные поселения беженцев по всей Индии. Сейчас почти никто из них уже не преподает, что показывает, как тяжело было воплотить эту идею в жизнь.

Мы ввели буддийские учения в школьное расписание, но у многих светских учителей не хватало знаний предмета, им было тяжело его преподавать. Даже учителя духовного звания не смогли выполнять эту работу так, как от них ожидалось. Они просто занимались тренировкой ума и не могли объяснить ученикам, как применять принципы сострадания и альтруизма в повседневной жизни. Эти принципы должны крепко засесть в голове — в буддийском смысле этого слова. Несмотря на это, я заметил, что хотя дети, получившие образование в тибетских школах, хуже говорят по-английски, чем их сверстники из школ-интернатов английского типа, но они лучше воспитаны.

В наших монастырских школах ученики изучают важнейшие буддийские тексты. Хотя похоже, что смысл этих текстов так же недоступен их уму, как и уму их учителей. У нас есть поговорка: «Кожу, затвердевшую от масла, нельзя маслом размягнуть». В Тибете масло хранят в сырых, недубленых шкурах. Кожа становится твердой, как камень, и, в отличие от других видов кожи, ее уже нельзя сделать мягкой, сколько жира на это ни трать. Иногда я думаю, что то же самое происходит и с нашими монастырскими школами. И все же я заметил, что дети, которым преподавали буддийские учения, более развиты, чем их ровесники, не знакомые с этими учениями. Это заметно даже по их манере ходить и разговаривать. Несмотря на это, нам еще многое предстоит сделать, прежде чем мы сможем полностью реализовать упомянутые мною педагогические воззрения.

Для формирования системы образования очень большое значение имеет также социальная среда. В наших тибетских школах в Индии мы обнаружили, что есть разница между детьми, живущими в интернатах, и теми, кто живет со своими приемными родителями, которые искренне заботятся об этих детях. Дети из второй группы чувствуют себя в большей безопасности, у них более спокойное душевное состояние.

Фабьен: Когда вы будете организовывать систему светского образования в свободном Тибете, религиозные учения по-прежнему будут входить в школьные программы?

Далай-Лама: По сути своей мы — буддийское сообщество, поэтому на данном этапе буддийские учения входят в программу наших школ. Однако в будущем у нас в Тибете должно быть чисто светское образование.

У нас много последователей религии бон (добуддийских религиозных традиций) и несколько мусульманских общин. Мы не можем требовать, чтобы они изучали только буддизм. Мы используем модель, которая действует в различных школах и университетах по всему миру. Некоторые предметы будут обязательными, а другие — факультативными.

Тем не менее я полагаю, что всем тибетским детям — монахам, монахиням и оставшимся в миру — принесет пользу изучение основ диалектической полемики. Это предмет, который преподают в буддийских монастырях. Там принято, чтобы после урока на философскую тему ученики обсуждали материал. Каждый ученик должен вначале обосновать одну точку зрения, а затем сменить ее и аргументировать противоположное мнение. Это оттачивает интеллект и развивает мышление. Такую практику мы ввели в некоторых наших школах в Индии. Приятно видеть, как маленькие девочки в школьных формах ведут ученые споры. Я просил ввести традицию таких дискуссий по всей мирской общине, но, к сожалению, это оказалось трудновыполнимо.

Фабьен: Интересно проследить ту роль, которую сыграли средства массовой информации и другие средства общественных коммуникаций в сфере образования и как они повлияли на атмосферу в семье. Во многих домах, будь то Америка или Индия, телевизор сейчас стал членом семьи. Что вы думаете о его присутствии рядом с человеком?

Далай-Лама: В этом нет ничего плохого. Опять-таки, это зависит от того, что вы смотрите. Телевизор полезен для сбора общей информации. Разумеется, есть исключения: люди, предпочитающие жить в горах, как некоторые христианские монахи, или те, кто всю жизнь посвящает духовным практикам. Им от телевизора очень мало проку. Я бывал в некоторых монастырях на юге Франции, где монахам не разрешается читать газеты. И буддийским отшельникам вся эта информация не нужна. Если не брать во внимание подобные случаи, я полагаю, что новости — необходимы. Программы, в подробностях демонстрирующие секс и насилие, или все эти фильмы, демонстрирующие, как обманывать или воровать, — это, конечно, плохо.

Но даже это во многом зависит от зрителя. Для людей с правильными воззрениями такие программы могут служить напоминанием о негативных сторонах человеческой природы. Когда такие люди увидят сцены убийств и насилия, они откликнутся и скажут: «Теперь мы должны что-то предпринять, чтобы остановить производство и продажу оружия». Для других, особенно для детей, такие передачи могут быть привлекательны, они воздействуют на них, становятся примером для подражания. Вот это действительно плохо.

Фабьен: Еще одна проблема — количество времени, которое дети проводят перед телевизором. Они могут сидеть перед ним до четырех часов в день. Чрезмерное количество ненужной информации негативно отражается на их способности к творчеству и их учебе. Кто несет ответственность за все те идиотские и вредные сведения, которыми телевизионные программы пичкают наших детей? Кто ответит за дурное влияние на детское сознание?

Далай-Лама: Ответственны все, кто имеет к этому отношение. По моему мнению, все, кто работает в средствах массовой информации, играют важную роль в формировании сознания нашего общества. Им крайне необходимо развивать в себе чувство ответственности — вместо того чтобы думать лишь о коммерческих интересах. На моих пресс-конференциях я часто говорю, как я ценю журналистов с их любопытными, как у слона, носами. В демократических странах они часто единственные, кто может выяснить,

что происходит на самом деле. Без них многие хитрецы обходили бы закон и натворили бы много бед.

Мне могут возразить: журналисты вмешиваются в личную жизнь людей. Но по моим ощущениям, искренний человек не должен делить свою жизнь на личную и общественную. Люди должны быть честны, и то, что мы говорим другим людям, мы должны относить и к себе. Не должно быть ничего, что нужно было бы скрывать. Если известные люди ведут двойную жизнь, то здесь что-то не так; В целом я поддерживаю точку зрения журналистов по этому поводу.

В то же время я очень критично отношусь к тому, как беспечно средства массовой информации привлекают излишнее внимание к определенным событиям и создают сенсации. Своим успехом они обязаны одной особенностью человеческой природы. Если газета пишет об убийстве, это вызывает шок, и такую информацию считают «новостью». Если же рассказывают о том, что милосердные люди опекают тысячу стариков, или пишут, что миллионы детей окружены любовью и заботой своих родителей, то все подумают: «Ну и что? Это же нормально. Где же здесь новость?»

И вот людям начинает казаться, что газеты и телевидение всегда рассказывают об убийствах» скандалах и катастрофах. В некотором смысле это отравляет наше сознание: у нас создается впечатление, будто человеческая природа безнадежно агрессивна и испорчена. Средства массовой информации должны более сбалансированно показывать наш мир. Было бы хорошо узнавать не только о том, насколько мощно проявляются наши негативные эмоции, но и то, насколько сильными и действенными могут быть наши добрые дела и помыслы.

Фабьен: Что вы скажете об Интернете? Там, используя лишь телефон и компьютер, человек может найти себе собеседника в любой точке земного шара и поговорить с ним на любую тему.

Далай-Лама: Я не очень хорошо разбираюсь в Интернете, но думаю, что он может быть очень полезным. Поскольку все мы люди и все имеем право на информацию. Главная проблема Интернета — используют его во зло или во благо.

Фабьен: Здесь есть еще такой аспект: Интернет уменьшает количество непосредственного человеческого общения, ведь средой обмена информацией становится компьютер, он замещает собой личное общение, человеческое прикосновение и обыкновенные письма.

Далай-Лама: Возможно, но даже когда такое общение и происходит, но при этом не появляется отклик, то ни о каких человеческих чувствах говорить не приходится.

Фабьен: Где лучше всего жить и заводить семью: в городах, пригородах или сельской местности?

Далай-Лама: Мм... Что поделаешь? Безусловно, города не являются нашей естественной средой обитания. Несмотря на все те удобства, которые дает нам современная городская жизнь, глубоко в душе мы крепко привязаны к растениям. Нам нравится держать их у себя дома, даже искусственные. Наши предки сильно нуждались в деревьях. Они давали людям огонь, из дерева изготавливали оружие и строили дома. Люди питались фруктами, украшали себя цветами, а листья использовали для изготовления одежды.

Растения имеют важное значение в нашей жизни, и я думаю, что в наших генах еще хранится память об этом. С этой точки зрения людям лучше жить не в крупных городах, а в небольших поселках, где они могли бы держать сад. Это, несомненно, помогло бы молодежи отыскать какие-то корни.

Фабьен: Корни. Нельзя говорить о корнях ребенка, не упомянув при этом о семье. Многие дети страдают от развода родителей.

Далай-Лама: Это реальная проблема, и она тесно связана с вопросом секса. Разумеется, нельзя обобщать. Всегда бывают исключительные ситуации, когда развод — это лучшее решение. Если это случай, где замешаны насилие или убийство, то, безусловно, для того, чтобы найти правильное, долгосрочное решение таких семейных проблем, семью лучше разделить.

Кажется, особенно часто разводы происходят в Америке. Я знал несколько семейных пар, у которых это было настоящим хобби. Они женились, обзаводились детьми, разводились, потом женились снова, у них опять были дети, после чего следовал очередной развод, и так далее. Должно быть, это очень сложно, даже с экономической точки зрения. Самое ужасное в том, что на душе у большинства детей, чьи родители развелись, на всю жизнь остаются шрамы. Похоже, что многие люди не осознают, насколько важен настоящий брак. Сумасшедшей любви здесь недостаточно. В настоящем браке любовь должна строиться не только на влечении, здесь должно быть и взаимопонимание, и подлинное уважение, истоки которого — в признании и понимании человеческих качеств друг друга. Тогда естественным образом родится чувство преданности и ответственности. Отношения, основанные на этих качествах, могут перерасти в по-настоящему счастливый брак, который, наверное, будет длиться многие годы, если не всю жизнь.

А теперь о сексе. С буддийской точки зрения секс — это естественное явление. Его главная цель, конечно же, размножение. Секс — это то, что роднит нас с животными. Они не так разумны, как мы, поэтому более легко и просто следуют законам природы. Ум заставляет людей — ха! — бросаться на поиски удовольствия ради удовольствия. Они не понимают, насколько оно временно, и сами создают себе сложности. Иногда их сексуальная жизнь становится несколько непомерной или извращенной, особенно на Западе, где так много «сексуальной свободы». Но не скажешь, что это делает нас очень уж свободными. Вы не находите, что некоторые стороны западного образа жизни в действительности пропагандируют секс? В самом сексе нет ничего плохого, но мне кажется, что это как со спиртными напитками: когда их пьешь слишком много, это становится проблемой. В своих обычных проявлениях секс — не проблема, но он, несомненно, становится источником трудностей и страданий, когда приобретает слишком сложные или крайние формы и когда людям недостает самодисциплины. Причиной тому — наша склонность к неудовлетворенности и созданная нами же среда с ее чрезмерной сексуальностью.

У меня были друзья с Запада, они иногда приезжали навестить меня здесь, в Дхарамсале. С ними произошла очень печальная история. Это была замечательная семья. И совсем недавно я узнал, что отец изнасиловал свою дочь. Родители развелись. А дочь получила такую душевную травму, что сейчас находится в психиатрической клинике. Вот такие ужасные примеры показывают, что хотя сам по себе секс — нормальное явление, но когда он выходит из-под контроля, то может стать причиной ужасных страданий. Я думаю, что в этой сфере крайне важно обладать как самодисциплиной, так и осознанностью.

Фабьен: Я не уверен, что сексуальные излишества или извращения — удачный пример наличия у человека разума.

Далай-Лама: Это порочная форма разума. Вот почему так важно говорить с детьми о сексе и объяснять им, что у чрезмерной сексуальности бывает много негативных последствий. Дети должны усвоить это как можно раньше.

У нас обсуждался вопрос о введении сексуального образования в тибетских школах. Он возник в связи с тем, что несколько девочек забеременели. Высказывались мнения, что если рассказывать детям о сексе, то проблемы только усугубятся. Об этом очень сложно судить. Некоторые молодые люди ничего не знают о сексе, но втайне им занимаются, причем с весьма нежелательными последствиями. С другой стороны, если во всеуслышание рассказывать о пользовании презервативами, то они стали бы более осторожными, хотя и более сексуально активными, чем они были до этого.

Фабьен: А что вы говорите молодым тибетцам о презервативах и сексе?

Далай-Лама: Я считаю, что планирование семьи и контроль над рождаемостью имеют очень большое значение. Что же касается системы контроля рождаемости, которую мы выберем, то здесь нужно очень тщательно все обдумать и принять ненасильственную систему. Если женщина принимает таблетку, изгоняющую яйцеклетку после того, как произошло зачатие, то это — убийство.

Фабьен: Это сложно, поскольку действие различных контрацептивных средств, имеющихся в распоряжении женщин, большинству людей неизвестно. В каких случаях оправдан аборт?

Далай-Лама: С буддийской точки зрения, лишь в очень редких и исключительных случаях или когда жизнь матери находится под угрозой.

Анна: А если женщина забеременела после изнасилования?

Далай-Лама: Сложно сказать. Изнасилование — это вид сексуального преступления. Оно всегда вызывает огромные страдания. Это очень сложная ситуация. Потом рождается нежеланный ребенок. Что делать?

Фабьен: Если аборт — это вопрос совести, то кто принимает решение? В чьих руках жизнь ребенка — матери, отца, врача или государства?

Далай-Лама: Я думаю, что первое право голоса нужно предоставить матери. У нее больше прав решать, чем у кого бы то ни было, ведь это ей придется девять месяцев вынашивать ребенка. Отец не настолько много сделал, не правда ли? Мать девять месяцев вынашивает ребенка, рождает его, кормит его своим молоком.

Анна: Несмотря на то, что существуют другие способы предотвращения нежелательной беременности, некоторые женщины делают аборт много раз, а это очень жестокий и травматический путь решения проблемы. Сейчас люди начинают понимать, насколько травматичным может быть аборт. Мне кажется, что женщины, выбирающие аборт, просто не знают всех последствий этой операции и для себя, и для своего нерожденного ребенка.

Далай-Лама: Да, как буддист, я должен сказать, что аборт — это плохо. Но решать самому человеку. Мать, делающая аборт, должна знать, что совершает дурной поступок, но мы не можем ее за это наказывать. Это ее личное право.

Анна: То есть вы говорите, что у женщины есть право на убийство, тогда как для всех остальных убийство — это преступление?

Далай-Лама: Все это очень сложно! Я думаю, логика здесь такова. Если существует благая цель и искренний, чистый мотив, то в этом случае даже убийство допустимо. Буддийское учение говорит о том, что в некоторых обстоятельствах насилие позволительно. Такие примеры можно найти в жизнеописании Будды.

Давайте возьмем пример с семьей, где мать ожидает ребенка, у которого большие проблемы с развитием. Здесь нужно рассмотреть различные аспекты: трудности, с которыми придется столкнуться ребенку, его способность или неспособность к духовному развитию, проблемы, которые встанут перед родителями, особенно если появление ребенка станет основным препятствием для их развития и занятий духовными практиками. Если убийство живого существа происходит из сострадания, если это действие вызвано заботой о нем и сопровождается молитвами о его лучшем воплощении в будущем, тогда негативный поступок сочетается с оправдывающей его мотивацией и все вовлеченные в происходящее смогут продолжить свое движение к правильной цели.

И наоборот, если для того, чтобы избежать убийства, мы совершаем поступки, которые приведут к многочисленным негативным последствиям, отражающимся на нашем духовном развитии, то в итоге все может сложиться еще хуже. Если аборт выбирают из-за материальных проблем или других внешних причин, то с таким решением мириться очень сложно.

Скажем более обобщенно. К примеру, человек лежит в коме, и, чтобы он смог дышать, его подключают к каким-то аппаратам. При этом нет никакой надежды на выздоровление. Я думаю, что лучше этот аппарат отключить, особенно когда это дорого стоит, а родные пострадавшего находятся в стесненном материальном положении. Неважно, богат человек или беден, но если мозг больше не функционирует и жизнь в человеке поддерживают искусственно, то какой в этом смысл? Семье было бы лучше потратить эти деньги на благотворительный проект в сфере образования или медицины. Главное здесь — иметь правильную мотивацию.

Фабьен: Необходим тщательный анализ проблемы абортов и убийства из милосердия, или эвтаназии, чтобы принимаемые нами законы не вступали в противоречие с нашими внутренними этическими законами. В законе может быть сказано, что в аборте нет ничего предосудительного, но в глубине души многие люди чувствуют, что это — плохо. В некоторых странах закон разрешает убийство из милосердия, тогда как в других это строго запрещено. Как мы сможем создать универсальные законы о праве на жизнь и на смерть?

Далай-Лама: Что касается абортов и убийства из милосердия, то это достаточно просто. В общем, я думаю, что и того, и другого следует избегать. Если все это легализовать, то необходима хотя бы открытая дискуссия. Если же законом такие действия признаются нелегальными, то при рассмотрении подобных дел даже в исключительных случаях нельзя надеяться на сострадание. Это сложные социальные и этические вопросы.

Фабьен: Из всего сказанного вами создается впечатление, что существуют важные кармические и духовные связи между членами одной семьи. Если знать, что наши отношения обусловлены тем, что мы совершали в прошлых жизнях, то становится гораздо проще справиться с различными проблемами в семье. Это позволяет избежать многих проявлений гнева, жестокости и чувства обиды. Однако меня беспокоит, когда люди снимают с себя ответственность, повторяя: «Это карма». Я думаю, что все как раз наоборот. Вера в то, что каждое наше действие порождает последствия, может лишь увеличить наше чувство ответственности. Буддийские воззрения о перерождении делают эту жизнь более, а не менее ценной. Если бы я в это не верил, то у меня не было бы ключей для понимания своей жизни, никаких подсказок, как правильно поступать в сложных ситуациях,

Далай-Лама: Это ведомо лишь Господу.

Фабьен: Что?

Далай-Лама: Бог знает причину. (Смеется.)

Фабьен: Но я не знаю, так что это не помогает.

Далай-Лама: Те, кто верит в Бога, признают, что Его пути неисповедимы. Веруя в это, они таким образом получают некое утешение. Они могут подумать: «Положение дел ужасно, но в этом, должно быть, есть какой-то Божественный замысел». Тогда их страдания имеют какое-то значение. Это просто другой взгляд на вещи.

Фабьен: Но теория перерождений не предназначена для того, чтобы давать утешение. Это способ сделать людей более ответственными.

Далай-Лама: Я имел в виду следующее: если человек признает существование Создателя, то эта точка зрения позволяет ему также принять различные возникающие в его жизни ситуации. Столкнуться с трагедией — это всегда нелегко. На обычном уровне вы себя чувствуете очень плохо, но при этом можете верить, что даже страдание придумано Господом.

Анна: А не рискуем ли мы сознательно или бессознательно почувствовать себя жертвами, вынужденными принять ситуацию оттого, что она послана Господом? Вера в карму дает нам большее чувство нашей собственной ответственности. Если со мной что-то случается, то это потому, что я совершил нечто, приведшее к такому результату. Если я в ответе за причину, то я же и в силах изменить положение дел.

Далай-Лама: Верно. Для буддистов и некоторых индуистов, которые верят в карму, все объясняется именно так. Вам не нужно объяснять это мне!

Фабьен: Мы знаем, что вы это знаете, но я полагаю, что об этом полезно упомянуть.

Далай-Лама: **Фабьен**, книга, которая получится из всех этих бесед, предназначена для широкой аудитории. Вы не можете это утверждать.

Фабьен: Могу! Кто-то как-то сказал, что лучше прожить всего три дня с верой в реинкарнацию, чем целых три жизни, не веря в нее. Вера в карму — это просто другой взгляд на вещи. Мое мнение по этому вопросу основано не только на буддизме. Как

бизнесмен, я верю, что мои действия приведут к неким результатам. Эта система кажется очень разумной.

Далай-Лама: Но это ваш личный, индивидуальный опыт.

Фабьен: Да, но я, в любом случае, могу быть примером, не более того. Я знаю, что во время наших бесед вы в основном были склонны защищать христиан. Можно, выступить на стороне буддистов попробую я?

Далай-Лама: Ха-ха-ха! Это хорошая сделка! Ну ладно, теория перерождений может расширить наше восприятие, однако, по моим ощущениям, гораздо большее значение имеет буддийская концепция, которая рассматривает все человечество и другие живые существа как индивидуальности, которые были, есть или будут нашей матерью; это то, что мы называем «все живые существа — матери». Разумеется, поскольку я буддист, моя точка зрения несколько предвзята. Однако я считаю, что, когда эти слова просто звучат и их слышат, уже это рождает большую открытость. Думать только о людях — несколько суженный подход. Если считать, что все живые существа во Вселенной когда-то были нашей матерью, это открывает широкий простор для сострадания.

Но, пожалуйста, поймите меня. Я не хотел бы, чтобы создавалось впечатление, будто мы пытаемся, более или менее искусно, впечатать в сознание людей какие-то буддийские догмы. Мы решили, что в нашей дискуссии будем опираться на светскую мораль, рассуждать как обыкновенные люди, в соответствии со свойственными всем нам чувствами. При обсуждении сострадания и других подобных понятий следует использовать подобные же принципы. По своей сути они не должны иметь ничего общего с религией.

Фабьен: Вы абсолютно правы. Изменения должны начаться не с умозаключений, построенных на сложных религиозных концепциях. Но что можно считать «правильной жизнью» не в узко буддийском понимании, а с более общей точки зрения?

Далай-Лама: Если оставить за скобками буддийские воззрения, я считаю, что все поступки, которые в итоге приносят счастье, — правильные, а те, что в конечном счете рождают боль, — плохие. Боль — это грань между правильным и неправильным. Хорошее и плохое можно измерить нашим опытом страданий и счастья. Но это означает, что мы должны внимательно наблюдать и размышлять. Давайте не путать временное удовольствие с вечным счастьем. Из-за нескольких мимолетных мгновений удовольствия многие люди попадали в тюрьму, не так ли?

Фабьен: Здесь мы подошли к еще одному важному вопросу: о тюрьмах. Если человек поскользнулся и сломал ногу, его забирают в больницу, где и лечат, пока он не поправится. Но когда люди совершают преступления против морали или какие-то другие незаконные действия, их сажают в тюрьму, где никто не пытается им помочь. Заключение редко получают медицинскую или психологическую помощь. За стенами тюрьмы заканчиваются многие жизни. Разве общество не обязано прилагать усилия по излечению морально ущербных людей до или даже после того, как они становятся правонарушителями?

Далай-Лама: Есть люди, которые создают различные движения и организации, занимающиеся этой проблемой. Меня как-то приглашали в тюрьму Тихар в Дели: я хотел посмотреть, какие там условия содержания и психологическая атмосфера. Но в последний момент министр внутренних дел отменил приглашение. Я предполагаю, что они просто не были готовы меня принять. Еще я встречался с американцами, которые занимаются

проблемами заключенных. Эти люди, как и директор тюрьмы в Дели, говорили мне, что заключенных очень поддерживают слова о том, что они заслуживают внимания, что они не должны чувствовать себя отвергнутыми обществом, и что они не безнадежны. Мы должны способствовать распространению идеи о том, что люди могут меняться, и мы готовы помочь им в этом. Это может повлиять на отношения заключенных и послужит им стимулом к изменениям. В некоторых случаях они обучают заключенных коротким молитвам или медитациям. Несомненно, это очень полезно.

Фабьен: Существует много некоммерческих организаций, которые пытаются помогать заключенным, но, может, социальная интеграция тюрем — это скорее забота правительства? Почему мы всегда должны подталкивать наши правительства к действию?

Далай-Лама: Я больше доверяю людям. Правительства постоянно меняются.

Фабьен: Что вы думаете о смертной казни?

Далай-Лама: Это ужасно! У смертной казни есть две задачи: утратить и наказать. На днях по ВВС показывали передачу о восьмидесятичетырехлетнем старике, живет он в Англии, но приехал туда из России. Много лет назад его преследовали нацисты, а теперь он пытается привлечь их к суду. Это обычная месть. Уже нет никаких причин, почему этих людей следовало бы бояться. И те, кто хотят привлечь их к ответственности, на деле жаждут насладиться местью. Это совершенно не нужно.

Фабьен: Тогда как вы предлагаете поступать с теми, кто имел отношение к Холокосту или убийству сотен людей в Чили, Камбодже или Советском Союзе при Сталине, даже если все эти события происходили десятки лет назад?

Далай-Лама: Простить. Не забыть, но простить. То, что совершили эти люди, — отвратительно, ужасно, заслуживает всяческого осуждения, но все это уже в прошлом. В конечном счете все люди заслуживают сострадания и, когда необходимо, — прощения.

Я совершенно не уверен, что смертная казнь имеет хоть какой-то смысл, даже в качестве превентивной меры. Если молодой человек стал преступником оттого, что ему недоставало любви и привязанности, то ненависть здесь ничего не исправит. Если бы в природе существовал молодой преступник, о котором Мы бы совершенно точно знали, что он никогда не изменится к лучшему, даже после применения духовных практик, медитации или других средств; если бы мы были полностью уверены, что если он останется в живых, то лишь снова будет убивать людей, — тогда, наверно, можно было бы рассмотреть возможность применения смертной казни. Но я все же не могу поверить, что этот вид наказания может что-то предотвратить. Должны быть иные средства.

Я полагаю, что тюрьмы необходимы. Просто нужно, чтобы изменилось отношение общества к заключенным. Оно должно стать более мягким, нельзя отвергать или делать изгоями людей, которые сидят в тюрьме или сидели в ней в прошлом.

Фабьен: Но мелкие правонарушения обычно совершают подростки, чье первое «преступление» нередко — не более чем незначительный проступок. И когда этих молодых людей сажают в тюрьму вместе с закоренелыми преступниками, это не идет им на пользу. Я думаю, что было бы более правильно привлекать их к общественным работам — это лучше, чем просто сидеть в тюремной камере в окружении других несчастных и озлобленных людей.

Далай-Лама: Несомненно. Если вина молодого человека незначительна — ее можно искупить, но, посадив его в тюрьму, можно оставить всякую надежду на его возвращение в нормальное общество. В этом случае общественные работы определенно могут стать лучшим решением.

Фабьен: А теперь я хотел бы поговорить о спорте.

Далай-Лама: О спорте? О, я в этом крупный специалист. Каждый раз — ноль очков.

Фабьен: Как вы думаете, спорт может заменить собой войны?

Далай-Лама: В некотором смысле да. Он занимает ум и душу человека. Но при этом спортивные хулиганы творят много маленьких войн!

Фабьен: На больших стадионах можно увидеть одновременно до ста тысяч людей, которые прыгают и орут, чтобы поддержать пару дюжин мужчин, бегающих по полю. С одной стороны, это хороший способ сбросить напряжение и выразить свои эмоции; но с другой — наша страсть к спорту часто напоминает невроз, который лишь усиливает соперничество и негативность.

Далай-Лама: Все это так, но я предпочитаю рассматривать спорт как еще одну сферу, где люди могут использовать свой ум и творческие способности.

Фабьен: А что вы скажете о музыке?

Далай-Лама: Человеческие эмоции выражаются не только через мысль, но и другими средствами, например голосом и звуком. Я думаю, что любая музыка, пение или инструментальные жанры воздействуют на наши эмоции. Музыканты всего мира используют эти знания. Громкие, беспокойные звуки вызывают чувство страха или гнева, а мелодичная, нежная музыка успокаивает. Чтение и пение мантр* — это разные вещи. Пение гораздо сильнее воздействует на чувства. Слова, их смысл — те же, но мелодия глубже соединяет нас с ними, особенно во время религиозных молитв.

Фабьен: В Тибете искусство, музыка и литература служили духовным нуждам. Я слышал, что тибетские художники не имели права изменять традиционный стиль и изобретать что-то новое, поскольку все пропорции изображений были священны и неизменны. Что вы скажете об искусстве в Тибете будущего?

Далай-Лама: Инертность тибетского искусства была вызвана главным образом недостатком инициативы и творчества. К примеру, в случае с пятым Далай-Ла-мой⁵, по моему, нельзя говорить о творчестве. Я при слове «творчество» вспоминаю современных художников, которые придумывают нечто совершенно новое, а затем выражают это. А видения пятого Далай-Ламы относятся к совершенно иным сферам. Во-первых, эти видения появлялись у него перед глазами. Он мог ясно видеть некоторых великих лам, какие-то долины, отдельные инструменты и объекты. Затем он описывал свои видения

⁵ Пятый Далай-Лама Агванлобсан-джамцо (1617-1682). При нем Тибет стал единым теократическим государством, возник институт Панчен-Лам — вторых после Далай-Лам иерархов тибетского буддизма. Прим.перев.

своему художнику или мог нарисовать их сам, но в результате получалось достоверное изображение того, что он видел. Разве это можно назвать творчеством?

Я бы не рискнул проводить параллели между мистическим опытом и творчеством. Художник рисовал лицо разгневанного божества так, как это описывал пятый Далай-Лама. Со временем родилась традиция. Это не творчество. Но тибетская история отмечена и деятельностью великих художников, которые демонстрировали примеры поразительной творческой одаренности при создании новых стилей и способов письма. У нас были великие мастера, к примеру, в школе карма-гадри, и художники, которые, используя удивительные краски и техники, усовершенствовали стили лангбум и петри.

В будущем я вижу два пути сохранения тибетского искусства. Один из них — тщательное подражание старым мастерам, а другой — использование существующих техник для создания новых средств выразительности, соответствующих реалиям современной жизни. Я полагаю, что нужно развивать новые стили, о чем и сказал моему народу. Кстати, не так давно здесь, в Дхарамсале, прошла выставка художников из Тибета. Некоторые их работы были посвящены Дхарме, но другие скорее относились к современному искусству.

Фабьен: Все эти вопросы касаются человеческой среды обитания — и физической, и духовной, того, как люди формируют ее и живут в ней. В связи с этим я хотел бы спросить вас о здоровье. От чего, согласно канонам тибетской медицины, больше зависит здоровье: от психических или физических факторов?

Далай-Лама: Они имеют равноценное значение. Проблемы нашего физического тела отражаются на ясности ума. Часто с телом все в порядке, но мы заболеваем, и вызвано это нашими психическими или эмоциональными переживаниями.

Фабьен: Что лежит в основе хорошего здоровья?

Далай-Лама: Человеческое тело состоит из элементов, о которых я уже упоминал: воздух, огонь, земля, вода и пространство. По самой своей природе эти элементы вступают друг с другом в конфликт. Огонь — горячий, вода — холодная, земля — плотная, а воздух невесом. Все это противоположности. Если бы они не конфликтовали, то не было бы движения вперед. Нечто подобное происходит в нашей тибетской системе философских дискуссий, поскольку она провоцирует столкновение противоречий. В результате может родиться истинное знание или мудрость. Без противоречий не было бы дальнейшего развития. Человека можно считать здоровым, когда эти конфликтующие элементы, составляющие наше тело, находятся в состоянии баланса. Даже если в наше тело проникают посторонние микроорганизмы или вирусы, пока внутренние элементы пребывают в гармонии, наша иммунная система будет работать четко. Тело обладает естественной способностью отражать атаку извне. Но если гармония среди элементов нарушена, то внешние агрессоры находят лазейку для вторжения в наш организм.

Фабьен: Какой медицинской системе вы бы доверили свое здоровье?

Далай-Лама: Я всегда считал, что холистические медицинские системы, рассматривающие в единстве тело человека, его душу и окружение, более эффективны, чем медицина, разделяющая эти элементы, особенно если речь идет о длительных или хронических заболеваниях. После того как я многие годы с успехом испытывал эту систему на себе, у меня появилась огромная, почти слепая вера в эффективность тибетской медицины. Я очень скептически отношусь к аллопатической медицине, хоть и признаю, что

она великолепно помогает в срочных случаях. К примеру, когда у меня поднимается высокая температура, то, безусловно, я охотно приму аллопатическое лекарство, скажем аспирин.

Фабьен: Следовательно, по-вашему, для быстрого облегчения состояния больного аллопатические лекарства действенны, но вы не верите в них, если речь идет о восстановлении глубинного баланса в организме на длительное время?

Далай-Лама: Именно так. В таких случаях я предпочитаю тибетскую медицину. Она на самом деле помогает. Это немного сложно, в том смысле, что лекарства нужно принимать по многу месяцев, их дозы и состав довольно часто нужно заново подбирать в зависимости от реакции на них организма. Но это и вправду эффективно для поддержания гармонии между элементами.

Фабьен: Как вы считаете, принесло бы пользу, если бы различные системы медицины сотрудничали между собой и делились своими знаниями?

Далай-Лама: Да, несомненно. В частности, я полагаю, что сотрудничать должны китайская и тибетская медицины, афганская система Унаниб и индийская Аюрведа.

Фабьен: А как насчет африканских медицинских систем?

Далай-Лама: Я думаю, мы должны различать две разновидности традиционной медицины: системы, основанные на фундаментальных письменных источниках с объяснениями и комментариями, — это китайская, тибетская и аюрведическая медицина, и с другой стороны — народная медицина, это те знания, которые из поколения в поколение передавались устным путем. К примеру, моя мама знала много рецептов снадобий, широко распространенных среди тибетцев, выросших в Тибете и знакомых с буддийскими традициями. Подобная народная мудрость — это знания совсем иного свойства, чем те, которые требуются от тибетских врачей, ведь они около двенадцати лет постигают науку в специальных учебных заведениях.

У многих африканских племен не существовало письменности, поэтому их знания, какими бы обширными они ни были, основаны лишь на устной традиции. То же касается и их познаний в медицине. Они, безусловно, действенны, но их нельзя поставить вровень со знаниями, основанными на письменных источниках.

Тибетская традиция, в основе которой лежит буддизм с его пятью науками (среди них медицина, логика и философия), способен на равных вести диалог с современной наукой. Я считаю, что благодаря такому взаимодействию мы сможем сохранить тибетскую культуру и при этом приумножить наши научные знания. Устные традиции, как у американских индейцев или африканцев, существуют на совершенно ином уровне.

Фабьен: Какой совет вы бы дали врачам, медсестрам и другим людям, которые работают с больными?

⁶ Унани — медицинская система, традиционно развивавшаяся в мусульманских странах. Сходна с Аюрведой. настоящее время распространена в Азии, особенно в Индии. — Прим. перев.

Далай-Лама: Я считаю, что это самые важные профессии на Земле. Эти люди делают для человечества очень большое дело. К ним приходят со своей болью, в отчаянии, с проблемами, которые люди не в состоянии решить сами, и возлагают на врачей и медсестер огромные надежды. Большинство людей, работающих в медицине, по-настоящему преданы своей работе. Следовательно, чем лучше они осознают, насколько зависят от них пациенты, тем большей силой исцеления будут обладать. Тогда врач будет думать: «Эти люди пришли к нам с такой надеждой, они столько от нас ожидают! Даже если я просто улыбнусь, им станет хорошо и уютно. Одно доброе слово — и все может измениться, даже если положение и в самом деле безнадежно».

Безусловно, врачу важно быть правдивым, но это не значит, что при этом он может забыть о деликатности, проявить бесчувственность или даже быть слишком откровенным. Когда меня осматривает врач, который при этом улыбается и по-настоящему принимает во мне участие, я чувствую, что он мне и вправду поможет. Я сталкивался с врачами, у которых были сложные приборы, но отсутствовали какие-либо человеческие чувства. От этого мне становилось не по себе. Может, они и были большими профессионалами, но у меня доверия не вызвали.

Фабьен: Смерть — это тоже нелегко; и для умирающего, и для его родных, и для врачей. Сейчас существует много организаций, которые учат обычных людей и профессионалов общаться с умирающими пациентами, используя при этом поглаживания, прикосновения и другие методы. Это очень полезно. Раньше считалось, что лишь священнику дозволено помогать человеку в последние мгновения его жизни. Но в наши дни священников стало меньше, а люди менее религиозны, поэтому понадобилось заполнить этот пробел. Что вы думаете по этому поводу?

Далай-Лама: Об этом написано в книге Согьяла Ринпоче «Тибетская книга о жизни и смерти». На человеческом уровне, вне всякого религиозного контекста, я считаю, что умирающему, конечно же, приятно видеть около себя друзей, которые сочувствуют ему и разделяют с ним эти печальные мгновения его жизни. Умирающий чувствует себя менее одиноким. Он по-прежнему знает, что умирает, но все же чувствует себя счастливее. Представьте себе, что другой человек, тоже умирающий, лежит один и дверь в его палату закрыта. Как же ему, наверное, плохо!

Фабьен: Почему нам так сложно смотреть в глаза смерти? Почему мы отказываемся принять эту основополагающую реальность жизни?

Далай-Лама: Всегда лучше, когда и умирающий, и тот, кто остается жить, принимают неизбежность смерти. Но как бы то ни было, мы должны стараться, чтобы последние дни и минуты жизни были наполнены миром и любовью. Один из моих друзей, депутат и монах из монастыря Ганден, два дня назад пришел ко мне в гости. У него неизлечимая форма рака желудка. Теперь, когда поставлен точный диагноз, он решил, что надежды уже не осталось и настало время уходить. Когда мы встретились, он даже не был огорчен. Я сказал ему:

— Хорошо, если ты выздоровеешь. Но если умрешь — это тоже хорошо. Теперь настало время подумать о твоей следующей жизни.

Я даже шутил с ним. Этот человек не только крупный ученый, он еще и хороший монах и великолепный мастер песнопений; у него чудесный голос. Поэтому я предложил ему:

— Пока ты не достигнешь состояния будды, ты должен быть мастером песнопений, а еще геше* (тибетский эквивалент доктора философии) и хорошим монахом.

Он мне это обещал.

Конечно, мы оба чувствовали, что его уход близок и неизбежен, но, несмотря на это, он был счастлив. Я не заметил ни тени печали на его лице. К этому привела практика Дхармы, вера в перерождение и то, что своей целью он поставил достижение буддовости. Есть ли истина в этих воззрениях или нет, но они оказывают большую психологическую помощь. Представьте, насколько сложно должно быть человеку, который не верит в перерождения, а думает, что его единственная жизнь вот в эту секунду подходит к своему завершению. А что потом? Ничего. Не на что опереться, не во что верить. Это, должно быть, ужасно. Если человек верит в Бога, то сохраняется хоть какая-то надежда.

На пороге смерти лучший прощальный подарок — это спокойное, умиротворенное состояние духа. Если врачи будут об этом знать, то их понимание смерти станет более широким. Врачи должны хорошо осознавать, что в этот особый момент своей жизни люди очень зависят от них, поэтому в их действиях должно быть больше чувства ответственности и сострадания. Тогда все может быть совершенно по-другому. Помогать людям в моменты их рождения и смерти — это одна из самых неопределимых услуг, которые мы можем оказать человечеству.

Правда, на Западе люди в большинстве своем избегают думать об умирании и смерти. Делают ли они это, чтобы уберечь свое счастье? Я думаю, это ошибка. Каждый раз, когда происходит событие, воспринимаемое ими как неприятность, они чувствуют тревогу. Но, безусловно, гораздо правильнее научиться это событие принимать, обдумывать его, встречать его открыто, проживать его. Чем больше мы думаем о старости и смерти, тем больше воспринимаем их как естественное явление. В них нет ничего чрезвычайного. Если мы подготовим себя таким образом, то, когда это случится с нами на самом деле, работа по приятию этих событий как совершенно естественной части нашей жизни будет уже проделана. Мы просто подумаем: «Сейчас наступает время, когда моя жизнь подходит к своему завершению». Я думаю, что это отношение более правильное.

Фабьен: А как же в таком случае дети?

Далай-Лама: Сложно сказать. Когда дети еще малы, им нет семи-восьми лет, у них еще не закончилось формирование способности рассуждать, и непосредственное столкновение со смертью может их шокировать. Мне кажется, что в этом возрасте лучше избегать любых травмирующих впечатлений.

Когда я еще жил в Тибете, мы с моим самым младшим братом Тензином Чогьялом и нашей матерью часто гуляли в Норбулинге, это летний дворец в Лхасе. Там в саду стоял один флигель с великолепным собранием книг, тринадцатый Далай-Лама часто удалялся туда для медитаций. В один из дней на веранде этого флигеля появилось чучело тигра, которое привезли из Индии. Когда мой маленький брат его увидел, он настолько испугался, что потерял сознание. С того дня он отказывался подходить к веранде. Уговаривать его было бесполезно: мы говорили, что это ненастоящий тигр и он не сделает ему ничего плохого. Но если ребенок пережил потрясение, то логические доводы уже не помогают.

Фабьен: Дети на Западе постоянно видят смерть по телевидению. Правда, это не то же самое, что находиться рядом с покойником: такое переживание может стать шоковым.

Здесь многое зависит от атмосферы в семье. Если ребенок видел, как стареет, а потом умирает его дедушка, то он может принять смерть как естественное явление. Ему можно будет объяснить, что такое смерть, смысл молитвы, разницу между телом и духом.

Далай-Лама: Я все же был бы с этим крайне осторожен и по возможности уберег детей младше восьми лет от зрелища смерти. В старшем возрасте меняется их образ мышления, и потрясение уже не такое сильное.

Фабьен: Последний вопрос о здоровье и отношении к смерти. Как вы считаете, ежедневные занятия йогой или медитацией могут улучшить здоровье и подготовить нас к смерти?

Далай-Лама: Многие люди меня об этом спрашивали. Интересно. Душевное спокойствие, бесспорно, улучшает состояние здоровья, но вот медитация для большинства людей означает лишь состояние, когда они ни о чем не думают, просто расслабляются, при этом любые мысли у них отсутствуют. Это немного помогает поддержать душевное спокойствие, сделать его более глубоким и длительным. По крайней мере, во время медитации утихают все волнения рассудка. По-видимому, она помогает, но это лишь средство. Главная цель — истинное душевное спокойствие.

Я считаю, что наиболее эффективный способ достижения душевного спокойствия — это аналитическая медитация. Мы уже упоминали некоторые ее аспекты, в частности размышления о смерти и принятие ее как части нашей жизни. Если бы мы помимо этого глубоко обдумали и обрели знания о таких явлениях, как перерождение, буддовость и природа сансары* (временного непросветленного существования), то смерть стала бы не более чем сменой одежд. Все эти виды медитаций — средства для исследования реальности. Когда внутри нас прорастает истинное осознание этих явлений, то исчезают причины для волнений.

Фабьен: Является ли смерть самым важным мгновением в жизни человека? Вы говорили, что рождение и смерть наиболее значимы для нас, но в момент рождения мы мало что осознаем, тогда как в мгновение смерти, или сразу после нее, мы на это способны...

Далай-Лама: После смерти вы также не в состоянии что-либо помнить.

Фабьен: Я надеялся, что там тоже может быть какое-то сознание.

Далай-Лама: Да, во время смерти из-за этого сознания человек испытывает больше беспокойства и боли. Как считают те, кто признает перерождение, момент смерти крайне важен. Это последние мгновения подготовки к нашей последующей жизни. Следовательно, мы должны развивать в себе положительное отношение, в основе которого будет душевное спокойствие в мгновения смерти.

В буддизме принято ежедневно напоминать том, что смерть существует. Кроме того, это подготовка к самому процессу смерти. Все практики йоги божеств* содержат в себе разделы, которые занимаются процессом смерти. «Восемь ступеней» такой практики связаны с растворением основных внутренних элементов: земли, воды, огня, воздуха и пространства. Эти элементы содержат в себе еще три аспекта, вместе получается восемь. На последнем этапе смерти сознание, хотя еще и присутствует, становится полностью независимым от тела. Сознание сохраняется на первых четырех этапах; а затем мы

переходим на уровень вне пределов сознания, на котором происходит переход через последующие три этапа.

У тибетских буддистов существует ритуал пова*, практика переноса сознания, он устраняет все эти этапы. Пока сохраняется сознание, мы должны стараться думать о пустоте и бодхичитте, а еще помнить о гуру, Будде, Дхарме и Сангхе, чтобы в последние мгновения этой жизни мы находились в благом душевном состоянии. Это сразу же принесет свои плоды — последующее перерождение будет хорошим.

Смерть важна еще с одной точки зрения. Рождение — это результат наших предыдущих жизней. Нравится нам это или нет, но уже слишком поздно. Наше перерождение не от нас зависит. Будь вы девочкой, мальчиком, европейцем, тибетцем или индусом — ситуация уже созрела. Да, я слышал, что сейчас можно изменить пол, но я не вижу в этом смысла. Даже если мужчина станет женщиной, он ведь не сможет забеременеть.

Фабьен: Пока что нет.

Далай-Лама: Именно так, пока что. Вскоре к длинному списку наших забот мы сможем добавить и эту, но мы все же будем не в силах изменить общее положение дел с нашим перерождением, тогда как в момент смерти возможность выбрать ваше следующее воплощение все еще находится в ваших руках. Вот почему эти мгновения так важны. К сожалению, не в нашей власти остановить время.

Разум и чудеса

Фабьен: О Тибете и тибетских учителях в изгнании можно услышать невероятные истории. При слове «Тибет» на ум приходят рассказы о чудесах, великих и малых. Как вы это объясните? Что делает Тибет такой загадочной и могущественной страной?

Далай-Лама: Наверное, чтобы происходили чудеса, за ними должно что-то стоять. Чудес без причины не бывает. Если вы знаете, как подобные явления возникают, тогда то, что другим кажется необычным, для нас — совершенно естественно, не так ли?

Возьмем, к примеру, радугу и круги света, которые появляются, когда мимо проходит какой-то великий лама. Мы, тибетцы, знаем, что эти явления отражают высокий уровень духовного развития, которого достиг этот человек. В такие мгновения вокруг собираются некие мистические силы, хандромы* (женские божества) и другие духи. Тогда, как я уже сказал, появляется радуга, которая обычно бывает после дождя при определенной температуре. Происходит соединение различных факторов и появляется то, что люди называют чудом. Для человека, которому известно о причинах и взаимосвязях, такие события естественны. Те же, кто не имеет представления о взаимозависимости или различных причинах и следствиях, просто видят радугу и этого великого человека, не усматривая между ними никакой связи. Для них это чудо. Для них и человек, умеющий летать, тоже чудо.

Несколько лет назад ко мне приходила одна старая монахиня. Многие годы она прожила здесь в Дхарамса-ле, в хижине. Ей было около восьмидесяти, когда ее не стало. Перед смертью она принесла мне два старинных текста по практикам дзочен* — трекчо и тогал*.

Это были замечательные тексты, написанные Тсогтругом Рангдролом, великим учителем. Я попросил ее рассказать о своей жизни. Когда ей было лет "двадцать шесть*" она потеряла двух своих детей. Вскоре после этого умер ее муж. Тогда она; оставила все, ушла из семьи, которая была весьма зажиточной, и начала вести жизнь нищей, совершая паломничество по святым местам.

В конце концов она добралась до монастыря Дрикунг. За этим монастырем стоит высокая гора. На ней жил очень старый дзогчен-лама из Кхама (это в Восточном Тибете). У него было около пятидесяти учеников. Однажды эта монахиня увидела, как один из них летает с одного склона горы на другой. «Он просто раскрыл свой красный платок, как крылья, и полетел», — рассказывала она мне. Я подумал: «Это старая монахиня, ей уже недолго осталось. Пятнадцать лет она прожила в Дхарамсале нищенкой, ее считают ясновидящей, и у нее нет никаких причин меня обманывать». Я поверил ее словам.

Такое поначалу может показаться странным, но у нас все это вполне возможно. Тело состоит из пяти элементов. Элемент сознания, даже в его обычном состоянии, преобладает над остальными. Однако сознание обычного человека никогда не работает на полную мощность, поскольку его потенциал раскрыт не до конца. Когда при помощи медитации все силы ума направляются в правильное русло и в конечном счете он обретает большую силу, ему становится доступен весь спектр его возможностей, при этом он обретает способность контролировать и другие элементы. Согласно данной теории, при помощи определенных техник медитации можно остановить или контролировать дыхание, и тогда человек может подняться в воздух. У некоторых даже получается летать. Все это достигается благодаря практике и совершенному владению специальными техниками. Для человека, который не имеет обо всем этом ни малейшего представления, такое может показаться чудом.

Фабьен: Означает ли это, что человек, который умеет летать, — это существо высокой реализации? Являются ли все эти способности признаками духовной реализации?

Далай-Лама: В некотором смысле это взаимосвязано. Если вспомнить Миларепу*, известного буддийского поэта, святого и прорицателя, то у него эти способности появились как побочный эффект от его медитаций на ясный свет. Главной задачей во время медитаций на ясный свет и основной его практикой было бесконечное расширение границ мудрости, осознающей пустоту. Но, по существу, эти чудесные способности появляются у вас, как только вы глубже постигаете сокровенные, тончайшие уровни сознания — то, что мы называем ясным светом.

Фабьен: Создается впечатление, что настоящие мастера об этих «сверхъестественных» способностях ничуть не заботятся.

Далай-Лама: Именно так, для них это естественно. Я приведу вам пример. Группа врачей из медицинского колледжа Гарвардского университета под руководством доктора Герберта Бенсона провела ряд исследований по изучению физиологических возможностей трех тибетских мастеров, которые жили в Гималаях. Они обнаружили, что эти йогины обладают сверхъестественными способностями. В частности, они могли удерживать постоянную температуру тела, даже когда их несколько часов продержали голыми в очень холодной комнате. Об этом даже сообщалось в International Journal of Medical Sciences — международном медицинском журнале. По существу, эти три мастера никогда специально не занимались техникой поддержания внутреннего тепла, или, как мы ее называем, туммо*. Они просто медитировали на шуньяту, или пустоту, и практиковали йогу божеств.

Способность поддерживать внутреннее тепло появилась как побочный эффект от их мастерства в этой йоге.

Фабьен: Еще существует много историй о чудесных знаменьях, которые появляются во время рождения тулку.

Далай-Лама: В некоторых историях все это несколько преувеличивается, но другие рассказы правдивы.

Фабьен: А когда рождается тулку, всегда бывают какие-то особые знаки?

Далай-Лама: Не обязательно. Людям, которые не разбираются в истории, религии и культуре Тибета, все это, наверное, кажется очень странным.

Многие годы Тибету добавляла таинственности и его географическая изоляция. То, что для нас было нормой, для современного мира стало абсолютно новым. Все эти странные истории стали распространяться, когда моя страна стала более доступной. Людям было очень интересно. У некоторых иностранцев возник неподдельный интерес к нашим духовным наукам.

Однажды, когда я был в Восточной Европе — то ли в Польше, то ли в Чехословакии, — мне представилась возможность посетить научную лабораторию, где проводились эксперименты по изучению возможностей мозга и ясновидению. Один человек сказал мне, что если сильно сконцентрироваться, то можно, не дотрагиваясь до предмета, переместить его на несколько сантиметров. Я думаю, в этом случае это результат высокой концентрации и способностей, которые, вероятно, связаны с некоторыми аспектами предыдущей жизни человека. Эти люди, возможно, не знают, как и почему они могут делать подобные вещи.

Фабьен: Существует много теорий, объясняющих эти явления, но очень, немногие люди по-настоящему могут контролировать и сознание, и материю.

Далай-Лама: Этому можно дать довольно простое объяснение. Как вы знаете, я никогда не считал себя целителем. У меня нет таких способностей. Я — простой буддийский монах, который лишь начинает с большим трудом приближаться к состоянию буддовости. Но если я возьму обыкновенную чистую воду и прочитаю над ней определенные мантры, то у этой воды появится способность исцелять людей. Иногда я спешу и чтение получается не слишком идеальным, но я всегда это делаю искренне и вода все же помогает. Очевидно, что важное значение имеет и отношение другого человека. Это связано с его восприимчивостью и, возможно, нашими кармическими связями. Все это кажется странным и чудесным, но так ли это на самом деле?

Фабьен: Что вы думаете об ученых, изучающих мозг и сознание? Кажется, что вы, как и они, считаете, что все можно объяснить.

Далай-Лама: Верно. Я вспомнил об одном своем индийском друге, он буддист. Поначалу он был профессором в университете, потом стал монахом. Его особенно интересует пустота. Я относился к нему с большим уважением и разрешил ему жить здесь с моими монахами. Позже он оставил монашество. Его испортила одна женщина с Запада! (Я шучу, конечно, это было его собственное решение — нарушить свой монашеский обет.) Этот человек много занимался духовными практиками и по-прежнему остается очень хорошим

буддистом. Мы с ним как-то шутили. Он сказал, что после того, как ушел из монахов, достиг больших успехов в своих практиках пустоты. Я ответил:

— В таком случае, мне нужно последовать твоему примеру.

Он рассмеялся.

Однажды он высказал интересную мысль.

— Буддизм начинается там, где заканчивается наука, — сказал он.

В этом есть доля истины. Наука достигла больших успехов в изучении материи, но остановилась, когда речь зашла о сознании. Буддизм начинается с сознания.

Анна: Сознание — нематериально, и это его фундаментальное отличие от материи. Подчиняется ли оно тем же законам взаимозависимости и кармы, на которых держится материальный мир? Работают ли принципы кармы и взаимозависимости в случае с сознанием — так же, как это происходит с материей?

Далай-Лама: Они применимы к сознанию и его действиям. Конечно же, сознание нельзя объяснять так, как мы делаем это в случае с материальными объектами, описывая, из чего они состоят и в какой точке пространства находятся. В случае объектов мы разделяем целое на составные части и можем объяснить его взаимозависимую природу с точки зрения его более мелких компонентов. С сознанием мы этого сделать не можем.

В этом случае взаимозависимость раскрывается через понятия времени и его единиц. Во всем остальном все то же самое.

Фабьен: То есть пространство становится временем.

Далай-Лама: Сознание, время и все, что имеет протяженность, можно разделить на мгновения. Однако когда мы говорим «сознание», мы не рассуждаем в терминах «сегодняшнее сознание», «вчерашнее сознание» или «завтрашнее сознание». Скорее мы имеем в виду нечто такое, что считаем сознанием как таковым. Но если мы присмотримся повнимательнее, то сознание как таковое обнаружить нельзя. Даже у самого короткого мгновения есть начало и конец. Если бы их не существовало, то не могло бы быть и последовательности.

Анна: Если, нельзя обнаружить сознание как таковое, как же оно взаимодействует с материей?

Далай-Лама: Здесь есть проблема. По моему скромному разумению, согласно высшим тантрам, и в частности Калачакре*, — пять элементов действуют на нескольких уровнях. На внешнем уровне они образуют материальный мир. На уровне внутреннем мы состоим из тех же пяти элементов, которые действуют на трех других уровнях: грубый физический уровень; уровень более тонкий, который можно назвать энергией; и глубинный, тончайший уровень сознания, или ясного света, который содержит нуспу, потенциальную, или наиболее тонкую энергию, состоящую из тех же пяти элементов. Тончайший уровень сознания — сознание ясного света — называется «создателем всех явлений, существующих в колесе бытия (сансаре) и за его пределами». Существует связь между внутренним сознанием и его наиболее тонким уровнем — таким образом, когда в последнем возникает

некое действие, оно может повлиять на элементы в их тончайшем проявлении. Они, в свою очередь, влияют на элементы более грубого уровня.

Но, по моему мнению, ни сознание, ни элементарные частицы вещества ниоткуда не происходят, поскольку это практически невозможно доказать. Мы предпочитаем утверждать, что элементарные частицы пространства не имеют начала. Отстоять противоположную точку зрения не только крайне сложно, это еще и создает массу затруднений.

Поэтому мы предпочитаем признать представление о том, что природа сознания и элементарных частиц безначальна. В некоторых случаях мы не можем этого объяснить. Просто такова природа вещей, так все устроено. Сознание обладает способностью к познанию. Почему? Такова его природа! Материя такой способности не имеет. Почему? Это ее природа! Живым существам присуще стремление к счастью. Почему? Так мы устроены!

Фабьен: Когда вы говорите, что сознание и элементарные частицы пространства безначальны, означает ли это, что они будут существовать всегда?

Далай-Лама: Нет. То, что у них нет начала, не означает, что они вечны. Давайте я объясню. У человеческой жизни — у тела человека и его разума — есть начало. Это тело начинает формироваться в определенный промежуток времени, как и разум, который связан с этим телом с момента зачатия. Но и разум, и тело не пришли из ниоткуда. Тело получилось от слияния материнской яйцеклетки со спермой отца. Эти родители, в свою очередь, произошли от своих родителей и от поколений своих предков. Мы можем вернуться на миллиард лет назад к амебам и даже раньше, к элементарным частицам. Они не обязательно были живыми существами, но в этих частицах была жизнь. И если пойти еще дальше, ко временам, предшествующим Большому Взрыву, то эти частицы уже существовали. Первоначальную, основополагающую причину появления этого человеческого тела можно проследить вплоть до этих частиц.

Фабьен: А ум?

Далай-Лама: Это тело связано со Вселенной. А ум — независим. Он мог прийти из другой Вселенной... Мы можем попытаться объяснить теорию Большого Взрыва — так, как это доступно нашему пониманию. Мы не способны выйти за эти пределы. Насколько я знаю, космологи сейчас утверждают, что был лишь один Большой Взрыв. Если они смогут доказать, что это правда, то буддийскую теорию нужно будет пересматривать, поскольку мы считаем, что их было несколько. Соответственно, произошел Большой Взрыв, из которого появилась Вселенная, а потом она исчезла в черной дыре — или в чем-то наподобие этого. Некоторое время ничего не существовало. Потом произошел еще один Большой Взрыв.

Фабьен: Это теория кальпы*, или космических эр?

Далай-Лама: Один цикл Большого Взрыва длиннее, чем эон, или кальпа. Промежуток времени от начала одного Большого Взрыва до его завершения и начала следующего называется калчен, или «большая кальпа».

Фабьен: А был когда-то первый Большой Взрыв?

Далай-Лама: Время не имеет начала. Я говорю о том, что если взять определенное явление — в данном случае зачатие жизни человека с его телом и разумом — можно сказать, что оно имеет начало во времени, но если проследить основные причины появления как тела, так и сознания до их истоков, то начало будет отыскивать невозможно.

Фабьен: То есть, согласно буддийским воззрениям, все можно объяснить. Здесь нет тайны.

Далай-Лама: Будда был исключением. Кроме него, я думаю, что даже такие наши великие святые, как Миларепа, не могли бы представить себе компьютер или разобраться в нем! Видите, буддисты не обязательно могут все объяснить.

Фабьен: Я имею в виду следующее: и в материальной, и в метафизической сфере вы ничего не считаете таинственным. На все должна быть своя причина, верно?

Далай-Лама: Именно это я и пытаюсь сказать. Будда мог достичь просветленного состояния сознания, поскольку это было в самой его природе. Вот почему возможно состояние буддовости, или просветление. Если бы этой природы или потенциала не существовало, то достигнуть такого состояния было бы невозможно.

Если вы спросите: «Почему у времени нет начала?», то ответом будет: «Такова природа вещей». Если вы решите поверить в противоположную точку зрения, то запутаетесь в более сложных и неразрешимых вопросах. Как возникла первая элементарная частица? Если она возникла без причины, это выходит за рамки закона причинности. Почему первая частица не подчинялась законам причинности, а все последующие им подчиняются? Не сходится. Если принять идею Создателя, то возникает вопрос: «Почему Создатель все это создал и кто создал Создателя?» Есть ли начало или его нет, все становится слишком сложным.

Поскольку мы следуем путем разума, то предпочитаем принять наиболее логичный тезис, даже если не можем полностью его обосновать. Если у вас есть два варианта: один, который вы не можете полностью доказать, и другой, который доказать вы тоже не можете, но он к тому же создает еще большие противоречия, то логично предположить, что вы выберете тот из них, который порождает меньше противоречий.

Фабьен: Что по этому поводу говорил Будда?

Далай-Лама: Он сказал: «У сансары нет ни начала, ни конца». Когда Будда говорил, что «у сансары нет начала», то речь шла об истине не только в ее абсолютном понимании, но и в традиционном значении этого слова. Если у сансары нет начала, то нет его и у элементарных частиц, из которых она состоит. Если бы сансара где-то начиналась, то начало должно быть и у Будды, а это уж очень все усложняет.

Фабьен: Этот вопрос все еще открыт для обсуждения?

Далай-Лама: Ода, конечно.

Фабьен: Есть ли буддисты, которые проводят свою жизнь, размышляя над этим вопросом?

Далай-Лама: Над этим вопросом — нет. Разве это решит проблему существования страданий? В любом случае, эти проблемы недостаточно нами изучены, но в том-то и состоит та огромная разница, которая существует между духовностью и наукой. Несмотря

на некоторое сходство, если рассматривать их, к примеру, с точки зрения логики, на деле они совершенно различны.

Для буддистов духовный аспект заключается в том, что Будда достиг просветления. Согласно учению Маха-яны, это произошло не тогда, когда он проживал жизнь Сиддхарты, исторического Будды, а гораздо раньше. Этот просветленный человек появился в Индии и начал проповедовать, опираясь на свой опыт пробужденности. К нам учения пришли не благодаря экспериментам обычного человека, которые привели его к буддовости. Будда был уже реализованной личностью и начал преподавать Учения. А мы, его последователи, их лишь принимаем. Мы не можем вносить в них изменения.

Между тем — и это совершенно необычно — мы вправе и вольны ставить слова Будды под сомнение. В некоторых его учениях проявляются противоречия с нашим повседневным опытом и чувственным восприятием. Тогда мы можем спорить с его словами и использовать другую интерпретацию. Сам Будда дал нам эту свободу. Сейчас нирвана и после этого буддовость — это измерения, которые для нас таинственны и загадочны. С нашими теперешними обычными возможностями непросветленных существ очень сложно исследовать эти измерения или экспериментировать с ними. Хоть мы и не можем охватить их своим разумом, но получить о них некоторое представление все же возможно.

В известном смысле, такой процесс духовного познания подобен научному методу. Вначале ученые имели лишь самое общее представление о Луне или Марсе. Их расчеты не были точными. Теперь эти планеты стали доступнее, на них можно полететь и провести подробные эксперименты. Так же трудно дать точное описание буддовости, но мы можем сказать, что поскольку у нас есть ум, то состояние это достижимо.

Вот так же и наши негативные эмоции — у них нет разумных причин. Их нельзя логически обосновать. Это просто негативные эмоции. А вот у эмоций позитивных есть и причина, и разумное объяснение. Привязанность, например, возникает без всяких на то причин, тогда как сострадание появляется благодаря обдумыванию, обоснованию, изучению. Мы осознаем, что другие подобны нам. Вы можете сказать себе: «Я не хочу испытывать боль», но и другие живые существа тоже этого не хотят. Если помнить об этом, то, когда вы видите чьи-то страдания, вы понимаете их и внутри вас рождается сострадание. Временами, когда мы испытываем сильное сострадание, это вызывает невероятно мощный эмоциональный отклик. Однако мы можем использовать разум, чтобы естественно принять это чувство. В ту секунду, когда это происходит, мы испытываем некое подобие ясности. Мы приблизились к постижению своей глубинной природы. Когда нет ничего, кроме боли или страданий, они иногда затуманивают ясность нашего ума и мы становимся вялыми и безжизненными. Но когда из сострадания мы естественно принимаем страдание, то у него есть причина и цель. В конечном счете, те мощные эмоциональные импульсы, которые рождаются вместе с состраданием, не подрывают наши душевные силы.

Вы видите, в чем разница? Анализируя наши повседневные жизненные ситуации, мы можем сократить количество негативных эмоций и увеличить число позитивных. Благодаря пустоте и оттого, что мы обладаем природой будды, нам известно, что эти негативные эмоции можно устранить. Сочетание всех этих причин позволяет нам утверждать, что в целом буддовость возможна.

Кроме того, очень сложно дать точное описание просветления. Чтобы выйти на столь высокий уровень философских и духовных дискуссий, нам приходится опираться на суждения других. Однако, чтобы принять эти суждения, нам нужно убедиться в истинности

человека, их высказавшего. Следовательно, мы изучаем учения Будды о взаимозависимости и другие весьма глубокие теории. Как только мы убеждаемся, что он — настоящий, истинный Учитель, то больше не существует причин не доверять ему. Ему незачем лгать.

Научное знание передают обычные люди. Их предшественники достигли определенного уровня и передали свои знания последующим поколениям, которые продолжают исследования, опираясь на эти открытия. Эта система передачи знаний сильно отличается от буддизма.

Фабьен: Если я правильно понял, духовная передача от учителя к ученику — важный элемент буддийского учения. Достоверный опыт Мастера делает учение очень ясным.

Далай-Лама: Это то, что мы называем «линия передачи». Существует некая форма энергии, которая последовательно передается от самого Будды. Настоящие Мастера высокого уровня обладают этой энергией и могут передавать ее своим ученикам. Это непостижимо! Если группа из ста учеников одновременно получает одно и то же учение или инициацию от одного учителя, лишь немногие получают полную Передачу. Другим достанется меньше, а некоторым — ничего. Кроме того, другие, слушая учителя, своими направленными на него негативными мыслями не только отторгают эту положительную энергию, но и увеличивают негативную карму.

Фабьен: Играл ли любовь и сострадание какую-то роль при духовной передаче? Являются ли они чем-то насущно важным?

Далай-Лама: Да, именно так. В учениях Ма-хаяны или Тантраяны сострадание требуется с обеих сторон: учителя и ученика. Конечно, предполагается, что лама обладает большим опытом и более высокой реализацией, чем ученик, но для передачи этой особой священной энергии он должен чувствовать сострадание. Иначе, как говорится в пословице, это будет похоже на попытку наполнить один пустой кувшин из другого пустого кувшина.

Фабьен: Я хотел бы вернуться к вопросу о Тибете. Создается впечатление, что когда-то в Тибете на душу населения было самое большое количество святых и религиозных учителей. Я не думаю, что в Европе, Америке или других местах можно найти такое множество мудрецов и святых на квадратный километр, как в Тибете до китайского вторжения.

Далай-Лама: Вы так думаете? Правда, до китайской оккупации население Тибета было очень небольшим: около шести миллионов человек. И вправду кажется, что для такого маленького народа работа, проделанная в области буддийской философии и духовного развития, — огромна. Может, тибетцам больше нечего изучать, поэтому для людей с хорошими мозгами существует один вариант: буддадхарма.

По воле истории Тибет стал единственной страной, которая получила и сохранила буддадхарму в ее полноценном виде. Шри-Ланка и Бирма — тоже настоящие буддийские страны, и в них на протяжении столетий жили великие Мастера. Но у них не было возможности изучать Махаяну и Тантраяну, а местное население отвергало принципы, заложенные в этих учениях. Одно время учения Махаяны были широко распространены в Индокитае и Китае, но не в своем полном виде. Тибет — это единственная страна, где изучали, практиковали и сохраняли все уровни буддизма. Поэтому здесь он остался наиболее истинным. Так или иначе, но по какой-то причине у нас была эта возможность.

Фабьен: Может, из-за того, что страна долгое время была закрыта для иностранцев, следовательно, внешнее влияние не могло повредить передаче Дхармы?

Далай-Лама: Это один аспект.

Фабьен: Может, это было связано с самой местностью, с высотой?

Далай-Лама: Это возможно. Может быть, к этому имели отношение какие-то «мистические силы».

Я не знаю, почему Тибет стал таким избранным. Должно быть, между Буддой Шакьямуни и Ченрези, моим боссом, существовала какая-то сильная кармическая связь. О, мой босс такой сострадательный! Ха-ха!

Фабьен: Вы верите в привидения и духов мертвых?

Далай-Лама: Конечно! Среди млекопитающих и других живых существ, обладающих телом, можно увидеть очень много разных видов. Точно так же бывает (много разновидностей) бестелесных существ — но они бестелесны лишь по сравнению с нами. С их точки зрения, тело у них есть.

Иногда Далай-Лама играет две роли: одну, в качестве человека, среди тибетцев, а другую — в царстве духов. Вы, может быть, слышали о Шагдене* — это спорная фигура, защитник Дхармы*, который недавно создал некоторые проблемы в тибетских общинах. На меня была возложена большая ответственность — бороться с этим духом в потустороннем мире. Вот вам пример, когда человек обязан вмешиваться в дела духов!

Кроме того, у меня существует очень тесная связь с оракулом Нейчунга и покровительницей Тибета Палден Лхамо*. Неправда ли, звучит странно? Но, как бы то ни было, в существовании разнообразных привидений и многочисленных разновидностей духов я убедился на личном опыте.

Анна: Вы убеждены в этом, потому что видели их или были какие-то другие признаки?

Далай-Лама: Я не могу их видеть. Я не миг-тонгва, человек, обладающий особым даром видеть духов; но я на самом деле чувствую присутствие этих потусторонних сил. Как и люди, некоторые из них хорошие и полезные, другие — приносят зло, а есть еще и нейтральные.

Фабьен: Они живут в нашем мире или в параллельном?

Далай-Лама: Я полагаю, что те, о которых я упомянул, живут в том же мире, что и мы. Некоторые духи живут в своих собственных мирах и приходят в наш, чтобы помочь людям или навредить им.

Фабьен: Существуют ли элементарные силы или сущности, связанные с окружающей средой, которые отвечают за природу?

Далай-Лама: Безусловно. В Тибете было довольно много случаев, когда после Культурной революции пересыхали источники и гибли деревья. А теперь, когда возвращаются ламы и

вновь открывают храмы и монастыри в этих местах, источники оживают. Уже было несколько таких случаев. В будущем мы могли бы провести исследования в этой области.

Фабьен: Вы знаете об Александре Давид-Не-эль⁷¹, французской исследовательнице, которая много лет провела в Тибете. Она написала много книг о магии и загадках Тибета. В них рассказывается о черной магии, о колдунах, которые носили фартуки из костей, и так далее. Каковы истоки черной и белой магии в Тибете? В ее основе — ритуалы шаманов и религии бон, которые затем перешли к буддизму?

Далай-Лама: Бон, традиционная религия Тибета, сейчас очень тесно переплетена с буддийской философской школой мадхьямика*. Бонцы даже заимствовали прямые цитаты из великого индийского буддийского мудреца Чандракирти*. Я заметил, что в своих спорах они используют те же аргументы, что и школы тибетского буддизма сакья* и гелуг*, в особенности по вопросам, касающимся логики, Праджняпарамитя* (Усовершенствование мудрости) и Срединного пути*. Эти аргументы, безусловно, заимствованы у буддизма. Если бы они уже существовали в религии бон, то не было бы необходимости перенимать у Индии буддизм. Я прихожу к выводу, что до расцвета в Тибете буддизма у нас существовала примитивная форма религии. Она продолжала развиваться и после введения буддизма. Многие аспекты бон и буддизма очень схожи, но существует и множество различий. Приверженцы религии бон обходят святые места, скажем чотен* (тибетские реликварии или каменные пирамиды), в направлении против часовой стрелки, а буддисты всегда идут по часовой стрелке. Бонцы никогда не используют слово «дхарма», если речь идет о духовных учениях, они всегда говорят «бон».

Те магические ритуалы, о которых вы упоминаете, буддийского происхождения и принадлежат учению Тантраяны. Орнаменты из костей и фартуки используются в некоторых тантрических обрядах. Обычно они никак не связаны с черной магией. Но какой будет магия, полностью зависит от того, как ее использовать. Если прибегать к ней со злым умыслом, то она становится черной.

Главная цель всех этих «магических» ритуалов — благо живых существ. К примеру, в практиках Херука-тантры и Килайя-тантры мы визуализируем образы многочисленных грозных божеств. У таких практик есть определенная, четко установленная цель. Использовать их можно, лишь ощущая бесконечное сострадание и с осознанием пустоты. Лишь человек, способный на это, имеет право заниматься такими техниками. Если эти мантры, ритуалы и янтры* (ритуальные символы) используют неподготовленные люди, то иногда они могут нанести вред другим. Это печально. Честно говоря, если тантрические тексты использовать с несправедливой целью, то они могут стать черной магией. Поэтому практика и передача Тантраяны очень жестко ограничены. Они не для всех.

Фабьен: Если учитель передает эти техники недостойному ученику, несет ли он ответственность за то, как их используют?

Далай-Лама: Да. Я слышал об одном учителе высокой реализации, который всю свою жизнь использовал эти техники в конце жизни он завернул все тексты с учениями в специальную ткань и запечатал ее. Никому, кроме йогов чрезвычайно высокого уровня, не разрешается даже видеть эти письма.

⁷¹ Александра Давид-Неэль (1868-1969) – путешественница, исследовательница буддизма. «София» издавала две ее книги: «Посвящения и посвященные в Тибете» и «магия и тайна Тибета».- Прим.перев. и ред.

Фабьен: И тем не менее тантрическая традиция «сходит от самого Будды.

Далай-Лама: Это верно, я сам практикую тантрический буддизм! Но, кроме того, учения Тантраяны передаются через отдельных людей. К примеру, такие мастера, как Дилго Кхьенце Ринпоче* и Дуджом Ринпоче* (с обоими я много раз общался), когда находились в состоянии глубокой медитации, ясно видели Падмасамбхаву, Ваджрадхару* и другие божества. Через такие видения они получали тантрические учения от этих истинных мастеров линий передачи. Передача Тантраяны возникла в XX веке, через более чем две с половиной тысячи лет после ухода Будды Шакьямуни. И тем не менее эти линии передачи — настоящие. Падмасамбхава, появившийся в видениях этих великих Мастеров, — это тот же человек, который в VIII веке пришел в Тибет, чтобы распространять Дхарму. Винайя передается по-другому. Монашеские обеты нельзя передать через видение. Скорее, эта линия должна продолжаться через непосредственную передачу от человека к человеку, начиная с Будды.

Фабьен: Бытуют и другие истории о буддийских святых, достигших бессмертия. Так, о Падмасамбхаве рассказывают, что он просто вознесся на небо. По-моему, такие люди больше похожи на божества, чем на святых.

Далай-Лама: Насколько мне известно, было четверо или пятеро святых, достигших бессмертия. Их нельзя увидеть, но в особых случаях люди, имеющие с ними кармическую связь, могут с ними встретиться, даже в наши дни. В Китае все еще живет Вималамитра*, в Индии — Митрасуги, а в Тибете до сих пор живут три аадлсра-брата из школы гелуг.

Фабьен: Перейдем к другому вопросу. Многие главы государств пользуются услугами астрологов, медиумов и ясновидящих, которые дают им советы по управлению страной. Как вы консультируетесь с оракулом Нейчунга?

Далай-Лама: Точно так же. Защитники, и оракул Нейчунга в том числе, дают вечную клятву Гуру Падмасамбхаве. Они обещают служить буддадхарме, всегда нести на себе бремя ответственности за ее защиту и никогда не причинять вреда живым существам. В отличие от других весьма сомнительных духов, эти защитники приняли на себя обет бодхисаттв — обет истинной любви и сострадания. Даже если бы я захотел манипулировать ими, я не смог бы.

Пока они были ко мне весьма благосклонны, и это, наверное, доказывает, что я вполне честен. Если же я совершу какой-нибудь дурной поступок, то думаю, что они больше не будут так добры ко мне и перестанут меня поддерживать. А пока, когда бы мы ни встретились, они считают меня своим господином. А как будет дальше, я не знаю.

Фабьен: Какое значение вы придаете астрологии?

Далай-Лама: Никакого.

Фабьен: Даже тибетской?

Далай-Лама: Да.

Фабьен: Но астрология используется в тибетской медицине.

Далай-Лама: Я верю в тибетскую медицину, но не думаю, что она полагается на астрологические прогнозы.

Фабьен: Тогда какая от астрологии польза?

Далай-Лама: В Лхасе медицинский колледж и астрологический институт были объединены в одно целое, здесь, в Дхарамсале, это также единое учебное заведение. Однажды, когда я посетил Тибетский медицинский и астрологический институт в Дхарамсале, я сказал студентам, что убежден в большом будущем тибетской медицины. Я призвал их заниматься сравнительным изучением нашей медицины и других систем. Что же касается астрологии, то я откровенно сказал, что в нее не верю. Видимо, мои слова повергли студентов в уныние, и потом они спрашивали меня, в чем смысл существования института. Так что на следующий год я повторил свои слова, подчеркнув при этом, что это лишь моя личная точка зрения. Я не хотел сказать, что астрология не является важной составляющей нашей тибетской культуры, и подчеркнул, что они должны упорно продолжать свое обучение.

Анна: Некоторые астрологические тексты связаны со священными медицинскими текстами, не так ли?

Далай-Лама: Но не в том смысле, как обычно понимают астрологию. В текстах Тантраяны, рассматриваемых с точки зрения обычных людей, иногда упоминается, что некоторые виды ретритов нужно начинать; в определенные дни. Но Будда сказал: все, что с вами происходит, вызвано вашей кармой, вашими действиями и законом причинности. Он никогда не говорил, что все это происходит из-за кар-мы — это тибетское слово означает «звезды».

Анна: Но когда вы упоминаете полную луну или молодой месяц, то есть говорите, что определенные дни лунного цикла подходят для практики и очищения, разве это не связано с влиянием планет и звезд?

Далай-Лама: Эта практика связана с отношениями между планетами, физическими элементами и составляющими человеческого тела. Для людей, которые верят в подобные вещи, они важны, поэтому определенные практики они будут выполнять в определенные дни в соответствии со своими убеждениями. Но с буддизмом в целом это никак не связано — во всяком случае, я так считаю.

Фабьен: Вы видите цвет ауры людей?

Далай-Лама: Нет, я об этом ничего не знаю.

Фабьен: Но вы об этом слышали?

Далай-Лама: О, да. Я; к примеру, видел фотографии ауры вокруг человеческих рук.

Фабьен: То есть это не тибетская система?

Далай-Лама: Я никогда не слышал про ауру в контексте буддизма. Наверное, она имеет отношение к добродетели или счастливой судьбе. Люди, обладающие большими добродетелями, естественным образом окружены неким невыразимым сиянием. Должно быть, аура связана с этим. У людей с хорошей кармой аура может быть больше, а у людей

невезучих или несчастливых — меньше. Вы замечали, что с некоторыми людьми, несмотря на то что они образованны, с хорошими мозгами и все такое прочее, всегда случаются какие-то неприятности? А другим, не настолько одаренным, всегда везет.

Фабьен: Ваше Святейшество, у вас есть духовный учитель?

Далай-Лама: Конечно. На сегодня я могу назвать пятнадцать.

Фабьен: Вы все еще со всеми работаете?

Далай-Лама: Большинства из них уже нет, но пятеро или шестеро еще живы. И в будущем, в Тибете, у меня могут быть новые учителя — это будут совершенные Мастера, а не любители. Я знаю, что некоторые люди пользуются тем, что беседовали со мной: когда они возвращаются в Тибет, то заявляют, что стали моими учителями. Им это может принести большую пользу. Но когда вы видите мои фотографии с этими людьми, то нужно смотреть, радуюсь ли я, улыбаюсь или, наоборот, сдержан. Это знак, показывающий, какую роль они сыграли в моем духовном развитии.

Так что из-за моей должности Далай-Ламы со мной происходит множество странных событий. Если бы я уединился где-то в горах, этих проблем у меня никогда бы не было и я смог бы стать хорошим Мастером.

Фабьен: Из чего состоит ваша ежедневная практика?

Далай-Лама: В те дни, когда я нахожусь в Дхарамсале, я просыпаюсь в полчетвертого утра. Затем, и это уже вошло в привычку, начинаю читать мантры для разработки голоса. После этого я читаю несколько других мантр. Потом выполняю некоторые постоянные практики, в основном это передачи, полученные мною от Дилго Кхьенце Ринпоче, Тралшига Ринпоче и Чогье Цричен Ринпоче. Это практики йоги божеств с Тарой*, Цепакме* и так далее. Далее я пою другие мантры. Потом до пяти пятнадцати я занимаюсь практиками гуру-йоги с Лопоном Ринпоче (Падмасамбхавой) и Дже Ринпоче (Цонкапой*, основателем школы гелуг), еще я читаю сунг гнаг и чегнаг. Это разные сутры и мантры, помогающие избавиться от болезней и препятствий.

После этого я завтракаю, одновременно мне нравится что-то читать. Еще я люблю слушать тибетскую программу «Голоса Америки». После завтрака я начинаю еще одно занятие гуру-йогой, провожу медитацию на бодхичитту и шуньяту, потом делаю йогу божеств с приблизительно восемью разными мандалами. Это слишком много! И все это длится до восьми тридцати — девяти часов.

Остаток утра я провожу за работой в офисе или читаю философские книги. В полдень у меня обед. Уже около двух лет в один день я ем вегетарианскую пищу, а на следующий — обычную. Так получается, что по крайней мере полгода я — вегетарианец. Я не могу полностью отказаться от мяса. Пробовал это делать целых два года, начиная с 1965, но потом заболел гепатитом В. Позднее оказалось, что форма достаточно серьезная, и после той болезни у меня до сих пор проблемы с печенью.

После обеда я всегда прихожу в эту комнату. По воскресеньям, когда у меня не бывает аудиенций, я иногда приглашаю знакомых стариков. Они приходят ко мне и рассказывают о своей жизни в Тибете до 1959 года. Мне доставляет огромное удовольствие беседовать с этими бывшими чиновниками, старыми ламами и учеными.

В шесть часов вечера я пью чай. Поскольку я буддийский монах, то ужина у меня не бывает. Нам не разрешается есть твердую пищу после того, как солнце вошло в зенит. Если я очень голоден, то со словами приветствия Будде и с мыслью: «Здоровье Далай-Ламы важнее» съедаю несколько печений. Ха-ха! Я думаю, что Будда на самом деле добрый, не правда ли? У него ведь такие широкие взгляды, и он может смириться с тем, что Далай-Ламе иногда нужно поест печенья!

До восьми вечера или около того я делаю подношения защитникам, Махакале* и Палден Ламо. После этого ложусь спать. Сплю с полдевятого до полчетвертого, как убитый.

Фабьен: Что вам снится?

Далай-Лама: Да ничего особенного. Несколько дней назад мне приснилось, что я в Тибете, а вокруг меня — китайцы. Мне было очень страшно, я думал, как мне убежать. Проснулся и с радостью обнаружил, что я в Индии, на свободе!

На самом деле я не верю в сны, ни в свои, ни в чужие, но иногда сны бывают особенными. Однажды мне приснилась моя предыдущая инкарнация, индийский мудрец Друпчен Нагпопа, великий Мастер линии Херуки*. Я всегда очень любил одну статуэтку Херуки, которая была у меня с детства. А потом мне кто-то сказал, что эта статуэтка принадлежала тому великому индийскому мудрецу. Мы каким-то образом с ним связаны.

Покойный Таклунг Шаптрунг однажды сказал мне, что однажды, когда он передавал учение таклунг* ныне покойному Дилго Кхьенце Ринпоче, то вдруг ясно увидел, как на стенах храма в Непале появились все ламы линии передачи. Он упомянул об этом мимоходом, но, когда я его слушал, эти учения вдруг отчетливо возникли в моей голове.

Еще мне однажды приснился очень яркий сон об одном высшем ламе. Во сне настоятель монастыря Дре-пунг сказал мне:

— Джамьянг Чойе (управляющий этого монастыря) еще не пришел.

И тут я подумал: «Я — Джамьянг Чойе», но зовут меня по-другому. Я почувствовал, что меня должны звать Самьепа. Во сне я подумал, что настоятелю об этом лучше не говорить. Поэтому я ответил: «Может быть, он придет позже». На следующий день, когда я встретил Линга Ринпоче, который тогда еще был жив, я рассказал ему о своем сне. Он воскликнул:

— А ведь Джамьянга Чойе когда-то звали Самьепа, потому что он родился в Самье.

Раньше я об этом не знал. Мой учитель похлопал меня по плечу и поздравил. Этот сон натолкнул меня на мысль, что между этим ламой и мной, очевидно, существует какая-то связь. Однако с точки зрения высшей реальности Джамьянг Чойе был великим Мастером. Я по сравнению с ним — просто незначительная личность. Мне действительно не хотелось бы навести вас на мысль, что я какой-то выдающийся человек или воплощение какого-то учителя. Если бы я собирался это сделать, то нарушил бы свой обет бхикшу. Но иногда я и в самом деле переживаю некий необычный опыт, который может принести пользу моим близким друзьям, укрепив их убежденность.

Фабьен: Я хотел бы задать вам вопрос о шуньяте, или пустоте. В XIX веке на Западе эту концепцию неверно понимали и переводили как «небытие». Считалось, что буддизм — это нигилистическая религия.

Далай-Лама: Это неверно.

Фабьен: Безусловно, но многие люди, в том числе и Папа Римский, продолжают воспринимать буддизм именно так. Не могли бы вы несколькими словами объяснить концепцию пустоты?

Далай-Лама: Вчера вы упоминали о пространстве, в котором растет сострадание. Иногда пустота подобна этому пространству. Это не пространство как таковое, но пустота ведет себя как пространство, которое дает возможность возникнуть всем действиям. Если бы существовала абсолютная связность, то не было бы возможности изменений и законы причинности не могли бы действовать. Моя рука не смогла бы двигаться. Но все находится в движении, что указывает на существование некоего пустого пространства. По существу, именно отсутствие независимого существования — а это другое определение пустоты — позволяет действовать всему сущему.

Фабьен: Ученые утверждают, что внутри электрона почти ничего нет: там одна треть материи и две трети пустого пространства. Кварк — это лишь абстрактное математическое понятие. Мы не можем увидеть или обнаружить его. Мы знаем, что элементарные частицы состоят из электронов, которые, в свою очередь, состоят из элементарных частиц. Следовательно, любой материальный объект на две трети состоит из пустоты. Таким образом, современная наука, по-видимому, склоняется к убеждению, что пустота — это реальность, а не только нигилистическое восприятие действительности.

Далай-Лама: Пустота и материя — это две стороны одной монеты. Однако термин «пустота» в разных текстах используется в разном значении. Согласно текстам Мадхьямики, шуньята предполагает зависимое возникновение, или взаимозависимость. На уровне трекчо в высшем дзогчене и махамудра-тантре* этот термин означает сознание ясного света, или ясность. Хотя существует два определения пустоты, одно в Мад-хьямике или сутрах, а другое в тантре, — оба они связаны между собой. Это просто различные аспекты одного и того же понятия.

В дзогчене катаг, или безначальная чистота, — это аспект пустоты, тогда как лхун друп, или спонтанное присутствие, — это аспект взаимозависимости. На этом уровне шуньята означает в точности следующее: «ясный свет как основа всего». Эти чрезвычайно глубокие воззрения не имеют ничего общего с нигилизмом.

Фабьен: Меня удивляет то огромное уважение, с которым буддисты относятся к разным священным объектам. Это странно для философии такой метафизической глубины. Евреи говорят, что простираться перед статуей или образом — идолопоклонство. Как буддисты относятся к изображениям и статуям святых?

Далай-Лама: В буддийских текстах сказано, что если человек обладает высокой реализацией, то ему не нужно простираться перед статуями или обходить святыни. Цель всех этих действий — достигнуть реализации. Если человек уже полностью реализован, то ему незачем все это делать. Лучше медитировать на эту реализацию, чем делать простирания. Но для других людей лучше простираться, чем не простираться. По крайней мере, вы себе напоминаете о цели, которую преследуете!

Ценна не святыня сама по себе — ее ценность в том, что она олицетворяет. Когда мы делаем простирания, то обязаны представлять, что в статую перед нами воплотилась истинная сущность природы будды. А иначе, какой в этом смысл?

Кроме того, для нас не существует разницы между статуями, сделанными из золота или глины. Мы не должны ценить золотую статую Будды выше, чем глиняную. Нельзя статую простого защитника, даже если она сделана из золота, считать выше, чем статую Будды, даже выполненную из глины. Имеет значение лишь то, что эта статуя олицетворяет для нас.

Фабьен: Я хотел бы задать еще один вопрос о страдании. Мне кажется странным, что буддисты так много размышляют о страдании, но при этом всегда очень жизнерадостны. В чем источник этой радости? Как можно развить в себе это чувство?

Далай-Лама: Я не думаю, что Будда когда-либо советовал нам размышлять лишь о страдании и его причинах, не думая при этом о прекращении страданий и о пути, ведущем к их прекращению. Четыре благородные истины — страдания, причина страданий, их пресечение и путь пресечения — тесно связаны. Осознание того, что существуют причины, порождающие страдания, но есть и способ эти страдания прекратить, делает наш ум ясным и помогает выработать в себе твердое намерение добиться пресечения всех страданий. Простое размышление о первых двух истинах — страдании и его причинах — без рассмотрения двух последних истин не принесет никакой пользы. Лучше выпить немного спиртного и забыть о страданиях! Последние две истины указывают на то, что страдание можно прекратить, и более того — для этого существует действенное средство. Когда эти два последних аспекта проясняются, в размышлениях о страдании появляется какой-то смысл.

Фабьен: То есть суть в том, чтобы не просто принять страдания как нечто неизбежное?

Далай-Лама: Да, именно так. Возьмем, например, войну. Посмотрите, что происходит в Боснии. Никто не знает, как решить эту проблему, все в нерешительности, и все это продолжается бесконечно. Если нам известны причины, если мы знаем, что можем использовать некие средства для решения проблемы, *огда можно взяться за разрешение конфликта с уверенностью, решимостью и радостью. Но если у нас нет ни малейшего представления о том, каковы будут последствия, предпринять что-либо очень трудно. Теперь я все разъяснил?

Если, погруженные в пучину страданий, мы знаем, что есть возможность их прекратить, и нам известно, как этого достичь, внутри нас рождается уверенность, необходимая для преодоления этих страданий.

Фабьен: Там, на вашем алтаре, стоит две статуи. Мы уже упоминали Гуру Падмасамбхаву. Не могли бы вы рассказать нам об Авалокитешваре, вашем «боссе», как вы его назвали.

Далай-Лама: По-тибетски Авалокитешвару называют Ченрези. Еще мы зовем его Тхукдже Ченбо, Великий Сострадательный. Он принял обет помогать всем живым существам, не только людям.

Фабьен: Я слышал, что Ченрези хотел освободить от страданий каждое живое существо. Однажды эта задача показалась ему слишком огромной и он впал в отчаяние. Его сердце разорвалось от горя, и он явился с одиннадцатью головами, тысячей рук, из него исходили мириады божеств. А вы когда-нибудь теряете надежду? Где вы находите силы продолжать ваше дело, практиковать, служить людям, быть Далай-Ламой со всей той ответственностью, которая на вас возложена? В какой части вашего существа вы черпаете силы?

Далай-Лама: Ченрези такой серьезный. Я на него не похож. На самом деле я думаю, что сила приходит ко мне через практику со стихами Шантидевы*.

Вот, скажем, такими: «Пока существует Вселенная, пока на свете есть страдающие существа, я продолжу свое служение». Этот обет и практика, в которую он входит, — очень сильные. Они дают мне внутреннюю силу. Цель жизни для меня — это счастье или удовлетворение; а истинный источник этого заключается в помощи и служении другим. Тогда жизнь обретает какой-то смысл. Однажды, когда первый Далай-Лама был уже довольно пожилым человеком, он сказал своим ученикам: «Теперь я уже слишком стар, пришло время уходить». «Вы имеете в виду, что пора уходить на небеса?» — спросил его ученик. «Небеса? Да нет. Больше всего я хочу родиться снова, и там, где больше всего страданий», — ответил Первый Далай-Лама.

Эти слова снова и снова приходят мне на ум. Это поистине удивительное отношение к жизни. Оно дает человеку настоящую цель. Иначе если просто отправиться на небеса и напиться там божественного вина, послушать Классную рок-музыку или еще что-то...

Ха-ха! Здесь все более-менее одно и то же, ведь так?

Фабьен: Это рискованный выбор. Выходит, что 'вам никогда не хочется все это бросить?

Далай-Лама: Никогда. Куда-бы я ни ехал — во Францию, в Германию, в Америку, в Африку или Австралию, — я получаю от людей очень хороший отклик. Я чувствую, что все доброе в человеческой природе откликается на такое мое отношение. Если я искренен, если уважаю людей, то они будут восприимчивы и откликнутся соответственно. Это воодушевляет меня. Даже маленькие птички и насекомые доверяют мне, когда я их кормлю и обращаюсь с ними по-доброму.

История с Ченрези произошла на самом деле, но это — аллегория. Настоящий бодхисаттва не может все бросить. Есть еще одна версия этой же истории/которая гласит, что он уже достиг просветления, но проявилось это, когда его голова раскололась на части. Тогда Ами-табха благословил его и дал ему еще больше силы, чтобы он мог помогать другим существам. Это был прекрасный стимул!

Фабьен: Может, это означало, что Ченрези обладал огромными возможностями, которые еще не использовал, и его мнимое отчаяние было способом их мобилизации?

Далай-Лама: Верно. Это многократно увеличило его силу.

Фабьен: Вот почему обет бодхисаттвы настолько прекрасен. В нем столько силы, что лишь одна мысль о том, что можно от него отказаться, могла разорвать Ченрези на множество сострадательных существ. Невероятно. Нужно ли вам пополнять вашу мотивацию новой энергией?

Далай-Лама: Несомненно. Каждый день. Это практика бодхичитты. Обычно я провожу несколько минут, размышляя о стихах Шантидевы и пытаюсь привести в порядок свои мысли. Сейчас, мне кажется, мой ум сильно поглупел. Раньше, когда я размышлял о стихах, в которых речь шла о сострадательном уме, и пытался сочетать свою мотивацию с альтруизмом, то часто даже плакал. Я и вправду чувствовал глубокую печаль. Это чувство сострадания сохранялось во мне на весь день. Так проходили месяцы и годы. Эта практика придала моей жизни глубокий смысл. Может, иногда я выгляжу глупо. Ну и что?

Эпилог

Когда мы покидали резиденцию Его Святейшества, глаза у меня сияли, а благодаря подъему, который я ощущал, даже земля у меня под ногами, казалось, окрасилась яркими и жизнерадостными красками. Три бокала шампанского не могли вызвать того чувства, которое я испытывал, расставаясь с Далай-Ламой. Обед в ближайшем ресторане вернул меня к более приземленным мыслям. Запах бензина, гудки машин, блеяние коз, которых пассажиры заталкивали вместе с собой в автобус, — все это дополняло то удовольствие, с которым я ел свою курицу тандури. Но все это рыночное столпотворение вокруг меня не могло отогнать воспоминания о глубоком голосе Его Святейшества, его заразительном смехе, который все еще музыкой звучал в моей голове. Его звучание стало еще сильнее, когда я вышел из ресторана и направился в гостиницу.

Разговор с Его Святейшеством заставил задуматься о моих не слишком комфортных иудео-христианских воззрениях и чувстве вины по поводу денег, вспомнились и мои представления о том, что деньги — это зло. Несколькими точными жестами своих сильных рук Его Святейшество поставил деньги на их законное место, указав, что это одна из составляющих, необходимых для счастья, которая находится на четвертом месте после душевного спокойствия, здоровья и дружбы.

Мне кажется, что довольство гармоничным сочетанием этих четырех аспектов и есть правильное отношение к жизни. Я с облегчением узнал, что Его Святейшество признает важность денег и считает, что они могут создать достаток, но не являются чем-то необходимым.

Его Святейшество просто обезоруживающе открыл мне новые горизонты и разрушил главные барьеры. К примеру, я всегда прилагал огромные усилия, чтобы быть «спонтанным», что для меня означало анализировать себя и учиться чувствовать себя комфортно с самим собой и с другими людьми. Теперь вдруг оказалось, что вся та работа, которую я проделал, чтобы стать естественным, спонтанным, была лишь маленьким шагом на моем пути. Просто жить в согласии с самим собой и с миром — этого недостаточно, поскольку не дает гарантии, что внутри меня появится и расцветет зернышко сострадания.

Встреча с Его Святейшеством стала для меня мощным доказательством того, что идеалы любви и сострадания, о которых он говорит, — это нечто большее, чем просто пустые теории. Он являет собой живое доказательство действенности того пути, которому учит. Он обладает огромным чувством личной ответственности, которое не лежит на нем тяжким бременем и не ограничивает его. Напротив, он производит впечатление человека, исполненного радости, любопытства, у него великолепное чувство юмора, и я не мог не поддаться его очарованию.

В гостинице я сел на веранде и обдумал события прошедшей недели. Журчание небольшого водопада вернуло меня к реальности. Слушая непрерывный бег воды, я задумался о том, как кровь течет по моим венам. Пока мы живы, пока бьются наши сердца и дышат наши легкие, у нас есть возможность достичь просветления. Ничто и никто не может лишить нас этого. Если мы будем заниматься собой, достигать все более высокого уровня осознания, в основе которого будет альтруизм, то сможем присоединиться к Его Святейшеству в океане просветленной любви.

Приложение

МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО И НЕОБХОДИМОСТЬ ВСЕОБЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Мировое сообщество

По мере того как XX век приближается к своему завершению, мы обнаруживаем, что мир становится все меньше, а люди в нем стали почти единым сообществом. Политические и военные союзы образовали крупные многонациональные объединения, в сфере промышленности и международной торговли сформировалась глобальная экономика, а благодаря всемирной сети телекоммуникаций сокращаются расстояния, исчезают извечные языковые и межрасовые барьеры. Кроме того, нас сближают стоящие перед нами серьезные проблемы: перенаселенность, истощение природных ресурсов, ухудшение состояния окружающей среды. Под угрозой оказались наш воздух, вода, деревья и множество прекрасных форм жизни, составляющих основу существования на этой маленькой планете, которую все мы делим между собой.

Я полагаю, что для разрешения стоящих перед нами задач люди должны развивать в себе большее чувство всеобщей ответственности. Каждый из нас должен научиться работать не только для себя самого, для своей семьи или страны, но и на благо всего человечества. Всеобщая ответственность — это ключ к выживанию человека. Это самая прочная основа для мира во всем мире, рационального использования природных ресурсов и заботы о будущих поколениях — надлежащего обращения с окружающей средой.

Я некоторое время размышлял над тем, как увеличить наше чувство взаимной ответственности и альтруистическую мотивацию, которая это чувство порождает. Хотелось бы вкратце изложить свои мысли.

Человечество — одна семья

Нравится нам это или нет, но мы все родились на Земле, став частью одной большой человеческой семьи. Богатые или бедные, образованные или неграмотные, мы принадлежим к разным национальностям, исповедуем разные религии, придерживаемся различных идеологий, но в конечном счете каждый из нас всего лишь человек, такой же, как и другие: все мы хотим счастья и не желаем страдать. Более того, каждый из нас имеет равные права на достижение этих целей. Современный мир требует, чтобы мы признали единство человечества. В прошлом отдельные человеческие сообщества могли позволить себе воспринимать друг от друга как нечто совершенно независимое, они даже жили в полной изоляции. А в наши дни события в одной части земли в конечном счете влияют на

всю планету в целом. Поэтому с самого начала каждую серьезную проблему регионального масштаба мы должны воспринимать как всемирную.

Мы больше не можем ссылаться на разделяющие нас расовые, межнациональные или идеологические барьеры, поскольку это приведет к разрушительным последствиям. Очевидно, что в контексте нашей новой взаимозависимости лучшей формой защиты своих собственных интересов является защита интересов других. Я считаю, что в этом — источник нашей надежды. Необходимость сотрудничества может укрепить человечество, ведь это поможет нам признать, что наиболее прочное основание для создания нового мирового порядка закладывается не только путем создания более широких политических и экономических объединений, но скорее искренними проявлениями любви и сострадания, исходящими от каждого человека. Чтобы в будущем мир стал лучше, счастливее, стабильнее и цивилизованнее, каждый из нас должен относиться к другим людям с теплотой в сердце, как к братьям.

Альтруизм как лекарство

В Тибете говорят, что многие болезни можно излечить одним лекарством — любовью и состраданием. Эти чувства являются самым главным источником человеческого счастья, и потребность в них исходит из глубин нашего существа. К сожалению, любовь и сострадание надолго исчезли из многих сфер нашего социального взаимодействия. Обычно сфера их применения ограничена семьей и домом, проявлять эти чувства в общественной жизни считается непрактичным и даже наивным. Это настоящая трагедия. По моему мнению, проявление сострадания — это не признак оторванного от реальности идеализма, а наиболее эффективный способ реализации как чужих, так и своих собственных интересов. Чем больше мы как страна, группа людей или отдельные личности зависим от других, тем более мы заинтересованы в том, чтобы обеспечить их благополучие.

Практика альтруизма — это реальная основа для сотрудничества и поиска компромисса. Недостаточно просто признать, что нам необходима гармония. Ум, исполненный сострадания, подобен сосуду, из которого через край льются энергия, решимость и доброта. Такой ум похож на зернышко, при хорошем уходе из него прорастет множество других хороших качеств: прощение, терпимость, внутренняя сила и вера в возможность преодоления страха и чувства незащищенности. Сострадательный ум подобен эликсиру — он способен преобразовывать негативные ситуации в полезные. Следовательно, в проявлениях любви и сострадания мы не должны ограничиваться своей семьей и друзьями. Сострадание тем более не является обязанностью только духовенства, работников здравоохранения и социальной сферы. Это обязательное качество для любой части человеческого сообщества.

Не важно, в какой сфере произошел конфликт: в политике, бизнесе или он касается религиозных сфер; альтруистический подход — часто единственное средство его разрешения. Иногда сами подходы к разрешению спора являются причиной возникновения проблемы. В таких случаях, когда решение кажется невозможным, обе стороны должны вспомнить о том, что их объединяет, — об их истинной человеческой природе. Это поможет выйти из тупика и в конечном счете каждому облегчит достижение его цели. Хотя ни одна из сторон не будет полностью удовлетворена, но если каждая пойдет на уступки, то по меньшей мере будет предотвращена опасность дальнейшего конфликта. Все мы

знаем, что эта форма компромисса является наиболее эффективным способом решения проблем, но почему же тогда мы не используем ее как можно чаще?

Когда я думаю о недостатке взаимодействия в человеческом сообществе, то прихожу к выводу, что этот недостаток является результатом непонимания нашей взаимозависимой природы. Меня часто трогает пример маленьких насекомых, скажем пчел. Согласно законам природы, пчелы, чтобы выжить, должны работать вместе. В результате, у них выработалось инстинктивное чувство социальной ответственности. У них нет ни конституции, ни законов, нет полиции, религии или моральных установок, но, следуя своей природе, они самоотверженно работают вместе. В общем, вся колония выживает благодаря сотрудничеству. И напротив, люди придумали конституции, громоздкие системы законов, обзавелись полицией. У нас есть религия, мы обладаем великолепным умом и сердцем, способным любить. Однако, несмотря на все наши необычайные достоинства, в реальной жизни мы отстаем от этих маленьких насекомых. Мне кажется, что в некотором смысле мы ущербнее, чем пчелы.

Например, миллионы людей по всему миру живут в больших городах, и несмотря на такую скученность, многие одиноки. У них нет ни одного близкого человека, с которым можно было бы поделиться своими потаенными чувствами, они живут с постоянным чувством тревоги. Это очень печально. Мы не одиночные животные, которые образуют пары лишь для того, чтобы продолжить род. Если бы это было так, к чему нам строить большие города и поселки? Хотя мы и являемся животными социальными и вынуждены жить вместе, к сожалению, нам недостает чувства ответственности по отношению к людям, живущим с нами рядом. Может, виной тому — наше социальное устройство, базовые структурные единицы, лежащие в его основе: семья и территориальные общины? Или причина во внешних факторах: в наших механизмах, науке, технологиях? Я так не думаю.

Я полагаю, что, несмотря на быстрый прогресс, достигнутый цивилизацией в наше время, непосредственной причиной современных проблем является непомерный перекося в сторону развития материальной сферы. Мы поглощены погоней за материальными благами и, сами того не замечая, забываем проявлять те качества, которые человеку нужнее всего: любовь и доброту, участие и заботу. Если мы с кем-то не знакомы или по какой-то другой причине не чувствуем себя связанными с конкретным человеком или группой, нам просто не будет до них никакого дела. Но развитие человеческого общества строится исключительно на помощи людей друг другу. Если мы утратим основные человеческие качества, лежащие в основе нашей природы, то зачем тогда стремиться к росту материального благосостояния?

Для меня это очевидно: истинный смысл ответственности может раскрыться лишь в том случае, если мы будем развивать в себе чувство сострадания. Только естественное чувство сопереживания к другим людям может по-настоящему побудить нас к действиям в их интересах. Я изложил свои взгляды на то, каким образом необходимо развивать чувство сострадания. В следующей части этого краткого эссе мне хотелось бы обсудить вопрос о том, как, опираясь на всеобщую ответственность, можно улучшить современную ситуацию в мире.

Всеобщая ответственность

Во-первых, я должен отметить, что не вижу смысла в создании «движений» или продвижении идеологий. Мне также не нравится практика создания организаций для распространения некоей идеи, поскольку это предполагает, что за достижение данной цели несет ответственность одна группа людей, тогда как остальные остаются в стороне. При нынешних обстоятельствах никто из нас не может позволить себе считать, что кто-то другой решит наши проблемы; каждый должен взять на себя часть всеобщей ответственности. Таким образом, когда число людей причастных вырастет, когда оно станет измеряться десятками, сотнями, тысячами или даже сотнями тысяч, эти люди смогут значительно улучшить общую ситуацию. Позитивные изменения не наступят слишком быстро, для этого потребуются непрерывные усилия. Если мы опустим руки, то не сможем решить даже самых легких проблем. Но если мы будем упорны и настойчивы, мы сможем решить и самые трудные задачи.

Восприятие принципа всеобщей ответственности — это исключительно личный выбор. Наше чувство сострадания по-настоящему проверяется не во время абстрактных дискуссий, а тем, как мы ведем себя в повседневной жизни. Однако существуют некоторые основные воззрения, являющиеся основой практики альтруизма.

Хотя идеальных систем правления и не бывает, демократия находится ближе всего к истинной человеческой природе. Следовательно, те из нас, кто живет при демократии, должны продолжать отстаивать права всех людей на демократические свободы.

Более того, демократия — это единственная стабильная основа, на которой возможно создание всемирной политической структуры. Чтобы стать единым целым, мы должны уважать право всех людей и народов на сохранение их самобытности и системы ценностей.

В частности, понадобятся огромные усилия, чтобы внедрить принципы сострадания в сферу международного бизнеса. Самым крупным источником страдания на нашей планете остается экономическое неравенство — особенно неравенство между развитыми и развивающимися странами. Крупные многонациональные корпорации должны сократить масштабы эксплуатации бедных стран, даже если в краткосрочной перспективе они понесут из-за этого убытки. Выкачивание тех немногих природных ресурсов, которыми обладают такие страны, лишь для того, чтобы поддерживать уровень потребления в западном мире, ведет к губительным последствиям. Если такое выкачивание будет бесконтрольно продолжаться, то в итоге пострадают мы все. Более разумным подходом стало бы укрепление слабой, неразвитой экономики беднейших стран, поскольку это будет способствовать политической и экономической стабильности. Как бы идеалистично это ни звучало, но, наряду с конкуренцией и стремлением заработать, движущей силой в бизнесе должен стать альтруизм.

Кроме того, нам нужно вновь вспомнить о своей приверженности общечеловеческим ценностям в сфере современной науки. Хотя основной целью науки является изучение реальности, другая ее задача —■ улучшение качества жизни. Без альтруистической мотивации ученые не смогут провести различие между действительно полезными технологиями и теми, которые просто не имеют права на существование. Самый яркий пример того, к чему приводит смешение этих представлений, — это ущерб окружающей среде, но еще важнее использовать правильную мотивацию в случае с совершенно новыми биологическими технологиями, благодаря которым человек теперь получил доступ к тончайшим механизмам зарождения самой жизни.

Если каждое наше действие не будет основано на этических принципах, мы рискуем нанести непоправимый ущерб хрупкой структурной основе жизни. Ответственность за это лежит и на религиях мира. Задача религии состоит не в том, чтобы строить прекрасные церкви и храмы, она заключается в развитии положительных человеческих качеств: терпимости, великодушия и любви. В основе всех мировых религий — не важно, каковы их философские воззрения, — прежде всего, лежит представление о том, что мы должны усмирять свой эгоизм и служить другим. К сожалению, сама религия иногда создает больше проблем, чем решает. Последователи различных верований должны осознать, что каждая религиозная традиция обладает огромной присущей ей одной ценностью и у каждой есть средства для обретения человеком психического и духовного здоровья.

Одна религия не может удовлетворить всех, как и одинаковая пища. Некоторым людям приносит пользу одно учение, другим — другое. Все зависит от их душевного устройства. Любая вера способна сделать людей хорошими и добросердечными, и все религии в этом преуспели, хоть они часто и придерживаются противоположных философских взглядов. Поэтому незачем участвовать в сеющих рознь религиозных распрях, становиться непримиримым фанатиком, следует поддерживать занятия всевозможными формами духовных практик.

Безусловно, главное поле, где нужно сеять семена альтруизма, — это международные отношения. За последние несколько лет мир сильно изменился. Думаю, все со мной согласятся в том, что конец холодной войны, крушение коммунистической системы в Восточной Европе и распад Советского Союза возвестили начало новой исторической эры. Сейчас кажется, что в XX веке часы человеческой истории совершили полный оборот.

Это был самый болезненный период в истории, время, когда из-за огромного увеличения разрушительной мощи оружия, от насилия и войн пострадало и погибло больше людей, чем когда-либо ранее. Более того, мы стали свидетелями завершающего этапа соревнования между основными идеологиями, которые всегда соперничали между собой в человеческом обществе: с одной стороны — грубая сила и власть, а с другой — свобода, плюрализм, права человека и демократия. Я думаю, что сейчас всем совершенно ясно, чем закончилось это соревнование. Хотя стремлению людей к миру, свободе и демократии все еще противостоят зло и тирания во всех своих многочисленных проявлениях, тем не менее большинство людей во всем мире желают торжества идей мира и свободы, и это уже стало неоспоримым фактом. Таким образом, из трагедий нашего времени тоже можно извлечь положительный опыт, во многих случаях они становились средством, которое помогло раскрыться сознанию людей. Это показывает крушение коммунизма.

Хотя в коммунизме содержалось много прекрасных идей, в том числе и альтруизм, губительной оказалась попытка правящих элит диктовать свои взгляды. Власти шли на невероятные ухищрения, чтобы подчинить своему контролю все потоки информации внутри государства и сформировать систему образования таким образом, чтобы граждане работали на общее благо. Возможно, в самом начале и была необходимость в жесткой системе власти, когда требовалось разрушить старый деспотический режим, но как только цель была достигнута, эта система практически ничего не сделала для создания гуманного общественного устройства. Коммунизм потерпел жестокое поражение, поскольку для утверждения своих принципов полагался на силу. В конечном счете человеческая природа не смогла выдержать те бесчисленные страдания, которые он порождал.

Грубая сила, как жестоко ее ни применяй, никогда не сможет подавить изначальное человеческое стремление к свободе. Доказательство тому — сотни тысяч людей,

шествующих по улицам городов Восточной Европы. Они просто показали, насколько человек нуждается в свободе и демократии. Это было очень трогательно. Их требования не были отражением какой-то новой идеологии: эти люди говорили искренне, от всего сердца, они выражали свое стремление к свободе, демонстрируя, что оно присуще человеку от природы. По существу, свобода — как для человека, так и для общества — является основным источником творчества. Недостаточно, как думали коммунисты, просто дать людям еду, жилье и одежду. Если нам все это дадут, но не будет бесценного воздуха свободы, который питает наше существо, мы будем лишь наполовину людьми, похожими на животных, которые довольны уже только тем, что удовлетворяются их физические потребности.

Я полагаю, что мирные революции в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе научили нас очень многому. Первый урок — это ценность правды. Людям не нравится, когда их запугивают и обманывают — будь то человек или система. Такие действия противоречат духовному началу в человеке. Следовательно, даже те, кто применяет ложь и насилие как средства, на короткий срок могут достичь немалого успеха, но в конце концов их непременно ждет поражение.

С другой стороны, все ценят и уважают правду, ведь она у нас в крови. Правда — лучшая гарантия и прочная основа свободы и демократии. Не важно, слабы вы или сильны, много у вашего дела сторонников или мало, истина в конце концов одержит победу. Тот факт, что успешные освободительные движения с 1989 года опирались на искреннее выражение людьми самых глубинных чувств, служит важным напоминанием о том, что в нашей политической жизни все еще очень не хватает правды как таковой.

Особенно мало внимания мы уделяем правде в международных отношениях. Более сильные страны неизбежно манипулируют слабыми и подавляют их, подобным же образом низшие слои населения в большинстве обществ страдают от поведения слоев более могущественных и влиятельных. Хотя в прошлом простую истину часто воспринимали как нечто неправдоподобное, последний десяток лет доказал, что в ней заключена огромная сила, воздействующая на человеческое сознание и — в итоге — формирующая историю.

Второй большой урок, который нам преподает Восточная Европа, — это урок мирных преобразований. В прошлом поработанные народы часто прибегали к насилию в борьбе за свободу. Теперь, следуя примеру Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, эти мирные революции подают будущим поколениям чудесный пример успешных ненасильственных преобразований. Когда в будущем обществе понадобятся радикальные изменения, наши потомки смогут взглянуть назад и увидеть в событиях, происходящих в наши дни, пример мирной борьбы, настоящую историю успеха беспрецедентного масштаба, охватывающую десятки стран и сотни миллионов людей. Более того, последние события показывают, что стремление к миру и свободе является одним из самых фундаментальных, присущих природе человека желаний, а насилие — его полнейшая противоположность.

Перед тем как рассмотреть вопрос о наилучшем мировом устройстве в период после холодной войны, я полагаю, что было бы крайне важно рассмотреть вопрос о насилии, уменьшение которого на всех уровнях является необходимой основой мира во всем мире* и конечной целью любой общемировой системы.

Ненасилие и международный миропорядок

Средства массовой информации ежедневно сообщают о террористических актах, преступлениях и насильственных действиях. Куда бы я ни приехал, в любой стране мира газеты, радио и телевидение заполнены жуткими историями смертей и кровопролития. И журналисты, и читатели попали в почти наркотическую зависимость от этой информации. Но подавляющему большинству людей антисоциальное поведение не свойственно — в действительности очень немногие из живущих на нашей планете пяти миллиардов людей совершают акты насилия. Большинство из нас склонны быть как можно более тихими и миролюбивыми.

По существу, мы все любим спокойствие — даже те из нас, кто склонен к насилию. Например, когда приходит весна, дни становятся длиннее, солнце светит ярче, оживают деревья и трава, все вокруг кажется ярким и свежим, люди чувствуют себя счастливыми. Приходит осень, с ветки падает лист, потом другой, умирают все цветы, и вот вокруг нас лишь голые деревья. И мы не испытываем особой радости. Почему так случается? Потому что в глубине души мы жаждем созидания, творения и роста, нам не нравится разрушение, смерть и распад. Любое разрушительное действие противоречит нашей природе; ее проявления — это созидание и творчество.

Без сомнения, все со мной согласятся в том, что нам необходимо преодолеть насилие, но, прежде чем уничтожить его полностью, следует проанализировать, представляет ли оно какую-либо ценность.

Если мы рассмотрим этот вопрос с практической точки зрения, то окажется, что в некоторых случаях насилие и вправду оказывается полезным. При помощи силы можно быстро решить проблему. Это, однако, достигается за счет благополучия и ущемления прав других людей. В итоге, решается одна проблема, но посеяно зерно другой.

С другой стороны, если у действий человека есть разумное обоснование, то ему незачем прибегать к насилию. На силу полагаются те, у кого нет других мотивов, кроме эгоистичного желания, и кто не может привести логических доводов для достижения своей цели. Возможно, все будут против — и семья, и друзья, но, если у человека есть убедительные аргументы, он может приводить их один за другим и обосновывать свою позицию пункт за пунктом. Тех же, у кого рациональных доказательств не хватает, скоро охватывает гнев. Таким образом, гнев — это признак не силы, а слабости.

В конце концов, важно проанализировать мотивацию — и свою, и оппонента. Существует много разновидностей насилия и ненасилия, но нельзя проводить между ними отличия, основываясь лишь на внешних факторах. Если чья-то мотивация негативна, то действие, которое она порождает, по сути своей является насильственным, даже если оно кажется мирным и благородным. И наоборот, если присутствует искренняя, позитивная мотивация, но обстоятельства требуют жесткого Поведения, то, по существу, человек ведет себя ненасильственно. Не важно, какова суть дела, по моему мнению, сострадательная забота о благе других, а не только лишь о самом себе является единственным оправданием для применения силы.

На нашей планете настоящее ненасилие встречается все еще редко, в виде эксперимента, но стремление к нему, с любовью и осознанием в душе, священно. Если этот эксперимент будет удачным, в новом столетии он сможет проложить путь к более мирному существованию.

Однажды я услышал высказывание одного человека с Запада. Он утверждал, что долгосрочное ненасильственное пассивное сопротивление Ганди подходит далеко не каждому и такие действия более свойственны и приемлемы на Востоке. Поскольку западные люди активны, то в любых ситуациях они стараются получить немедленный результат, даже ценой своей жизни. Я полагаю, что такой подход не всегда целесообразен. Но, без сомнения, практика ненасилия подходит нам всем. Просто она требует решительности. Хотя освободительные движения в Восточной Европе быстро достигли своей цели, по своей природе ненасильственные протесты обычно предполагают наличие терпения.

Относительно этого я молюсь, чтобы, несмотря на всю жестокость подавления и трудности предстоящей борьбы, участники демократического движения в Китае всегда сохраняли миролюбивый настрой. И я уверен, что им это удастся. Хотя большинство китайских студентов, участвующих в этом движении, родились и выросли в условиях особенно жесткого коммунистического режима, во время событий весны 1989 года они естественным образом применили стратегию пассивного сопротивления Махатмы Ганди. Это замечательно и ясно показывает, что в конце концов все люди хотят следовать по мирному пути — не важно, насколько фанатично они преданы идее.

Реальность войны

Безусловно, самыми главными источниками насилия в мире являются война и крупные военные структуры. Не важно, с какой целью они созданы: с оборонительной или наступательной, эти огромные могущественные структуры существуют лишь для того, чтобы убивать людей. Нам следует задуматься о том, какова подлинная сущность войны. Большинство из нас привыкли воспринимать военные сражения как нечто захватывающее и чарующее. Для мужчин это возможность доказать свою силу и смелость. Поскольку существование армий узаконено, нам кажется, что война имеет право на существование; в целом, люди не воспринимают ее как преступление и не считают, что приятие войны преступно. На самом деле нам просто промыли мозги. Война не бывает ни чарующей, ни привлекательной. Она чудовищна. Ее истинная природа — трагедия и страдания.

Война подобна пожару, в котором горит человеческое общество. Горючим материалом в нем служат живые существа. Я считаю, что эта аналогия особенно удачна и уместна. Современные войны начинаются чаще всего с бомбардировок и обстрелов. Но мы настолько привыкли воспринимать ее как нечто захватывающее, что обсуждаем достоинства разных удивительных видов оружия, признаем их выдающимися образцами технологического прогресса, забывая при этом, что использование такого оружия приводит к гибели живых людей! По способу распространения война очень напоминает пожар. Если на каком-то участке фронта образовывается брешь, командующий посылает подкрепление. Это как если бы людей бросали в огонь. Но поскольку нас запрограммировали думать по-другому, о страданиях отдельных солдат мы не вспоминаем. Ни один солдат не хочет быть раненым или убитым; никто из его близких не желает, чтобы с ним случилась беда. Если солдат будет убит или останется калекой на всю жизнь, то пострадает по крайней мере еще пять или десять человек: его родственники и друзья. Масштабы этой трагедии должны приводить в ужас всех нас, но мы слишком сбиты с толку.

Честно говоря, когда я был ребенком, мне тоже нравились военные. Их форма казалась мне очень элегантной и красивой. Именно так начинается искушение. Дети начинают играть в

игры, которые в один прекрасный день доведут их до беды. Существует множество прекрасных игр и костюмов помимо тех, которые связаны с убийством людей. И опять-таки, если бы мы, взрослые, поменьше увлекались войной, то четко осознали бы, что, позволяя нашим детям привыкать к военным играм, мы поступаем крайне необдуманно. Некоторые бывшие солдаты рассказывали мне, что когда они впервые убивали человека, то чувствовали себя очень неуютно, но потом были другие убийства, и для них это стало уже вполне обычным делом. Со временем человек может привыкнуть ко всему.

Институт армии является разрушительной силой не только во время войны. По самому своему устройству армия является одним из самых серьезных нарушителей прав человека, и больше всего от их нарушения страдают сами солдаты. После того как офицеры четко и убедительно разъясняют важность существования армии, ее дисциплины и необходимость победы над врагом, огромная масса солдат практически полностью лишается всех своих прав. Они вынужденно теряют право на свою личную волю и в конечном счете обязаны жертвовать своими жизнями. Более того, как только армия становится достаточно сильной, появляется риск, что она может разрушить благополучие своей собственной страны.

В любом обществе существуют люди с деструктивными намерениями, и соблазн захватить командование в структуре, способной исполнить их желания, может стать непреодолимым. Но не имеет значения, насколько злонамеренны и порочны многочисленные кровожадные диктаторы, которые в наше время угнетают собственные народы и создают проблемы международному сообществу. Очевидно, что, если бы в их распоряжении не было вооруженных сил, существующих при общественном согласии и попустительстве, они не смогли бы причинить столько вреда или уничтожить бессчетное число человеческих жизней. Пока существуют могущественные армии, всегда будет опасность возникновения диктаторских режимов. Если мы действительно считаем диктатуру недостойной и разрушительной формой правления, то должны признать, что одной из самых главных причин ее существования являются мощные вооруженные силы.

Милитаризм к тому же очень дорого стоит. Удержание мира при помощи военной силы ложится на общество чрезвычайно тяжелым бременем. Правительства расходуют огромные средства на все более сложные виды вооружений, когда, по существу, никто не хочет их использовать. Впустую тратятся не только деньги, но и ценная энергия, и человеческие способности. При этом единственное, чего становится больше, — это страх.

Тем не менее мне хотелось бы разъяснить следующее: хотя я категорически выступаю против войны, но при этом не защищаю политику попустительства. Часто необходимо занять жесткую позицию, чтобы противостоять несправедливой агрессии. Например, нам всем ясно, что Вторая мировая война была полностью оправданна. Как точно сказал об этом Уинстон Черчилль, она «спасла цивилизацию» от тирании нацистской Германии. На мой взгляд, Корейская война тоже была оправданной, поскольку она дала шанс Южной Корее постепенно развивать демократию. Но лишь оглядываясь на прошлое, мы можем выносить суждения о том, насколько данный конфликт был оправдан с моральной точки зрения. К примеру, сейчас мы видим, что во время холодной войны применение принципов ядерного сдерживания имело под собой определенные основания. Однако о таких проблемах очень сложно выносить точные суждения. Война — это насилие, а насилие непредсказуемо. Следовательно, при любой возможности ее лучше избегать. Нам не дано знать заранее, насколько благоприятным будет исход того или иного вооруженного конфликта.

Например, в случае с холодной войной, хотя ядерное сдерживание помогло создать некую стабильность, настоящий мир так и не был достигнут. За последние сорок лет в Европе наблюдалось лишь отсутствие войны, что, однако, нельзя назвать подлинным миром. Это было только его подобие, основанное на страхе. В лучшем случае, создание армий для поддержания мира служит лишь временной мерой. Пока противостоящие стороны не доверяют друг другу, любой фактор может нарушить баланс сил. Длительный мир можно обеспечить только на основе подлинного доверия.

Разоружение для мира во всем мире

На протяжении всей своей истории человечество так или иначе стремилось к миру. Неужели это чересчур оптимистично — полагать, что мир во всем мире находится от нас на расстоянии вытянутой руки? Я не верю, что количество человеческой ненависти увеличилось, — выросли лишь возможности ее демонстрации при помощи невероятно разрушительных видов вооружений. С другой стороны, в прошлом столетии мы стали свидетелями трагических событий, связанных с массовыми убийствами при помощи такого оружия, и это дает нам возможность поставить войну под контроль. Чтобы этого добиться, очевидно, что мы должны приступить к разоружению.

Оно возможно лишь в контексте новых политических и экономических отношений. Перед тем как перейти к подробному рассмотрению этого вопроса, целесообразно представить, каким образом должен выглядеть мирный процесс, который принесет нам наибольшую пользу. Это совершенно очевидно. Во-первых, мы должны работать над сокращением ядерных вооружений, затем запретить биологическое и химическое оружие, потом настанет черед наступательных вооружений и, в конце концов, — оборонительных. В то же время в целях обеспечения мира мы должны начать создание международных полицейских сил в одном или нескольких крупных регионах. Эти войска будут состоять из равного количества представителей от каждой страны и находиться под коллективным командованием. В конечном счете эти войска могли бы охватить весь мир.

В связи с тем, что двоякий процесс разоружения и создания объединенных вооруженных сил будет как многосторонним, так и демократическим, будет обеспечено право большинства критиковать и даже вмешиваться в события, происходящие в отдельно взятой стране, если там нарушаются основные международные правила. Более того, поскольку все большие армии будут ликвидированы и все конфликты, к примеру приграничные, будут разрешаться при помощи объединенных международных сил, то и крупные, и маленькие страны будут находиться в равном положении. В результате таких реформ международная обстановка станет стабильной.

Безусловно, огромные финансовые средства, освободившиеся благодаря прекращению производства оружия, также дали бы невероятный толчок всемирному развитию. Сегодня страны мира ежегодно расходуют триллионы долларов на поддержание своих вооруженных сил. Вы можете себе представить, сколько за эти деньги можно создать больничных коек? Сколько школ и домов можно построить? К тому же, как я уже говорил ранее, на развитие военной сферы расходуется впустую огромное количество и без того скудных ресурсов, что не только препятствует уменьшению бедности, неграмотности и борьбе с болезнями, но также требует использования ценных человеческих ресурсов.

Наши ученые чрезвычайно умны. Зачем тратить их таланты на такие чудовищные дела, когда их можно использовать для развития всего человечества? Можно заняться орошением крупнейших пустынь мира, Сахары и Гоби, что увеличило бы производство продовольствия и облегчило бы ситуацию с перенаселенностью. Многие страны сейчас годами страдают от жестоких засух. Можно разработать новые, менее дорогостоящие методы опреснения воды, чтобы сделать морскую воду пригодной для потребления человеком и для использования в других целях. Существует много насущных проблем в сфере энергетики и здравоохранения, где наши ученые могли бы с большей пользой приложить свои таланты. Поскольку благодаря их усилиям мировая экономика развивалась бы более быстрыми темпами, выросли бы их доходы! Наша планета обладает огромными природными богатствами. Если мы будем разумно их использовать, начав при этом с ликвидации милитаризма и войн, воистину, каждый человек сможет жить в достатке и благополучии.

Естественно, мир во всем мире не может наступить в одночасье. Поскольку ситуация в разных частях света очень различается, то достичь его можно постепенно. Но я не вижу причин, почему мир не может воцариться в одном регионе, а затем распространиться повсюду, по всем континентам.

Я предлагаю, чтобы региональные сообщества, такие, например, как Европейский Союз, стали составной частью более гармоничного миропорядка, который мы пытаемся создать. Если объективно взглянуть на ситуацию, сложившуюся после холодной войны, такие сообщества совершенно очевидно являются наиболее естественными и желательными компонентами нового мирового устройства. Насколько мы можем видеть, почти гравитационное притяжение нашей все растущей взаимозависимости рождает необходимость в новых структурах, предполагающих более тесное взаимодействие. Европейский Союз является пионером в этой области, поскольку в нем формируется хрупкий баланс между экономическим, военным и политическим единством, с одной стороны, и суверенными правами государств-членов — с другой. Меня воодушевляет эта работа. Кроме того, я верю, что подобные проблемы будет решать новое Содружество Независимых Государств и что семена такого единства уже дают свои первые всходы в сознании руководителей многих республик, входящих в его состав. В этом контексте я хотел бы кратко сказать о будущем моей страны, Тибета, — и Китая.

Подобно бывшему Советскому Союзу, коммунистический Китай является многонациональным государством, искусственно созданным под влиянием экспансионистской идеологии. По сей день управление страной осуществляется силовыми методами по типу колониальных держав. Мирное, процветающее и, что самое главное, политически стабильное будущее Китая зависит от успешной реализации не только устремлений его собственного народа, связанных с более открытой, демократической системой, но также с чаяниями восьмидесяти миллионов так называемых «национальных меньшинств», желающих вновь обрести свободу.

Чтобы в сердце Азии, которая является домом для одной пятой населения Земли, вновь воцарилось настоящее счастье, на месте современного государства под названием Китайская Народная Республика должно образоваться плюралистическое, демократическое содружество независимых государств. Безусловно, такое содружество не должно ограничиваться народами, которые в настоящее время находятся под властью китайских коммунистов — тибетцами, монголами и уйгурами. В создании азиатского союза могут быть заинтересованы народы Гонконга, Тайваня, который отстаивает свою

независимость, и даже тех стран, которые сейчас страдают от коммунистических режимов в Северной Корее, Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

Однако наиболее остро этот вопрос стоит для народов, находящихся под управлением китайских коммунистов. Если правильно подойти к решению данной проблемы, то это поможет спасти Китай от насильственного распада, сепаратизма и возврата к тому хаосу, от которого этот великий народ уже пострадал в XX веке. В настоящий момент политическая жизнь страны настолько поляризована, что существуют все основания опасаться возобновления кровопролития. Каждый из нас, каждый член мирового сообщества, несет моральную ответственность за предотвращение тех неизмеримых страданий, которые гражданские столкновения могут принести огромному населению Китая.

Я верю, что процесс диалога, посредничества и поиска компромиссов с целью создания сообщества азиатских государств сам по себе даст реальную надежду на мирную эволюцию, направленную на создание нового строя в Китае. С самого начала государства, члены такого сообщества, могут договориться о проведении общей политики в области обороны и международных отношений. Появится много возможностей для сотрудничества. Решающее значение будет иметь наша способность найти мирный, ненасильственный путь для сил свободы, демократии и посредничества в целях успешного изменения современной атмосферы несправедливых репрессий.

Зоны мира

На мой взгляд, в таком азиатском союзе Тибет будет играть роль «зоны мира»: нейтральной демилитаризованной территории, где будет запрещено любое оружие, а люди будут жить в гармонии с природой. Это не просто мечта, именно так тибетцы старались жить на протяжении более тысячи лет, пока в нашу страну не вторглись. Как всем известно, все виды живой природы в Тибете находились под строгой охраной, что соответствовало буддийским принципам. Кроме того, на протяжении по меньшей мере последних трех сотен лет у нас не было армии. Тибет отказался от ведения войн как инструмента государственной политики в VI—VII веках, после правления трех религиозных правителей.

Возвращаясь к отношению между созданием региональных объединений и проблемой разоружения, я хотел бы предложить, чтобы «сердцем» каждого такого сообщества стала бы одна или несколько стран, которые приняли решение стать зонами мира, территориями, на которых запрещается размещение вооруженных сил. И я снова повторяюсь — это не просто мечта. Сорок лет назад, в декабре 1948 года, Коста-Рика распустила свою армию. Не так давно тридцать семь процентов населения Швейцарии проголосовали за роспуск своих вооруженных сил. Новое правительство Чехословакии приняло решение прекратить производство и экспорт любых видов вооружений. Если эти народы делают такой выбор, государство может предпринять радикальные шаги по изменению самой своей природы.

Такие зоны мира могут стать оазисами стабильности внутри региональных сообществ. Эти зоны будут оплачивать свою часть расходов на содержание коллективных сил, созданных сообществом в целом, но при этом они станут провозвестниками мироустройства, свободного от войн, и будут исключены из участия в любых конфликтах. Если в Азии, Южной Америке и Африке действительно возникнут региональные сообщества, если

процесс разоружения достигнет того уровня, когда будут созданы международные силы, то такие зоны мира будут расширяться, и по мере их роста жизнь на Земле будет становиться все спокойнее.

Когда мы рассматриваем то или иное предложение по созданию нового миропорядка, более единого в политическом, экономическом и военном отношениях, то не нужно думать, будто все эти планы относятся к далекому будущему. К примеру, недавно созданная Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе, куда входит сорок восемь членов, уже положила начало сотрудничеству между государствами Восточной и Западной Европы, а также Содружеством Независимых Государств и Соединенными Штатами. Эти знаменательные события значительно уменьшили опасность крупной войны между этими двумя могущественными сообществами.

Я не упомянул в этом обсуждении Организацию Объединенных Наций, поскольку и ее решающая роль в создании более совершенного миропорядка, и ее огромный потенциал в этом деле — общеизвестны. По определению, ООН должна находиться в самой гуще любых значительных преобразований. Однако в будущем этой организации следует усовершенствовать свою структуру. Я всегда возлагал на ООН большие надежды, и сейчас у меня нет намерения критиковать эту организацию, я просто хотел бы отметить, что климат послевоенных лет, когда была задуман ее устав, уже изменился. Эти изменения дают нам возможность дальнейшей демократизации ООН, в особенности — до некоторой степени элитарного Совета Безопасности с его пятью постоянными членами: он должен стать более репрезентативным.

В заключение

Я хотел бы завершить следующим утверждением: в целом я испытываю оптимизм по поводу будущего. Некоторые тенденции недавнего времени предвещают большие потенциальные возможности для становления более совершенного миропорядка. Еще в пятидесятых и шестидесятых годах XX века люди верили, что война — неизбежное условие существования человечества. Холодная война, в частности, усилила представления о том, что противоборствующие политические системы могут лишь сталкиваться друг с другом, а не соревноваться или даже сотрудничать. Сейчас лишь немногие поддерживают эту точку зрения. Сегодня люди по всему миру по-настоящему обеспокоены проблемой сохранения мира. Их гораздо меньше интересует распространение каких-либо идеологий и больше заботит мирное сосуществование. Это очень позитивные тенденции.

К тому же люди тысячелетиями верили, что человеческим сообществом может управлять только авторитарный режим, использующий жесткие методы подавления. Однако всем присуще внутреннее стремление к свободе и демократии, поэтому эти тенденции конфликтовали между собой. Сегодня уже очевидно, какая из них одержала победу. Появление ненасильственных движений «народного сопротивления» бесспорно доказало, что человеческое сообщество не может мириться и нормально существовать под управлением деспотических режимов. Признание этого факта является значительным прогрессом.

Еще одна обнадеживающая тенденция — это растущее взаимопонимание между наукой и религией. На протяжении XIX и большей части XX веков конфликт между этими очевидно противоположными мировоззрениями заводил человечество в тупик. Сегодня физика,

биология и психология достигли настолько высокого уровня, что многие исследователи начинают ставить перед собой весьма глубокие и сложные вопросы об изначальной природе Вселенной и жизни — те же вопросы, которые являются первостепенными для религии. Таким образом, существует реальная возможность формирования более целостного мировоззрения. В частности, создается впечатление, что сейчас формируется новая концепция сознания и материи. Восток больше занимается проблемами сознания, Запад увлечен изучением материи. Теперь, когда они встретились, это духовное и материальное восприятие жизни может стать более гармоничным.

Быстрые изменения в нашем отношении к Земле также обнадеживают. Еще 10—15 лет назад мы бездумно потребляли ее ресурсы, будто они неисчерпаемы. Теперь не только отдельные люди, но и правительства размышляют над созданием нового экологического миропорядка. Я часто шучу, что луна и звезды выглядят великолепно, но если кто-то из нас попытался бы на них пожить, то нам бы пришлось несладко. Наша голубая планета — самое прекрасное место из известных нам. Ее жизнь — это наша жизнь; ее будущее — наше будущее. И хоть я и не верю в то, что сама Земля — живое существо, но она воистину приходится нам матерью, и как дети, мы от нее зависим. Теперь мать-природа говорит нам, что мы должны объединиться. Перед лицом таких глобальных проблем, как парниковый эффект и истощение озонового слоя, отдельные организации и страны беспомощны. Если мы не приложим совместных усилий, решение не будет найдено. Наша мать дает нам урок всеобщей ответственности.

Я полагаю, мы можем утверждать, что следующее столетие будет более дружелюбным, гармоничным, менее губительным — и все это благодаря тем урокам, которые мы начинаем усваивать. Сострадание — росток мира — сможет вырасти и расцвести. Я полон надежд. В то же время я верю, что каждый человек несет ответственность за то, чтобы наша всемирная семья двигалась в правильном направлении. Одних пожеланий недостаточно; нам нужно взять на себя ответственность. Крупные движения возникают благодаря инициативам отдельных людей. Если вам кажется, что вы не сможете добиться многого, то человек рядом с вами тоже может пасть духом и будет упущена хорошая возможность. С другой стороны, каждый из нас может вдохновить других людей, если просто будет работать над развитием своего собственного альтруизма.

Я уверен, что многие честные, искренние люди по всему миру уже придерживаются изложенных мною взглядов. К сожалению, никто к ним не прислушивается. Хотя мой голос тоже может остаться незамеченным, я решил, что должен попробовать высказаться от их имени. Безусловно, некоторым людям может показаться, что Далай-Лама слишком самонадеян, если позволяет себе высказываться в этом духе. Но поскольку я получил Нобелевскую премию мира, то считаю, что поступать таким образом — моя обязанность. Если бы я просто взял премию и потратил ее, как мне вздумается, то это выглядело бы так, как будто все эти прекрасные слова я говорил лишь для того, чтобы получить премию! Однако теперь, когда мне ее вручили, я просто должен отблагодарить за это, продолжая отстаивать точку зрения, которую высказывал всегда.

Что касается меня, то я искренне верю, что и отдельные люди могут повлиять на происходящее в обществе. Поскольку периоды больших изменений, подобных нашей эпохе, в человеческой истории случаются нечасто, от каждого из нас зависит, чтобы отведенное нам время было использовано наилучшим образом и наш мир стал счастливее.

Словарь

Афхатовость — в буддизме Хинаяны — состояние нирваны, т. е. отсутствия страданий, высшая стадия духовного совершенствования, достигнув которой, человек больше не перерождается. В Махаяне ар-хатовость не считается конечным пределом развития личности, поэтому архаты должны продолжать свой путь как бодхисаттвы. Архат — человек, достигший высшего уровня духовного развития и видения подлинной природы вещей. Первым архатом называл себя Гаутама Будда.

Бодхисаттва (санскр.: просветленное или стремящееся к просветлению существо) — 1) просветленное существо, которое продолжает перерождаться, чтобы помочь в достижении просветления всем другим существам. Его высшая цель — достичь состояния буддовости. На этом пути бодхисаттва проходит стадии духовного развития — бхуми; 2) в буддизме Махаяны — монахи и миряне, давшие обет достигнуть просветления из сострадания к другим существам, а не для себя.

Бодхичитта (санскр.: просветленный ум) — в буддизме Махаяны — желание стать буддой для того, чтобы привести все существа к просветлению — основная цель практики Махаяны. Другое значение этого слова — полное осознание пустотной природы ума и явлений.

Бон — автохтонная религия, распространенная в Тибете до введения здесь буддизма. Родственна шаманизму Центральной и Северной Азии. Практикуется и поныне. Современный бон многие черты вероучения заимствовал у буддизма, поэтому иногда его называют пятой школой тибетского буддизма.

Будда — просветленный. Разогнавший тьму двух омрачений (негативных эмоций и ложных взглядов) и развивший два вида всезнания (знание природы явлений и знание об их множественности).

Будда Шакьямуни — исторический Будда. Жил в Индии две с половиной тысячи лет назад. Царевич из рода Шакья. Его собственное имя — Сид-дхартха.

Буддадхарма — см. Дхарма. ■

Бхикшу — третья, высшая степень посвящения буддийского монаха.

Бхуми (санскр.: земля, страна, основа положения,) — стадии духовного роста бодхисаттв. В Хинаяне их восемь, в Махаяне - десять.

Ваджраяна (санскр.: Алмазная колесница) — одно из трех основных направлений в буддизме наряду с Хинаяной и Махаяной. В отличие от остальных форм буддизма делает упор на йогическую практику. В ее основе лежат методы, практики, тексты, именуемые тантрами. Поэтому это направление еще называют Тантраяной.

Ваджрадхара (санскр.: Держатель ваджры) — будда, антропоморфный символ недвойственности и безусловенной природы просветления. Школами тибетского буддизма отождествляется с первоначальным буддой. Считается, что выдающиеся йоги

могут получать от него новые учения. Так, Тилопа получил от него методы махамудры («великого символа»), на основе которых возникла школа кагью.

Взаимозависимость — если говорить в общем, в основе буддийской философии лежит понятие о взаимосвязях. Ничто не существует независимо. Каждое явление имеет под собой причину, и наши действия и поступки вызывают, усиливают или видоизменяют те события, которые произойдут с нами в будущем. Закон причин и следствий навечно закреплен двенадцатью взаимозависимыми факторами, которые заточают живые существа в сансаре — колесе бытия. Невежество порождает ментальные конструкции, формирующие сознание, которое все наделяет названиями и формой, лежащими в основе появления шести чувств. Благодаря им возникает контакт, который порождает переживания (ощущения), пробуждающие желание, к которым мы прилипаем. Это прилипание вызывает желание существовать, что приводит к рождению, а впоследствии к старению и смерти. Необходимое и достаточное условие освобождения от колеса перерождений — разрушение любого из двенадцати звеньев этой цепи.

Вималамитра (IX в. н. э.) — индийский ученый и мастер высокой реализации. Один из трех мастеров, принесших в Тибет учение дзогчен. Считается, что в момент смерти он обрел неразрушимую форму радужного тела, т. е. трансформировал свое тело в радуго.

Винайя — часть буддийского канона, содержащая заповеди, обеты и правила поведения для монахов и мирян.

Восьмеричный путь — четвертая благородная истина — путь, ведущий к освобождению от страданий: путь правильных воззрений, размышлений, речи, действий, способов поддержания жизни, способов приложения сил, способов памятования и сосредоточений.

Гелуг — одна из четырех основных школ тибетского буддизма. Ее главой является Далай-Лама. Школа была основана Цонкапой в XIV в.

Геше — буквально «духовный друг». Титулом геше среди монахов называют доктора философии.

Гуру-йога — практика, основанная на визуализации адептом образа учителя-гуру.

Две истины — учение Махаяны о двух уровнях знания. Абсолютная истина, или истина «наивысшего смысла», постигается через осознание без использования ментальных конструкций. Согласно Патрулу Ринпоче, она «находится вне рамок ума, непостижима и невыразима». Относительная истина, или истина, «обусловленная мирскими значениями», для заблудшего ума является очевидной, постигаемой и воспринимаемой как реальность.

Дзогчен (на санскрите — ати-йога) — учение Великого совершенства, высшая йога тибетской школы ньингма. Дзогчен дает возможность непосредственно достигнуть состояния ума «чистого присутствия» и полного осознания.

Дилго Кхьенце Ринпоче (1910—1991) — один из величайших тибетских учителей XX века, хранитель линии духовной преемственности всех четырех основных школ тибетского буддизма. Ученик и учитель нынешнего Далай-Ламы (см. книгу Мэтью Рикара «Дух Тибета»).

Добро — согласно Дуджому Ринпоче, «все, что ведет к счастью».

Дхарма — этот термин имеет много разных значений. В современном контексте синоним буддадхармы, означающий все учения Будды, будд и просветленных мастеров. Согласно буддийской традиции, эти учения открывают путь к пробуждению. У дхармы есть два главных аспекта: передача дхармы, т. е. словесные формы, которые выступают в качестве обоснования учений; дхарма — духовная реализация, которая достигается подлинной духовной практикой.

Дуджом Ринпоче (1904—1987) — выдающийся ученый и представитель школы тибетского буддизма ньингма. Одна из его главных работ — «Школа тибетского буддизма ньингма: ее основы и история».

Защитники дхармы (дхармапалы) — защитники мудрости, которые являются эманациями будд или бодхисаттв, проявляющихся в этой форме для защиты дхармы и ее адептов. К другим видам защитников дхармы относятся духи, божества, демоны, покорившиеся высшим реализованным существам и взявшие на себя клятву защищать дхарму.

Зло — согласно Дуджому Ринпоче, «то, что приводит к страданиям». Все, что оказывает неприятное и болезненное воздействие.

Йога божеств — практика Ваджраяны, в центре которой божество, олицетворяющее возможность достижения просветления для конкретного человека. Божество может быть мужским и женским, добрым и гневным, подбирается в соответствии с личными особенностями практикующего. Йога божеств — это быстрый способ трансформации обыденных, ложных убеждений человека в мудрость.

Кагью — одна из четырех основных школ тибетского буддизма. В ней существует несколько традиций («четыре больших и восемь малых»). Наиболее важной и влиятельной является подшкола карма-кагью.

Калачакра (Калачакра-тантра) (санскр.: колесо времени) — система тантрических духовных практик, чрезвычайно популярных среди мирян в тибетском буддизме. Далай-Лама XIV дает ежегодные массовые проповеди и посвящения в эту тантру.

Калу Ринпоче (1904—1989) — Мастер, йогин, видный деятель мирового буддизма, получил полную передачу учений духовных линий карма-кагью и шангпа-кагью (которую он фактически возродил), автор ряда сочинений и основатель нескольких монастырей и центров тибетского буддизма в Индии, Северной Америке и Европе.

Кальпа — очень большой промежуток времени в индуистской и буддийской космологии.

Карма — фундаментальное понятие индийских религий. Его суть заключается в том, что человеческая жизнь считается одним из звеньев в цепи перерождений. Каждая последующая жизнь человека определяется поступками, совершенными им в предыдущих жизнях.

Кармапа (тибет.: человек действия) — духовный глава школы тибетского буддизма кагью. Перерождающийся лама (тулку) считается земным воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары. По своему рангу считается третьим по статусу иерархом Тибета (после Далай-Ламы и Панчен-Ламы), В тексте Его Святейшество упоминает шестнадцатого Кармапу (1923—1981).

Колесница (на санскрите — яна) — направление в буддизме. Существует три колесницы: Малая колесница, или Хинаяна, в основе которой лежит идея самоотречения; Великая колесница, или Махаяна, ее основная идея — сострадание; Алмазная колесница, или Ваджраяна, ее основу составляют тантрические практики.

Лама (на санскрите — гуру) — буквально «тяжелый» или «обремененный» (достоинствами). Человек, способный вести других к духовной реализации; учитель.

Мадхьямика — первая философская школа Махаяны, основанная Нагарджуной. Учение Срединного пути о пустоте. «Срединный» означает пролегающий посередине между крайностями нигилизма и этернализма.

Мандала (санскр.: круг, диск, место творения ритуала) — графический символ сложной структуры. В контексте тантрической практики символизирует Вселенную, в центре которой располагается дворец божества. Как подношение, символизирует всю Вселенную, которую адепт посылает в знак благодарности за получение буддийских учений.

Мантра (санскр.: сокровенное речение) — буквально «то, что защищает ум» (адепта Ваджраяны от всех проявлений невежества). В целом обозначает звуко- и словосочетания. Их произнесение и воспроизведение в памяти является одним из основных элементов в практике медитаций Ваджраяны.

Махаанутгара-йога-тантра — одна из систем высшей йоги в Ваджраяне.

Махакала — гневное божество, защитник Дхармы в мифологии Ваджраяны. «Грозный лик» бодхисаттвы Ченрези. Известно семьдесят пять его форм: двурукие, шестирукие и шестнадцатирукие, все они темно-синего цвета.

Махамудра (санскр.: великий символ, печать) — символ всеохватывающей природы Абсолюта. Духовное учение и система высших форм медитации на пустотности и чистом пространстве, широко применяемых в тибетских школах кагью и гелуг.

Махаяна (санскр.: Великая колесница) — название второго (после Хинаяны) исторического направления в буддизме. Называется великой, поскольку своей целью считает достижение состояния будды всеми живыми существами. Другое название Махаяны — колесница бодхисаттв, поскольку в центре ее доктрины — учение о земных и небесных бодхи-саттвах.

Миларепа (1040—1123) — великий тибетский йог и поэт, его биография и песни относятся к числу самых популярных литературных произведений в тибетском буддизме.

Мудрость — способность к правильному пониманию, обычно в более узком смысле — пониманию идеи о пустоте.

Нагарджуна (I—II вв. н. э.) — индийский буддийский Мастер, основоположник Мадхьямики, автор ее основополагающих текстов; считается одним из бодхисаттв Махаяны.

Наропа (1016—1100) — индийский буддийский Мастер йоги, учитель Марпы, передавший ему линию духовной передачи школы тибетского буддизма кагью.

Нирвана (санскр.: недупование, отсутствие какого бы то ни было влияния, полное прекращение) — свобода от желаний, страданий, привязанностей; освобождение от сансары, колеса перерождений.

Ньингма — одна из четырех основных школ тибетского буддизма.

Падмасамбхава — индийский Мастер, живший в VIII в. Основатель тантрического буддизма и буддизма в Тибете, в частности самой старой его школы — ньингма. В Тибете его называют Гуру Ринпоче и почитают как воплощение будды Амитабхи.

Палден Лхамо (на санскрите — Шридеви) — одно из наиболее почитаемых божеств в Тибете. Считается защитницей Лхасы, покровительницей Далай-Ламы и школы гелуг. Согласно тибетским верованиям, Палден Лхамо исцеляет от всех болезней, является хозяйкой времени, хранительницей тайн жизни и смерти. Она оберегает от злых духов, порчи и злых языков, а также от всех внешних врагов. Демоны болезней и кладбищ подчинены ее воле, поэтому ее имя стараются не упоминать.

Пова — одно из шести учений Наропы, практика перемещения сознания в момент смерти. В буддизме она является подготовкой к последним часам жизни посредством реализации иллюзорной природы всех проявлений сансары.

Праджняпарамита (санскр.: совершенствование мудрости) — 1) одна из главнейших концепций Махаяны, описывающая доктрину дхарм и пустоты, кажущейся реальности и пути бодхисаттв; 2) название отдельных сутр и цикла махаянской канонической литературы.

Пробуждение — синоним просветления.

Пустота (или пустотность) — одна из главных категорий философской теории и религиозной практики буддизма Махаяны.

Ринпоче (тибет.: драгоценность, великоценный) титул, присваиваемый признанным духовным учителям.

Сакья — одна из четырех основных школ тибетского буддизма. Основана в XI в.

Сангха (санскр.: объединение, общество) — сообщество следующих по пути Дхармы — от простых людей до бодхисаттв.

Сансара (санскр.: странствие из рождения в рождение) — мир страданий и горестей, созданный и управляемый законом кармы; колесо перерождений человека в этом мире.

Срединный путь — синоним Восьмеричного пути.

Сутра (санскр.: нить, шнур) — текст, содержащий учения Будды.

Сутраяна — экзотерические учения буддизма Хиняны и Махаяны; в отличие от экзотерических тантрических учений.

Таклунг-кагью — одна из «Восьми малых» школ традиции тибетского буддизма кагью. Название получила по монастырю Таклунг.

Танка (тибет.: поле, живопись на холсте) — тибетские религиозные изображения на свитках. Обычно изображаются будды, бодхисаттвы, божества, учителя, мандалы и т. д.

Тантра (санскр.: ткань) — название эзотерических учений Будды в Ваджраяне; синоним Ваджраяны, которую еще называют Тантраяна.

Тантраяна — см. Ваджраяна.

Тара — наиболее почитаемое в Тибете женское божество, бодхисаттва, рожденная из слезы Ченрези. Является духовной супругой будды Амогхасиддхи (именно ему она дала обет спасти все существа). Различают ее милостивые и гневные формы. Олицетворяет силу просветленного сострадания.

Татхагата-гарбха (санскр.: постигший истинную сущность) — представление, согласно которому состояние будды скрыто в каждом живом существе, т. е. любой человек способен стать буддой.

Тилопа (прибл. 988—1069) — индо-буддийский Мастер йоги. Основоположник линии передачи, из которой возникла тибетская школа кагью. Будучи в йогическом трансе, Тилопа получил наставления непосредственно от Ваджрадхары. Один из восьмидесяти четырех махасиддх — великих и совершенных адептов Ваджраяны. Учитель Наропы.

Трекчо (тибет.: проруб, просека), тогал (тибет.: прямая переправа) — две основные практики дзог-чен, при помощи которых среди ложных помыслов и представлений раскрывается безначальная чистота (кадаг) и спонтанное присутствие (лхун друп).

Три драгоценности — Будда, или просветленный; Дхарма, или его учения; и сангха, сообщество последователей буддизма. Эти три драгоценности являются основой буддийского Прибежища. В более глубоком смысле Будда олицетворяет нашу истинную природу будды, Дхарма — естественную чистоту всех явлений, а сангха — цельность всех живых существ.

Тулку (тибет.: воплощенное тело). У тибетских буддистов — Мастер высокой реализации, способный контролировать свое сознание во время смерти. Он может решать, где и когда родиться в следующий раз, чтобы продолжить свое служение всем живым существам.

Туммо — одна из шести йогических практик Наропы. В состоянии глубокой медитации йог своим телом способен вырабатывать тепловую энергию. Эта практика распространена в школе кагью.

Ум — в контексте тибетского буддизма, ум — это не реально существующий феномен, а последовательность моментов осознания, воспринимаемых нами как непрерывность. Ум по своей истинной природе состоит из двух неразделимых аспектов: пустоты (шуньята), которая является сущностью ума; и ясного света, источника его способности к познанию.

Хандрома (на санскрите — дакини) — в мифологии Ваджраяны женские божества и духи, проявления энергии в женской форме, олицетворение мудрости. Помогают адептам, хранят и передают знания о тантрических практиках. Более всего известны как безжалостные защитницы дхармы, не гнушающиеся убивать, казнить ее врагов.

Херука — тантрическое божество, олицетворяющее нашу истинную природу. Хе — пространство, пустота, ка — мудрость, ру — их единство.

Хинаяна (санскр.: Малая колесница) — одно из трех основных направлений в буддизме. В настоящее время представлено одной школой тхеравадой.

Цепакме (на санскрите Амитаюс — будда беспредельной жизни) — особая ритуальная форма будды Амитабхи, к которому обращают мольбы о долгой жизни, крепком здоровье и богатстве. Широко почитается в Тибете.

Цонкапа (1357—1419) — тибетский религиозный деятель и ученый. Основатель школы гелуг. В Тибете его еще называют Чже Ринпоче и Лосанг Дракпа.

Чандракирти (ок. VII в. н. э.) — выдающийся индийский философ, буддийский монах, последователь Нагарджуны и комментатор его работ. Внес значительный вклад в развитие философской школы Мадхьямики.

Ченрези (на санскрите — Авалокитешвара) — бодхисаттва, воплощение сострадания всех будд. В Тибете Далай-Лама считается инкарнацией Ченрези.

Чотен (на санскрите — ступа) — культово-мемориальное сооружение. Часто сооружались над священными реликвиями (мощами, священными текстами) Будды Шакьямуни. В Тибете существует восемь типов ступ, соответствующих восьми важнейшим событиям из жизни Будды.

Шагден, Дордже — дух из пантеона тибетского буддизма. Приверженцы его культа почитают Ш. как защитника Дхармы. Среди тибетцев, в частности внутри школы гелуг, существует конфликт, связанный с поклонением этому божеству. Далай-Лама и его сторонники считают Ш. злым духом, мирским божеством без какой-либо духовной сущности, не достигшим просветления. В связи с этим буддистов призывают воздерживаться от поклонения Ш.

Шантидева (VII в. н. э.) — выдающийся индийский мыслитель и поэт. Автор труда «Бодхи-чарья-ава-тара», или «Вступление на Путь просветленного существа», посвященного практике бодхисаттв. Считается лучшим религиозно-философским трактатом для изучения Махаяны. Далай-Лама написал к нему несколько комментариев (в том числе книгу «Вспышка молнии во тьме ночи»).

Эмоции (негативные, агрессивные, вызывающие страдания, на санскрите — клеши) — психические явления, которые присущи сознанию и приводят к плохим поступкам, вызывая у человека душевные муки.

Янтра (санскр.: сбруя, узда; амулет; магический рисунок) — ритуальный символ или изображение, используемое в некоторых буддийских обрядах и медитативных практиках.